

Лев Николаевич Гумилев
Сюита «Ландшафт и этнос»

Хазария и Каспий

(Ландшафт и этнос: I)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1964. - N 6. вып. I. - С. 83-95.

Задача, решение которой предлагается здесь, была поставлена исторической географией. М.И.Артамонов в своей «Истории хазар» отмечает: «До сих пор точно не установлено местонахождение главнейших городов Хазарии – Итиля и Семендера, неизвестны их вещественные остатки. Не обнаружены не только могилы хазарских каганов, но вообще неизвестны собственно хазарские погребения» [\[1, с. 412\]](#). Иными словами, до сих пор не была открыта территория, на которой жил хазарский народ, хотя довольно точно были известны границы Хазарского каганата. Артамонов указал, что только археологические поиски на Нижней Волге «прольют свет на вопросы, остающиеся не освещенными письменными источниками», и действительно, в 1960-1963 гг. работами Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа были обнаружены не только хазарские могильники [\[2\]](#) с богатым инвентарем, крепости, памятники искусства и следы поселений, но и составлена карта распространения хазар в VI-X веках.

Однако проблема этногенеза хазар и ареала их распространения натолкнулась на трудности, перед которыми историческая наука оказалась бессильна. Только привлечение палеогеографии дало возможность решить проблему Хазарии. В свою очередь, археологические находки позволили уточнить абсолютную хронологию колебаний уровня Каспийского моря и образования протоков дельты Волги. Таким образом, удалось добиться органического сочетания исторической географии с палеогеографией и археологией.

История, пережитая хазарским народом, показывает, что хазары были многочисленны и богаты. Главными занятиями их являлись земледелие и рыболовство, практиковалось и отгонное скотоводство, а виноградники и сады были неотъемлемой собственностью каждого хазарского рода [\[1, с. 397\]](#). Все это показывает, что хазары жили не в сухих степях, а по берегам рек волжской дельты.

Однако предвзятое мнение о неуклонном падении уровня Каспийского моря и, следовательно, высоком его стоянии в VI-X веках толкнуло

Б.А.Рыбакова на предположение, что хазары заселяли не низовья Волги, а степи между Волгой и Доном, севернее Маныча. Ставка хазарского хана, по вычислениям Рыбакова, располагалась не на берегу Волги, а в Калмыцкой степи, к югу от Сарпинских озер. В соответствии с природой этих степей Рыбаков охарактеризовал хазар как полудикое, кочевое, хищническое, паразитическое племя, не оставившее памятников высокой материальной культуры [3, с. 141]. А ведь именно в колебаниях уровня Каспия кроется разгадка хазарского вопроса. На абсолютной отметке минус 32 м, т.е. на 4 м ниже современного уровня, обнаружена береговая линия, прослеживающаяся вдоль побережья Дагестана [4] и у северного Мангышлака [5]. Факты низкого стояния уровня Каспия отмечены еще Л.С.Бергом, который относил их к «доисторическим временам» [6, с. 205-279]. Впрочем, Л.С.Берг не возражал и против того, чтобы датировать этот уровень I тыс. н.э., считая необходимым лишь приведение «убедительных доказательств». Ныне они появились.

Веские доказательства низких стояний Каспия в I тыс. н.э. привели Б.А.Аполлов [7], [8] и А.В.Шнитников [9]. Некоторые уточнения удалось внести нам путем исследования подводной части Дербентской стены, сооруженной в VI веке Хосроем Ануширваном и до сих пор не описанной.

Работа заключалась в глазомерной съемке плана стены, промерах глубин и установлении характера кладки. Производилась она аквалангистом, опускавшимся с лодки с буйком. Лодка прикреплялась к створу стены, что делало возможным визирование горным компасом на ориентир – водонапорную башню. Допуск при измерениях не превышал 10 м, что в условиях постоянного волнения воды оптимально. В работе принимали участие А.А.Алексин, Г.М.Прохоров и А.Н.Зелинский, которым мы приносим благодарность за мужество и усердие.

Стена простирается от берега в глубь моря на 300 м и заканчивается развалинами башни, сложенной в цоколе крупными тесаными камнями, уложенными непосредственно на скальное основание (Рис. 1). Цокольная часть башни находится на глубине 5,5 м, т.е. на абсолютной отметке минус 33,5 м. На урезе воды, т.е. на отметке минус 28 м от основной стены, уходящей под воду в море, протянулась вдоль берега поперечная стена длиной 80 м, сложенная также из крупных тесаных камней сасанидского периода. По архитектуре морской конец стены являлся прямым продолжением наземного.

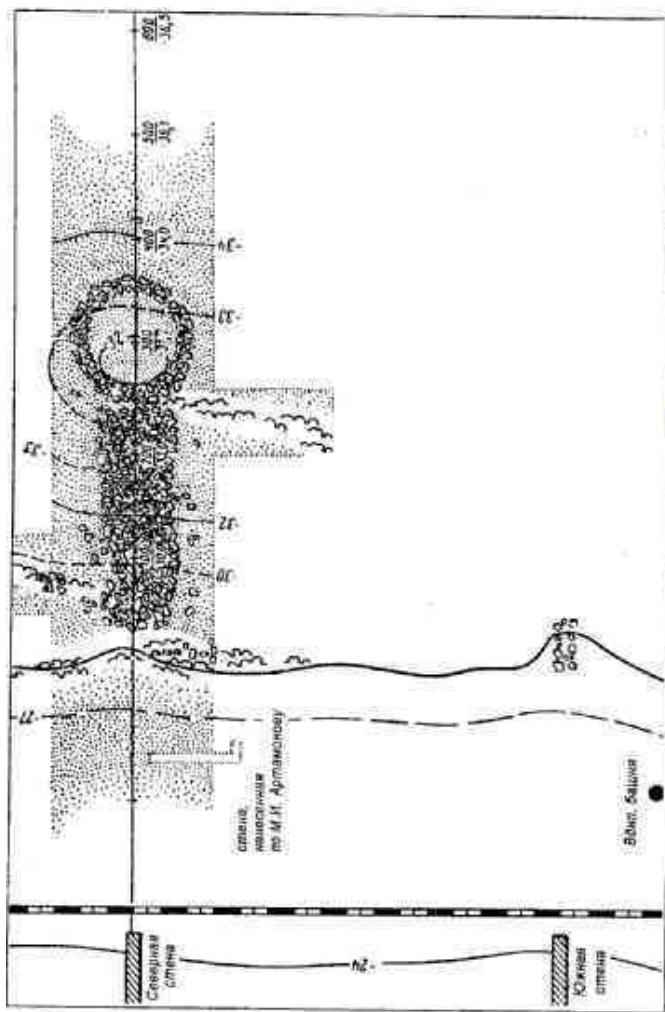

Рис.1. План подводного конца Дербентской стены

Реконструкцию стены позволяет осуществить следующий расчет: длина стены – 300 м, ширина развала стены – 70 м, осредненная высота развала – 1 м, примерный объем развалин составляет $300 \times 70 \times 1 = 21000 \text{ м}^3$. Для материала, состоящего из крупных блоков размером до 1-1,5 м, находящегося в состоянии беспорядочного навала, объем пустот в среднем принимаем 25 процентов.

Стены на берегу имеют ширину 4 м, высота их колеблется от 18 до 20 м [10, с. 122].

Предполагаем: 1) что стена, уходящая в море, также имела ширину 4 м; 2) что длина развалин равна длине стены. Отсюда мы можем определить высоту стены: $21000 / (1,25 * 4 * 300) = 14 \text{ м}$

Среди развалин стены на глубине 4 м обнаружен фрагмент сосуда типа амфоры, аналогичного многим сосудам, вкопанным в землю вдоль южной

стороны наземной стены и служившим хранилищами воды для ее защитников. Это показывает, что в VI веке на абсолютной отметке минус 32 м было сухо, так как иначе закапывать сосуд с пресной водой не имело смысла. Таким образом, уровень моря во второй половине VI века был ниже современного по крайней мере на 4 м; при этом обнажилась территория, примыкавшая к современной дельте Волги, площадью не менее 50 тыс. км .

Данные, полученные нами, частично противоречат сведениям, сообщаемым арабскими географами X века. Так, например, Кудама (948 г.) пишет, что Ануширван построил стену из каменных глыб и свинца. Камни возили на судах и бросали в море, пока насыпь не поднялась над поверхностью воды. На этой насыпи он продолжил постройку и выдвинул стену на 3 мили (около 5 км) в море. На самом деле стена уходит в море лишь на 300 м, с башней еще на 50-70 м и построена не на насыпи, а непосредственно на скальном основании дна, без фундамента. Очевидно, Кудама предложил гипотезу сооружения стены, так как на большой глубине, видимо существовавшей в его время, иначе построить стену было невозможно. Остается неясным вопрос о способе постройки стены, уходящей в море, но тут проливает свет сообщение Масуди.

Масуди (943-947 гг.) определяет длину морского отрезка стены в одну милю, что тоже преувеличено, но технику постройки описывает иначе: камнями загружались бурдюки и опускались до дна, после чего водолазы прорезали бурдюки ножами ^[11]. Это, на первый взгляд абсурдное, сведение ближе к истине при учете необходимых поправок и критики. Огромные плиты, конечно, не могли поместиться ни в какой бурдюк. Надо полагать, что бурдюки привязывались к плитам ремнями, что позволяло плиту во взвешенном состоянии устанавливать на нужное место. После этого отрезались ремни, и бурдюк снова шел в дело. Но такая постройка могла быть осуществлена лишь на глубине человеческого роста, т.е. не глубже 1,5 м. При больших глубинах был бы неизбежен разброс камней, а его нет. Передвинуть же сасанидскую плиту под водой непосильно ни для каких водолазов. Значит, Масуди тоже создает гипотезу, правда более близкую к истине, чем гипотеза Кудамы.

Прежде чем давать им оценку, рассмотрим сообщение Истахри (930 г.), который пишет, что «между морем и рейдом выстроены две стены параллельно морю; проход между ними тесен и узок, и вход в порт сделан извилистым. При входе в порт протянута цепь, так что судно не может войти в порт и выйти из него без разрешения» ^[12]. Это сведение не может относиться ни к северной и южной стенам Дербента, ни к двум отросткам северной стены, из них верхний, ныне скрытый, находился на берегу около современной железнодорожной линии, а второй и сейчас прослеживается в

воде у самого берега, ибо расстояние между ними гораздо больше указанного Истахри.

Описанию отвечает лишь башня, замыкающая стену. В основании она круга, но диаметр ее 50-70 м, и возможно, что в ней были проходы для судов. Башня примыкает вплотную к стене, и выгрузка или погрузка могла совершаться по ее гребню. Сведение Истахри согласуется с нашими данными, тем более что почти постоянное волнение исключает возможность иного способа выгрузки судов на дербентском рейде (Лоция Каспийского моря. 1959. С. 92). За башней в море идет спад глубин. Итак, мы можем принять за репер остатки башни, находящейся на расстоянии 350 м от современного берега на абсолютной отметке минус 33,5. На этом основании мы отвергаем сведения Масуди и Кудамы о длине морского конца стены. Если бы море простиралось на 4,7 км от современного берега на восток, то оно залило бы весь Дербент до цитадели включительно. К счастью, мы имеем другую, реальную цифру длины стены в X веке, на которую указывает А.В.Шнитников, опираясь на В.В.Бартольда, – 600 арабских локтей, т.е. 300 м [9]. Это почти современный уровень или немного ниже. Значит, в X веке Каспийское море стояло на абсолютной отметке минус 28,5-29,5 м.

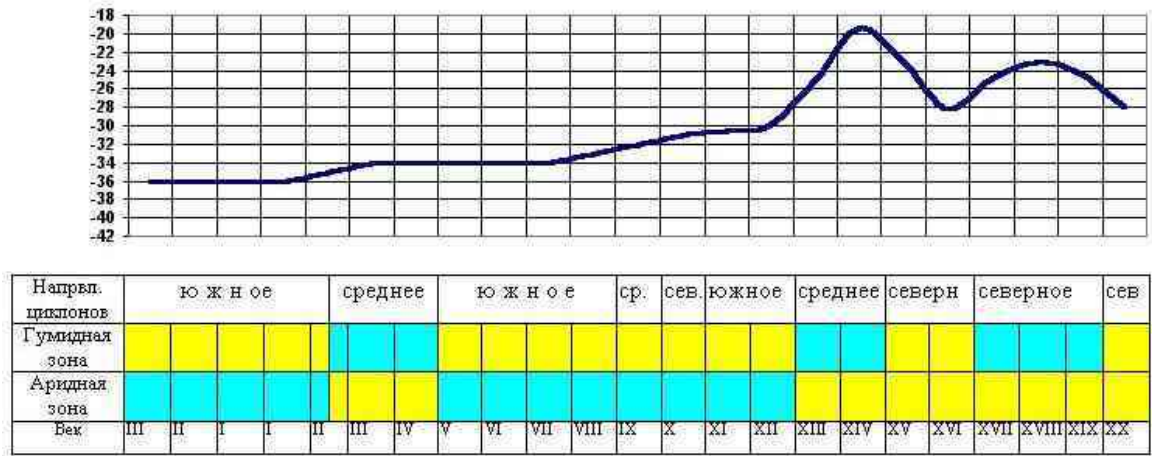

Рис. 2. Колебания уровня Каспийского моря и климатические условия Европы (голубой цвет – увлажнение, желтый – усыхание)

Выведенная нами отметка близка к отметке, полученной при аналогичном расчете Б.А.Аполловым для уровня 1234 г., сделанном по данным Бакинского «Караван-сарая» [прим. 1]. Аполлов пишет: «При постройке крепости ученые того времени знали, что уровень моря за известное им прошлое время не поднимался выше холма, иначе они не стали бы на нем строить крепость. Это время, вероятно, не меньше 200 лет»

[7]. Учитывая скачкообразный характер колебаний уровня Каспия, мы можем допустить, что поднятие моря на 2,5-3 м произошло уже в X веке, это и вызвало у арабских географов повышенный интерес к тому, каким образом построена столь мощная стена на такой большой глубине. До этого времени такая проблема не возникала.

Для Хазарии поднятие уровня моря было трагично, так как она потеряла свои самые богатые земли и ослабела настолько, что стала добычей дружины Святослава в 965 году.. Разумеется, изменение физико-географических условий – не единственная причина гибели Хазарии [1, с. 458], но среди прочих должна учитываться и она.

Установление В.Н.Абросовым гетерохронности увлажнения гумидной и аридной зон Евразии позволило сопоставить климатические колебания с историческими судьбами кочевых народов и с колебаниями уровня Каспийского моря. Поскольку Каспий наполняется Волгой (81%), несущей воду из гумидной зоны, повышение его уровня совпадает с усыханием окружающих степей, и наоборот, наполнение Арала и Балхаша реками аридной зоны означает усыхание Среднерусской равнины. Однако для того чтобы получить полную картину, необходимо учитывать не две, а три возможности прохождения циклонов, несущих влагу от азорского максимума в Евразию: южный путь по аридной зоне, средний – по гумидной и северный – по арктической. Направления их показаны на рис. 2, а зависимость климатических условий от путей циклонов сведена в таблицу.

Таблица. Зависимость климатических условий Евразии от местоположения постоянного центра действия атмосферы

Местоположение постоянного центра действия атмосферы	Прохождение циклона		
	Северное	Среднее	Южное
В арктической зоне	Влажно	Засушливо	Засушливо
В гумидной зоне	Засушливо	Влажно	Засушливо
В аридной зоне	Засушливо	Засушливо	Влажно
Уровень Каспия	Низкий	Высокий	Низкий
Сток Амударьи	Повышен	Понижен	Повышен

Большее или меньшее увлажнение влияло на природу и тем самым на хозяйство народов, населявших лесостепную зону Евразии. Наиболее чутко реагировали на климатические изменения кочевые племена, жившие

натуральным хозяйством. Увлажнение давало им изобилие, позволявшее создавать мощные ханства и совершать победоносные походы; усыхание заставляло их покидать насиженные места и ютиться по окраинам Великой степи. Совмещая данные физической географии и политической истории, мы можем восполнить пробелы первой и объяснить загадочные явления второй. Переселения племен I тыс. не всегда фиксировались в письменных документах и никогда не описывались достаточно полно и точно. Единственным способом проверки источника является археологическое обследование широкой площади для установления смены культур. С этой точки зрения дельта Волги до сих пор не была исследована. Считалось, что поднятие моря в XIV веке донными отложениями перекрыло культурные слои и археологические поиски обречены на неудачу. Это справедливо в отношении низких мест, но многочисленные бэровские бугры даже при трансгрессии до абсолютной отметки минус 20 м оставались незалитыми. На них сохранились памятники, благодаря которым удалось восстановить историю дельты.

Нами открыты три группы памятников, соответствующие трем историческим эпохам: сарматская культура, на рубеже н.э., хазарская и синхронная с ней тюркская (гузская) во второй половине I тыс. н.э. и татарская в XIII-XVI веках. Каждая из них возникла вследствие ведения определенного типа хозяйства и отвечает природным условиям своего времени. Следовательно, по изменению характера культур мы можем судить об изменении ландшафтов, в коих эти культуры бытовали.

На рубеже нашей эры в степной зоне Евразии климат был относительно влажным. Кочевое скотоводство развивалось: хунны в Монголии, усунь в Семиречье и аланы в Прикаспийских степях населяли огромные пространства, позднее превратившиеся в пустыни. Кочевая культура переживала эпоху расцвета [\[13\]](#), [\[14\]](#), [\[15 с. 192\]](#).

От этого периода в низовьях Волги остались памятники сармато-аланской культуры. Нами вскрыты сарматские погребения на высоком берегу Ахтубы (между с. Селитряным и дер. Баста) в 1959 г.; около Енотаевска в 1960 г.; фрагменты сарматской керамики на бугре Степана Разина в 1961 г. и погребение с бронзовыми фибулами и зеркалом на бугре Билинга в 1962 году. Несомненно, что в сарматское время население территории нижней дельты и окружающих ее степей представляло единое целое. Единство культуры говорит о сходстве ландшафта, так как при натуральном хозяйстве материальная культура является функцией природных условий.

Согласно нашей преамбуле, гумидная зона в это время переживала период усыхания, и Волга была мелководна. Поэтому большая часть

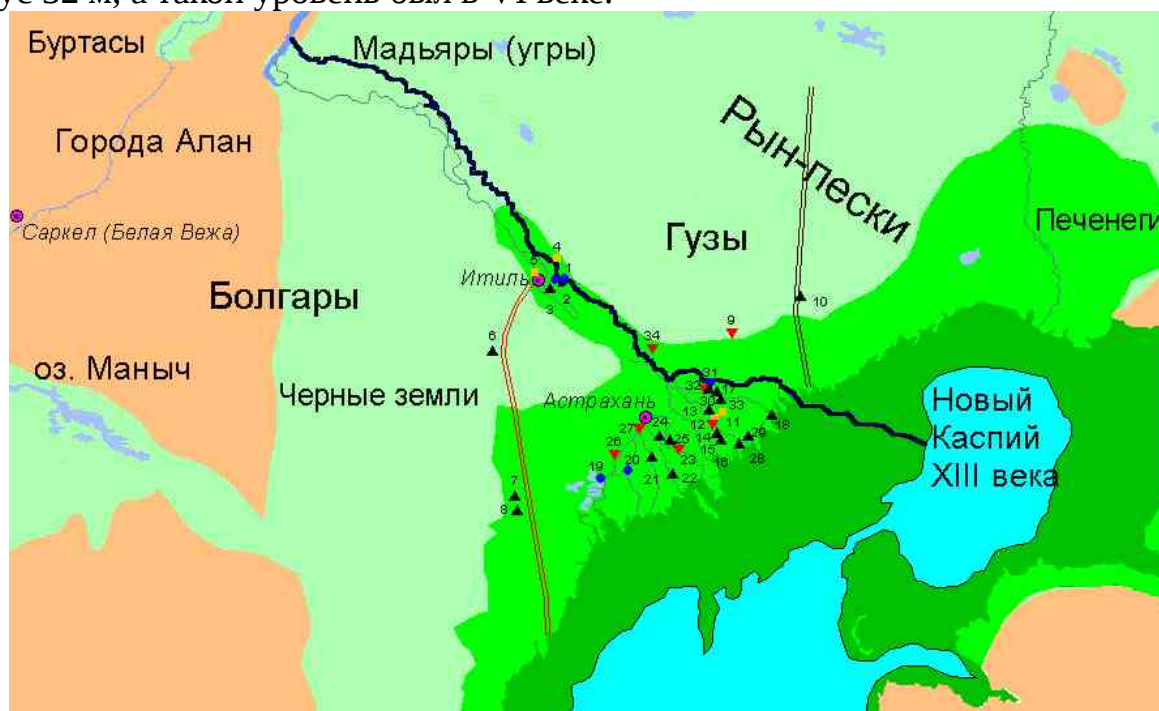
нынешней дельты представляла собой холмистую степь, населенную такими же кочевниками, как и вокруг нее. Основным протоком Волги были Ахтуба и Бузан, и, возможно, эта река впадала в уральскую западину, соединявшуюся с Каспийским морем узким протоком.

Во II веке началось усыхание аридной зоны, достигшее максимума в III веке. За этот период Каспийское море поднялось до отметки минус 33-32 м. Волга понесла такое количество воды, которое тогдашнее русло вместить не могло, и образовала дельту современного типа. На юг дельта простиралась почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака), от которого ее отделял узкий проток из уральской западины, а о восточной и западной границах новообразовавшейся ландшафтной зоны следует сказать подробнее.

При анализе наших наблюдений мы исходим из неоспоримого положения, что в эпоху натурального хозяйства распространение народа тесно связано с кормящим его ландшафтом. Сарматы, обитатели степей, в III веке были вытеснены гуннами, также не задерживавшимися на территории дельты Волги. Начиная с IV века здесь появляются хазары, народ совершенно иного склада – рыболовы и земледельцы. Эпоха IV-IX веков характеризуется устойчивым увлажнением аридной зоны. Следовательно, гумидная зона давала мало влаги, и Волга вошла в берега многочисленных протоков, прорытых ею за минувшие 200 лет. Создался дельтовый ландшафт, где кочевой быт неприменим. Это был зеленый остров среди окружавших его степей, и таким его описывает еврейско-хазарский документ X века: «Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек... Я живу внутри острова» [\[16, с. 87, 103\]](#). Слово «остров» в средневековой арабской литературе применялось также и к рощам среди степей и для всякого ограниченного пространства. Видимо, здесь оно употребляется в том же смысле.

Наши археологические работы 1960-1963 гг. уточнили расположение Хазарии. Хазарские памятники группируются в центральной части волжской дельты между Сумницей Широкой и Старой Волгой. Хазарские погребения с инвентарем открыты на бэровских буграх Степана Разина, Казенном, Корне, Бараньем и Тутинском. На соседних буграх обнаружены остатки поселений: утрамбованные площадки – полы жилищ с керамикой хазарского времени. Но на бугры хазары поднялись довольно поздно, в связи с затоплением низких мест дельты при трансгрессии Каспия. Ранние поселения располагались ниже, у воды. Одно из них было открыто в Иголкинской банке, в 15 км от берега, на мелководье. В выкидах при

углублении фарватера нами найдена хазарская керамика и кости животных. Абсолютная отметка слоя, откуда брался выкид, – минус 29,6 м. Так как поселение располагалось на равнине, то при наличии ветровых нагонов до 2 м для его безопасности необходимо, чтобы уровень моря был не выше минус 32 м, а такой уровень был в VI веке.

Условные обозначения

- Города
- Сарматы
- ▲ Хазары
- ▼ Тюрки гузы
- Татары
- Русло р. Волга в VI в. (Ахтуба)
- Ханская дорога
- Караванная тропа
- Земли затопленные морем в XIII-XIV вв.
- Земли затопленные морем в IX-X вв.
- Берег Каспийского моря в IX-XI вв.

Рис. 3. Волжская Хазария в VI-XIII вв.

Наши наблюдения в дельте Волги позволили нам обнаружить хазарские памятники на Тереке. Низовья Терека непригодны для оседлых поселений, так как они подвержены наводнениям из-за постоянного блуждания реки, текущей в широтном направлении. Аналогом бэровских бугров здесь оказались «буруны» – песчаная возвышенность на левом берегу Терека

между станицами Червленной и Каргалинской. «Буруны» ограничивают долину, по которой меандрировала [\[прим. 2\]](#) бурная река; они по сути дела – подлинный берег. И тут оправдалось наше предположение о соответствии этнического ареала и ландшафта: весь южный край «бурунов» буквально засеян хазарской керамикой. По-видимому, население там в VI-X веках было даже гуще, чем в XIX веке, когда в описанном районе располагались станицы гребенских казаков.

Итак, хазары как на Волге, так и на Тереке занимали районы, в которых кочевой образ жизни был неприменим. И там и тут основными занятиями их были садоводство, охота и рыболовство. Очевидно, последнее толкнуло хазар к освоению низовий Терека и побережья Каспия, стоявшего в то время на 4 м ниже, чем в XX веке. Проникновение их с Терека на Волгу могло произойти только по береговой линии, ныне скрытой под водой. Сухие степи были для них непривлекательны, и действительно, в Калмыкии нет никаких памятников хазарского времени. Но сходство природных условий долины Терека и дельты Волги позволило хазарам освоить оба района, соответствовавшие их хозяйству и быту.

Установив взаимосвязь археологической культуры и ландшафта, попробуем решить проблему исторической географии – выяснить границы волжской Хазарии и тем самым палеогеографию дельты Волги.

Естественная граница Хазарии на востоке – песчаная пустыня Западного Казахстана. Около села Селитряного золотые пески подходят к берегу Ахтубы; ниже пойма расширяется и образует широкую равнину восточной дельты. Здесь между пологими бэровскими буграми врезаны продолговатые озера – остатки протоков Волги. Долина орошается последним к востоку непересохшим протоком – Кигачем. Река богата рыбой, а окружающие ее луга покрыты зеленой травой, так что описываемая территория могла быть подходящим местом для поселения. Действительно, в районе поселка Кордун, недалеко от солоноватых ильменей, обнаружено скопление керамики VIII-X веков на бугре с абсолютной отметкой минус 18 м. В X веке здесь была одна из протоков дельты. Эта находка не единична: в полупустыне, прилегающей к дельтовой равнине, около грязевых сопок в урочище Азау в каждом выдуве встречаются фрагменты керамики, хотя и в небольшом количестве. Поэтому мы можем сделать вывод, что население этой территории было относительно густым. Эту степь населяли не сами хазары, так как керамика по тесту и обжигу принадлежит к тюркскому типу, распространенному от Прибайкалья (курыканы) до Туркмении (гузы) и встречается в Саркеле, где, как известно, гарнизон составляли наемники из кочевников.

Но почему хазары так легко уступали великолепные пастбища соседям, пусть даже друзьям? На это отвечает палеогеография. В VI-IX веках, когда Каспийское море стояло на абсолютной отметке минус 32 м, были обнажены огромные площади, покрытые растительностью. Очевидно, эти просторы позволяли хазарам прокормить свой скот и ловить рыбу в протоках и мелком море у берега.

Несмотря на то что прилегающая к морю равнина тянется далеко на восток, она не вся служила местом обитания хазар. Уже в районе Джамбайской банки, ныне пересохшей, луга сменяются полупустыней. Здесь могли находить для себя пропитание только настоящие кочевники: гузы, печенег, половцы. Для скота эти степи весьма удобны, так как весной и осенью полупустыня покрывается обильной растительностью, и вместе с тем там нет гнуса, бича речных долин.

Вопрос о восточной границе Хазарии осложняется тем, что от Шароновской банки, расположенной восточнее Ганюшкина, начинается караванная тропа, ведущая через Рын-пески на север. Ныне вдоль караванной тропы проходит автомобильная дорога от Ганюшкина на Сазды (небольшой казахский поселок) и дальше – на север. По пути имеются колодцы, расположенные в котловинах выдувания. В одном случае обнаружено скопление фрагментов керамики всех эпох и типов: бронзы, сарматской, тюркской, татарской, а также кремневые отщепы; в другом, у Сазды, площадь выдува меньше, и найдено лишь несколько фрагментов тюркской керамики. Караванная тропа ведет, по-видимому, в Приуралье, где так часты находки персидских предметов искусства. Судя по обнаруженной керамике, она функционировала и до возникновения волжской Хазарии и после ее исчезновения. Остается неясным отношение хазар к этой тропе и торговле, проходившей в обход той, которая шла по Волге. Вряд ли стоило тащиться через пустыни, когда был свободен путь по реке; но если учесть стояние Каспия на уровне минус 32 м, то от Шароновской банки на Мангышлак был прямой путь по суше с одной небольшой переправой, что давало возможность избежать перегрузок и блуждания по протокам дельты, где много мелей, а течение быстрее.

В хазарское время (VI-X вв.) восточная граница дельтового ландшафта проходила западнее, чем в XX веке. Пограничной рекой была Сумница Широкая, ныне текущая в широкой равнине, отделяющей область бэровских бугров центральной дельты от восточнобэровских бугров Казахстана (Азау). В то время как центральные бугры буквально засыпаны погребениями и керамикой, берега Кигача содержат только татарскую керамику и в незначительном количестве гузскую, причем находки не связаны с рекой. Очевидно, Кигач вследствие боковой эрозии проложил свой путь после XIV

века, а до этого тек восточнее, в Джамбайскую банку, через Азау, где сохранились ильмени в русле реки, высохшей позже VIII века. Установить дату позволили находки керамики, оставленные гузами.

И на запад дельта простиралась меньше, чем в настоящее время. Археологические находки не берегах Бахтемира, Большой Волги и Старой Волги, западнее 48 меридиана, – исключительно татарского времени. Видимо, миграция протоков Волги на запад произошла после трансгрессии XIII-XIV веков, а в III-IV веках там была холмистая сухая степь – продолжение области подстепных ильменей. Однако впадины между бэровскими буграми еще не могли быть заполнены водой, стекавшей гораздо восточнее, а следовательно, и не было озер.

Очередная перемена в ландшафте Прикаспийской области имела место в конце XIII века вследствие трансгрессии Каспия. Уровень моря поднялся до абсолютной отметки минус 20 м, потому что гузская керамика VII-X веков нигде не встречается ниже абсолютной отметки минус 18 м. Подобно раковинам *Cardium edule*, эта керамика показывает границу наступившего моря (с учетом нагонов), но со стороны суши. Ниже она перекрыта донными отложениями [\[13\]](#). Отсутствие *Cardium edule* в слоях северного Прикаспия понятно, так как северокаспийские воды были опреснены Волгой и не могли содержать солоноводную фауну.

Подъем уровня Каспийского моря и многоводье Волги резко изменили положение Хазарии. Во-первых, протоки дельты стали проходимы для мелкосидящих ладей, и с X века русы начали проникать водным путем в Каспийское море, что вызвало осложнение их отношений с хазарами [\[1, с. 370-377\]](#). Во-вторых, площадь дельты сокращалась. Поля, сады, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Население ютилось на бэровских буграх, спасаясь от наводнений. Экономика Хазарии рухнула.

К середине X века абсолютная отметка уровня Каспия, по нашим данным, была около минус 28,5 м. Это значит, что хазары потеряли около двух третей своей территории, а следовательно, и своего богатства. Выйти же в соседние степи хазары не могли, ибо там бродили воинственные гузы, союзники киевского князя Святослава, начавшие в 965 г. войну с Хазарией. Разгром полузатопленной страны был неизбежен. Русские, победив, ушли, но гузы некоторое время оккупировали Хазарию [\[1, с. 431, 433\]](#), о чем говорят фрагменты их керамики, разбросанные в небольших количествах на буграх центральной дельты. Остатки хазар обратились за помощью в Хорезм и получили ее ценой обращения в ислам. В этом оказалось их спасение. Когда море поднялось до абсолютной отметки минус 20 м и залило остатки хазарских поселений в дельте, а Волга половодьями уничтожила их в пойме

[2], потомки хазар нашли прибежище в столице полумира, Сарае, и растворились в этническом конгломерате Золотой Орды. Мусульманская вера позволила им механически стать татарами, как в XIII-XIV веках назывались верноподданные мусульмане великого хана улуса Джучиева.

В середине XIV века море начало спадать, и к 1559 г. уровень упал до абсолютной отметки минус 29 м [8], [13] [прим. 3]. За это время Волга успела подмыть свой правый берег и ринулась по современным руслам Бахтемир и Старая Волга. Ахтубу занесло песком, восточные протоки обмелели, а новая река оказалась торговым путем, по которому ходил за три моря тверской купец Афанасий Никитин и многие ему подобные. Теперь самым выгодным занятием стала торговля, и контроль за нею осуществлялся из крепостей, построенных на бэровских буграх по берегам реки. Таково «городище Большого Чертежа» [прим. 4] ныне называемое «Чертово городище», на реке Бахтемир, ниже села Маячного. Абсолютная отметка бугра – минус 9,9 м, а равнины вокруг – минус 25,6 м, т.е. это была крепость на острове.

Крепость была тщательно укреплена. Бока бугра срезаны и образуют отвес высотой 11 м. Ниже этого уровня следов земляных работ нет. Очевидно, вода стояла на этом уровне, т.е. на абсолютной отметке минус 21 м. Стены были построены из характерного татарского кирпича 22x20,5x4 см, розового, трещиноватого, заглаженного пальцами и прекрасно обожженного. Ныне стены растасканы, и сохранились лишь обломки кирпичей. Поверхность бугра покрыта четырехугольными пятнами земляных полов, ордынской керамикой и костями убитых людей. Культурный слой не превышает 4 см. Очевидно, крепость существовала недолго и была разрушена в 1395 г. Тимуром [прим. 5]. О приступе говорят остатки пожара, оплавившего многочисленные фрагменты железных орудий или оружия.

Наши соображения подтвердились нумизматикой. На городище найдены серебряный дирхем Джанибека (1340-1357) и медная монета (пул) шестидесятих годов XIV века. Тем же временем датируется керамика с голубой поливой и темно-синим узором. Это точная аналогия поливной керамики Сарая Бату-хана, городище которого находится на берегу Ахтубы, у села Селитряного.

Аналогичным является татарское поселение на бугре Каракольском на Старой Волге. Здесь стен и укреплений нет, но зато обнаружена большая кирпичная печь с остатками костей быков и красной рыбы. Может быть, тут находился караван-сарай, ибо следы земляных полов прослеживаются по всему бугру.

Подобно тому как хазарские памятники группируются в центральной части дельты, татарские сосредоточены в западной, что является

основанием для предложенной нами датировки миграции русла Волги.

Но почему татары не распространились в центральную дельту, тогда как в восточной дельте, на Кигаче, мы опять находим следы их поселений? Во-первых, волжская красная рыба в XIV-XV веках ловилась не на продажу, а для собственного употребления, и потому потребность в ней была относительно невелика. Во-вторых, золото-ордынские татарские укрепленные поселения имели целью контролировать торговые пути, каковыми до сих пор являются многоводные Бахтемир и Кигач. Селиться же вне крепостей было небезопасно, так как ногайцы никогда не ладили с татарами, а дельта зимой была открыта их набегам. Безопасной она стала лишь после того, как русские заключили союз с калмыками и разогнали ногайские орды. Интересующий нас период закончен.

Теперь мы можем сделать конкретные выводы, вытекающие из нашего материала, а также высказать некоторые общие соображения, касающиеся применения метода совмещения исторической географии с палеогеографией и палеоэтнографией.

Частные выводы:

1. Хазары были оседлым народом, обитавшим в низовьях Терека и Волги, на территориях, ныне частично покрытых морем.

2. Современный дельтовый ландшафт создан (или воссоздан, если учитывать хвалынскую трансгрессию Каспия) в середине I тыс. н.э. Западная его часть образовалась после трансгрессии XIII века, и тогда же сместилось русло реки Кигач, приобщившись к восточной дельте.

3. Гибель Хазарии в X веке определяется не только политическими причинами и социальными закономерностями, но и стихийным бедствием – трансгрессией Каспийского моря.

Общие соображения:

1. Способы хозяйства народов, обитавших на северных берегах Каспийского моря, а следовательно, и их исторические судьбы, были тесно связаны со степенью увлажненности аридной зоны и тем самым с уровнем стояния Каспия.

2. Исследование исторических судеб народов, населявших дельту Волги, позволяет судить о климатических и ландшафтных изменениях, а также об уровне Каспийского моря,

3. Применение шкалы политической истории в указанном аспекте дает абсолютную хронологию для геологических процессов современной эпохи.

Представляется возможным применить предложенную методику исследования к другим районам, где имеются стыки ландшафтных зон и обитают народы, история которых известна хотя бы в общих чертах.

Хазария и Терек (Ландшафт и этнос: II)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1964. - N 24. вып. 4. - С. 78-88.

Наши исследования, посвященные установлению функциональной связи явлений физической географии и палеоэтнологии на материале истории Центральной Азии и археологии дельты Волги, позволили сделать следующие выводы:

1. Историческая судьба изучаемой народности, являющаяся результатом его (данного народа) хозяйственной деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта.

2. Археологическая культура (данного народа), представляющая собой кристаллический след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, поддающуюся абсолютной датировке.

3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в изучаемую эпоху и, следовательно, о направлении его изменений. И наоборот, наличие установленных данных о колебаниях климата, а тем самым и о соотношениях ландшафтов между собой дает возможность отыскания памятников давно исчезнувших народов.

4. При таком подходе становится возможным историко-географический синтез, на базе которого можно будет делать прогнозы, имеющие хозяйственное значение.

Проверке этих положений была посвящена полевая работа Северокаспийской палеогеографической экспедиции; НИГЭИ ЛГУ и Хазарской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. Нужно было доказать также и то, что сформулированные положения имеют не локальный, а докуменальный характер, и могут быть прослежены за пределами дельты Волги. Объектом исследования была избрана долина Терека, где древности изучены недостаточно и хазарские памятники до сих пор не были открыты, а именно они представляют наибольшее значение для решения поставленной проблемы.

Условные обозначения

Столица Хазарии

**Примерная береговая линия
Каспийского моря в XIII в.**

Рис. 1. Терская Хазария в VIII-XII вв.

Широкая долина Терека, согласно всем историческим источникам, была населена хазарами. В V – VI вв. эта страна называлась Барсилия и, по мнению византийских хронистов Феофана и Никифора, здесь находилась родина хазар [1, с.130]. Там же, на берегу Терека [1, с.399] располагался богатый город Семендер, разрушенный Святославом [1, с.444]. Следовательно, хазары обитали в этой области не менее 400 лет.

Однако более точная локализация Терской Хазарии встретила ряд трудностей физико-географического характера.

Как всякая текущая в широтном направлении река, Терек блуждает по широкой равнине, затопляя те или иные участки степи. Даже теперь, когда русло Терека укреплено дамбами, долина его в низовьях затопляется почти ежегодно. Разливы реки делали эту местность непригодной для оседлых поселений, особенно в I тысячелетии н. э., когда степная зона Евразии переживала эпоху увлажнения. Значит, хазарские поселения должны были располагаться по среднему течению Терека, в том месте, где ногайские песчаные дюны ограничивают с севера речную долину и дают населению возможность не бояться наводнений. На окраине этих песков ныне расположены станицы гребенских казаков, бывших такими же виноградарями, охотниками и воинами, как средневековые хазары.

Между закраиной песков и широколиственным лесом, окаймляющим Терек, тянется полоса степей шириной от 3 до 10 км. Ныне это единственно населенная часть долины. Итак, на левом берегу Терека сочетаются четыре микроландшафта: густой лес, сухая степь, песчаная пустыня и ниже заливные луга с порослями камыша. Разумеется, за 2000 лет соотношение этих микроландшафтов менялось, и археологические памятники позволят проследить характер изменений.

На очерченной территории после I века н. э. существовали четыре культуры: сармато-аланская, близкая к ней по технике изготовления керамики хазарская, ногайская и русская. Сармато-алано-хазарская культура, датирующаяся I тысячелетием н. э., представлена двумя городищами в степной зоне: одно – выше станицы Шелковской, другое – у пос. Кордоновки, ниже Кизляра. Оба городища находятся на берегах стариц Терека, окружены валами из саманного кирпича, расплывшимися до естественного уклона, и рвами, заплывшими почти до краев. Разнятся они по плану, керамическому материалу и местоположению. Крепость у Кордоновки (см. рис. 2) – овал, вытянутый вдоль сухого русла. Керамика внутри ее двух типов: 1) черноглинная, изготовленная на гончарном круге, плохо прожженная, орнаментированная, с лощением и с венчиком, отогнутым наружу, сосуды большие, плоскодонные; 2) сероглинная, лепная, хорошо прожженная, лощеная. Оба типа находят аналоги: в сарматской керамике I-II вв. Городище находится посреди широкой равнины, образованной наносами Терека, в верхней части его дельты. Крепость у станицы Шелковской (см. рис. 3) представляет правильный квадрат. Длина стороны – 200 м. Посреди каждого вала – ворота, по сторонам которых расширения для башен. Кроме того, на каждой стороне по 8 оснований башен. Ров шириной в 50 и глубиной 1,5 м обходит стены со всех сторон, и, поскольку высота валов колеблется от 5,5 до 6,0 м, крепость представляет солидное сооружение. Керамика внутри крепости сероглинная, изготовленная на гончарном круге, тонкостенная, частично лощенная, очень хорошо прожженная. Сосуды большие, с венчиком, отогнутым наружу, – видимо, они употреблялись для хранения пищи и воды. Ближайшая аналогия этой керамики – керамика салтовской культуры. Эта крепость была сооружена позднее, чем описанная выше. Об этом говорит и планировка – жесткий квадрат, без учета особенностей рельефа, тогда как крепость у Кордоновки имеет валы, повторяющие изгибы старицы, на берегу которой она стоит.

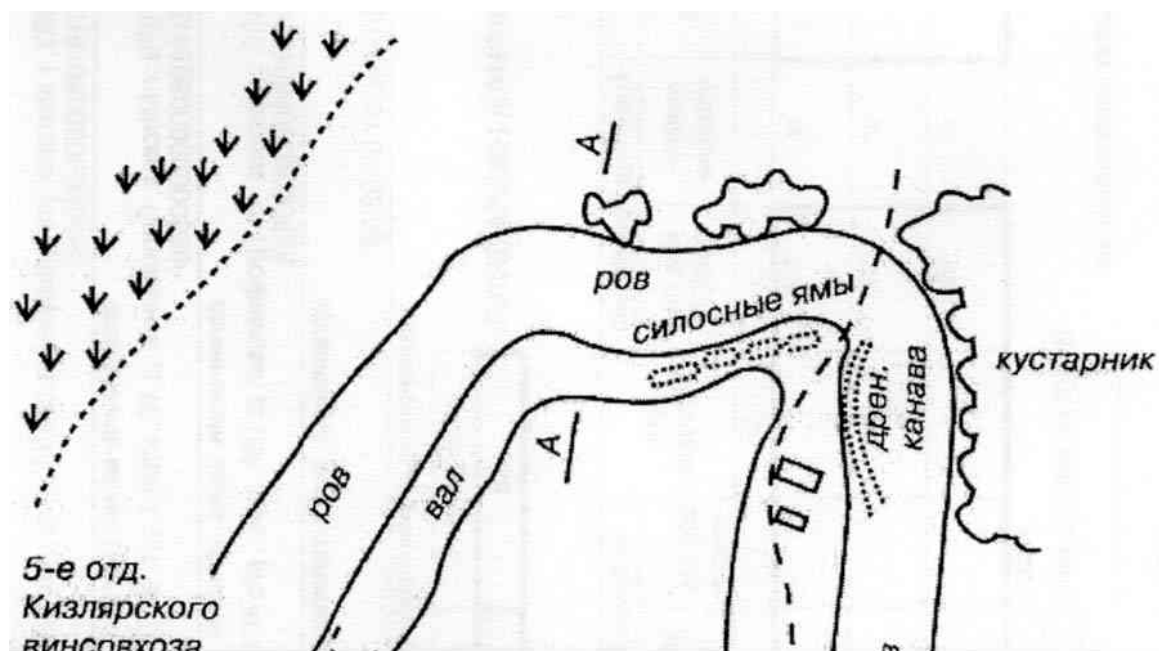

Рис. 2. План крепости у пос. Кардановка.

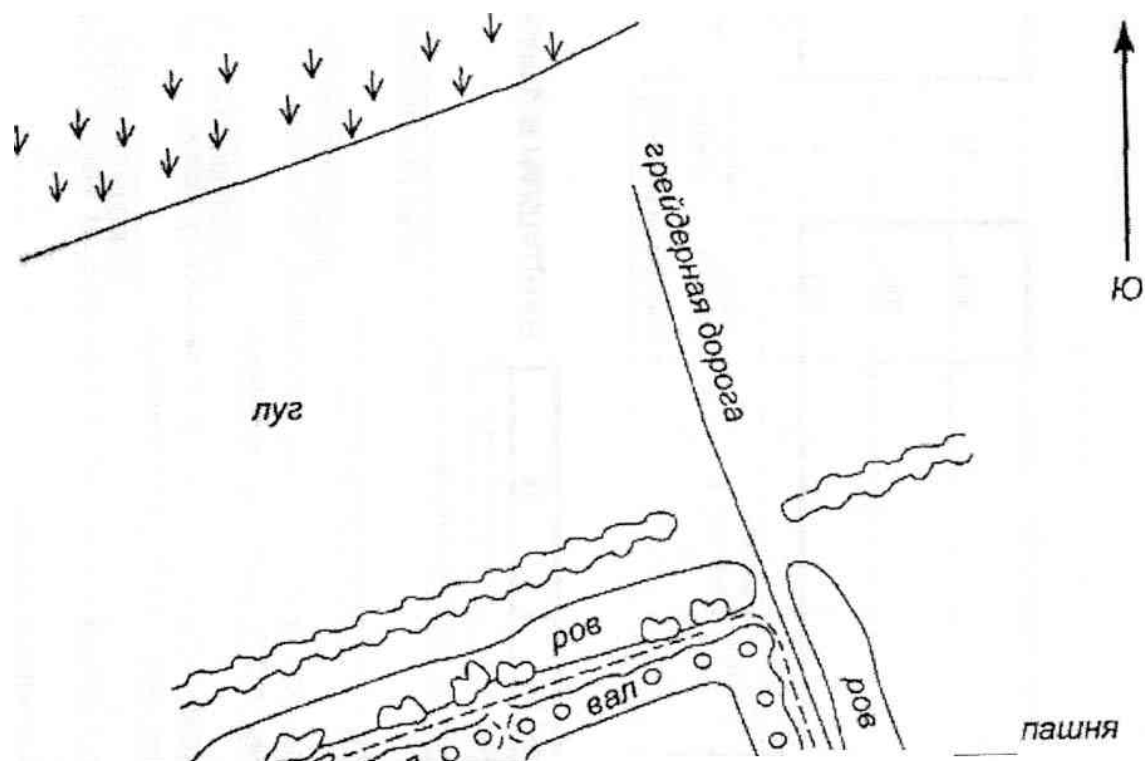

Рис. 3. План крепости у станции Шелковской, разрез вала и рва.

Самое интересное заключается в том, что крепость у Кордоновки расположена на гладкой равнине, подверженной наводнениям. Следовательно, время ее сооружения совпадает с эпохой усыхания аридной

зоны, т. е. с II-IV вв., когда аланы вели войну с гуннами и нуждались в крепостях [\[прим. 6\]](#). В эту эпоху низовья Терека при его тогдашнем маловодье могли быть заселены местными жителями, но при очередном увлажнении (V-X вв.) это стало невозможно. В это время обитатели долины Терека хазары избрали местом поселения окраину ногайских песков, где мы находим следы их поселений и огромные скопления керамики.

Кроме поздней ногайской, керамика здесь двух типов – серая и бурая (от обжига поверхности), что характерно для хазарских могильников на Волге, где оба типа встречаются вместе. Орнамент довольно примитивный – насечка или волна, прочерченная под отогнутым наружу венчиком. Сосуды большие, с гладкими стенками и плоским дном, исключительно лепные. Толстостенные, пористые, они больше, чем нижневолжские, так как служили для хранения воды, чего в дельте Волги не требовалось. Скопления фрагментов керамики обследованы у станиц Червленной, Щедринской, Гребенской и Каргалинской, на окраине песчаной возвышенности. Глубже в песках, на второй гряде дюн, встречена лишь поздняя, ногайская керамика – розовая, хорошо прожженная, звонкая, напоминающая татарскую керамику XIV в.

Там же, в песчаных выдувах, обнаружены погребения. Около станицы Червленной в песке найден скелет: ориентированный на запад, он лежал на спине с вытянутыми руками. Рядом находились обломки серого и красного сосудов. Около станицы Щедринской в обресе глубокого выдува, во второй гряде дюн, под линзой насыпной серой земли высотой 2,5 м найдены остатки погребения – тазовые и берцовые кости, позволившие установить, что труп был похоронен в яме сидя. Кости, очень плохой сохранности, сопровождаются фрагментами лепной керамики. Третье погребение, аналогичное предыдущему, тоже сохранилось частично. Оно состояло из черепа, обращенного лицом на запад, длинных костей под черепом и одного позвонка. Остатки ребер и несколько фрагментов лепной керамики были разбросаны вокруг черепа. Погребения этого типа также находят аналогию в телесском обряде погребения [\[18\]](#), обнаруженном на бугре Степана Разина, в дельте Волги.

Археологические находки требуют исторической интерпретации. Хазары – потомки хуннских завоевателей и сарматских женщин – жили в стране Барсилии, бок о бок с болгарским племенем барсилов, которые позднее слились с хазарами в один народ. Барсилия располагалась в степях между Тереком и Волгой. Естественно, что эти три племена, отличаясь друг от друга по языку, религии, нравам и, может быть, антропологическому типу, имели сходный быт и, следовательно, одинаковую посуду. Поэтому различить их по характеру керамики невозможно. Однако керамический

материал дает приблизительные абсолютные даты, и, сопоставляя их с намеченными нами периодами увлажнения степной зоны, мы можем прийти к двум важным выводам.

По данным арабских географов, город Семендер, находящийся на берегу Терека в районе Кизляра [\[прим. 7\]](#), «расположен у озера (или на морском берегу)... в городе много садов и виноградников... Город громадный, но жилища-палатки и строения из дерева с горбатыми кровлями. Построен он Хосроем Ануширваном», т. е. персидскими инженерами VI в. [\[19, с.179\]](#).

Какому из найденных нами городищ это описание может соответствовать? Только городищу около ст. Шелковской. Разлив Терека мог и даже должен был представляться арабскому путешественнику озером. Виноградников там много и теперь. Деревянные жилища не могли сохраниться, и уцелела от времени только саманная цитадель, преграждавшая арабам путь в Хазарию. Отсюда и название: Саман-дар – саманные ворота. Наконец, жесткая квадратная планировка храмов и крепостей известна на Ближнем Востоке с 2000 г. до н. э. [\[20, т. I, с.363\]](#).

Учет физико-географических условий VI в. позволяет отказаться от локализации Семендера на берегу Каспия [\[19, с.181-182\]](#), который в те времена был на 4 м ниже, нежели теперь, и, следовательно, берег простирался значительно дальше на восток. Семендер, если его туда помещать, не мог находиться «в двух фарсах от Серира» [\[19\]](#), т. е. горного Дагестана, как указано в источнике.

Второй вывод – процветание хазарского народа укладывается в хронологические рамки периода увлажнения аридной зоны. Хазарские памятники обнаружены на берегах рек, на возвышенностях, что говорит об оседлом быте и опасности наводнений. Разумеется, хазары использовали и степи для пастбы скота, как их использовали впоследствии гребенские казаки и астраханские татары, но для этого им не нужно было становиться кочевниками. В составе хазар настоящими кочевниками были тюрки ханского рода Ашина [\[1, с. 398\]](#); [\[2, с.85-87,102-103\]](#), а торговым городским населением – евреи, составлявшие господствующую верхушку [\[1, с.457-458\]](#). Но сами хазары были земледельцы, садоводы и рыболовы, и, как таковые, они пережили политический разгром своего государства в 966 г., по-прежнему возделывая свои виноградники, ловя рыбу и пася скот.

Но усыхание аридной зоны, связанное с подъемом уровня Каспия до абсолютной отметки минус 20 м [\[2\]](#), лишило их возможности вести привычный образ жизни, и после XIII в. имя хазар в источниках не встречается. Последний раз хазары упомянуты у Плано Карпини [\[21, с.72,209\]](#),

встретившего их в 1246 г. Берега Терека заняли степняки, кочевые ногаи, подданные ханов Золотой Орды.

Исчезновение народа не означает гибели всех людей, его составлявших. Народность (этнос) – не арифметическая сумма людского поголовья, а алгебраическая сумма отношений между людьми при определенном (с некоторым допуском) характере взаимоотношений со средой – соседями и природой.

Это система динамическая, и для ее деформации достаточно пушения любого из перечисленных условий. В XIII в. хазары, не имея больше возможности вести привычный образ жизни, разбрелись. Волжские хазары перешли в ислам и ассимилировались с татарами Золотой Орды. Еврейская верхушка исчезла без остатка; вероятно, спасшиеся от истребления евреи бежали на Кавказ к своим единоверцам – горским евреям и слились с ними. В средние века исповедание веры определяло судьбу людей, и, значит, терские хазары – христиане – должны были искать единоверцев. Таковы были бродники, жившие на Дону.

Бродники – народ смешанного происхождения, говорившие по-русски и исповедовавший православную веру. До 1117 г. они жили совместно с «беловежцами» – русским населением Саркела. После того как беловежцы, теснимые половцами, вернулись на Русь, бродники оказались полновластными хозяевами поймы Дона, которую они удачно отстаивали от половцев. Видимо, какая-то часть бродников была хазарского происхождения, и к своим соплеменникам и единоверцам, на полноводный, текущий из гумидной зоны Дон, только и могли устремиться терские хазары. Они принесли с собой привычную им технику – саманный кирпич, из которого был построен поселок на развалинах русской Белой Вежи [1, с.453], и пригнали стада овец, бывших для них пищей и жертвенными животными [22].

Вражда с половцами толкнула бродников на союз с монголами. В 1223 г. они помогли Субутая разбить русских князей и с тех пор стали лояльными подданными Золотой Орды. В XVI в. их называли уже по-тюркски – казаки [1, с.453].

Усиление казаков и их распространение на восток также связано с климатическими явлениями. Но, как это на первый взгляд ни странно, им помогло дальнейшее усыхание степи. Вспомним, что главными врагами хазар, бродников и казаков были степняки-кочевники – половцы и ногаи [прим. 8]. Усыхание степи сверх привычного им предела подорвало их скотоводческое хозяйство, подобно тому как раньше оно разрушило хозяйство хазар. В результате этого усыхания [13] кочевники ослабели, а

силы их противников остались неизменными, перевес оказался на стороне последних. Во второй половине XVI в. казаки овладели долиной Терека.

Татарский период представлен «Трехстенным городищем» – недостроенной крепостью севернее деревни Крайновки в 5 км от берега моря. Она датируется гончарной керамикой, хорошо прожженной, плоскодонной, орнаментированной бороздками, с венчиком, отогнутым наружу. Большая часть фрагментов – красноглинные, меньшая – сероглинные. Ближайшая аналогия – ордынская керамика XIV-XVII вв. Но этот тип керамики бытовал около 500 лет и был распространен чрезвычайно широко, вплоть до лагеря Лжедмитрия II под Тушином, и поэтому следует искать других, более точных способов датировки. Этим путем пошел Е.И. Крупнов, впервые описавший это городище и датировавший его XVI-XVIII вв. [23], [24]. Эти даты принять невозможно по следующей причине.

Основной особенностью крепости является наличие на валах огромного количества соленоводных ракушек *Cardium edule*, *Didachna trigonoides* Pallas, *Dressensia rostriformis*, *Dressensia Caspia*. Абсолютная отметка гребня валов по ходу Кизляра – минус 19,3 м [23, с.128-129]. Следовательно, уровень Каспийского моря немного поднимался над уже построенными валами или, вернее, омывал их, создавая оптимальные условия для моллюсков.

Е.И. Крупнов, руководствуясь работами П.А. Православлева, принял уровень Каспия при так называемой «Саринской» трансгрессии 1742 г. – минус 17,4 м. Но эта гипотеза опровергнута Л.С. Бергом [6, с.253, 271], доказавшим, что в 1742 г. воды Каспия поднялись лишь до абсолютной отметки – минус 23,4 м. Следовательно, эта трансгрессия никакого отношения к валам «Трехстенного городища» не имела. Тем самым снимается не только датировка городища, предложенная Е.И. Крупновым, но и предположение, что здесь мы видим один из острогов Московского государства. Дату сооружения валов следует искать немного раньше.

Сама крепость носит печать незаконченности. Возведены только южный, восточный и западный валы, не вырыты рвы. Фрагменты керамики встречаются чаще на внешней стороне крепости, нежели внутри ее. По-видимому, это остатки посуды строителей валов. Культурный слой внутри крепости мощностью до 45 см, обнаруженный Е.И. Крупновым, характеризуется обломками кирпича, шлаками, угольками, фрагментами керамики, костями рыб и в незначительном количестве костями домашних животных [23, с.126-127]. Сходство керамики «Трехстенного городища» с позднеславянской керамикой XVI в. включает и более ранние периоды, например сарматский.

Нельзя согласиться с Е.И. Крупновым и в том, что отсутствие 4-й, северной стены восполнялось руслом Терека, текшего, по словам старожилов, на месте нынешней дороги из ст. Александровской к Каспийскому морю [\[23, с.124\]](#). Следов русла там нет, и если даже здесь была протока Терека, то в низовьях скорость течения снижается настолько, что форсировать реку можно без всяких трудностей. Кроме того, валы не доходят до дороги, т.е. бывшего мелкого русла, на 25 м, что исключает оборонное значение неглубокой реки. Аналогия, на которой базируется утверждение Е.И. Крупнова – Ундорское городище [\[23, с.131, рис.4\]](#), неубедительно, так как, согласно плану, часть вала уничтожена постройками села Ундоры. Описанный И.Попко казачий городок в устье одного из рукавов Терека и называвшийся «трехстенным» также не имеет сюда отношения, так как он был треугольной формы [\[23, с.132\]](#), а наш имеет форму трапеции.

Исходя из сказанного следует признать, что крепость строилась до трансгрессии конца XIII в. [\[2\]](#), [\[13\]](#) местным населением, охотно питавшимся рыбой и изготавливавшим посуду на гончарном круге более совершенно, чем это делали волжские хазары VI-X вв. [\[22\]](#).

Следовательно, валы были сооружены до конца XIII в., но в татарский период, т.е. после 1241 г. По-видимому, это один из сторожевых постов Золотой Орды, созданный против иль-ханов Ирана в середине XIII в. Вследствие того, что военные действия были быстро перенесены в Закавказье, крепость осталась недостроенной и вскоре залита морем. Луга на низких местах также оказались неудобными для кочевания из-за подъема воды, и керамика XIII-XV вв. встречается только в песках на среднем течении Терека. К XVI в., при регрессии Каспийского моря, низовья Терека стали пригодными для поселения. В это время они заселились русскими казаками, и для контроля над долиной была учреждена крепость Терки, неоднократно переносившаяся с места на место. Одно из ее расположений, севернее деревни Новый Бирюзьяк, датируемое на основании планировки не раньше конца XVII в., находится посреди равнины, недалеко от русла Терека. План крепости – восьмиконечная звезда с широкими площадками на выступках – раскатами для пушек.

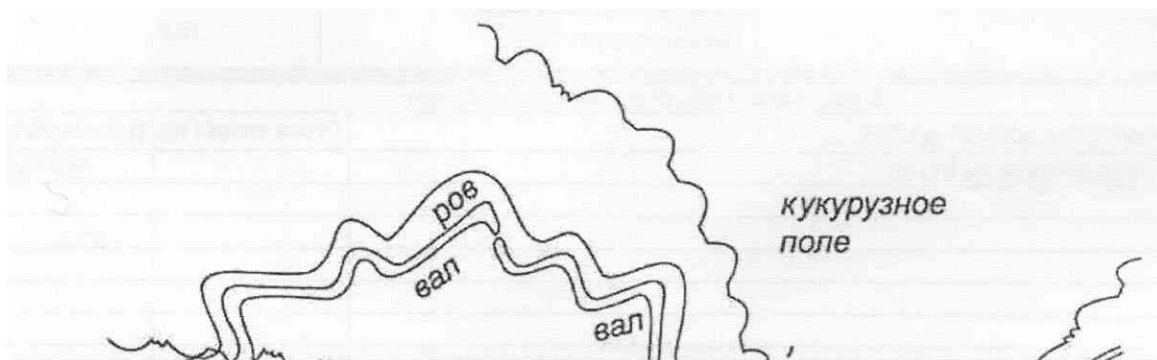

Рис. 4. План цитадели городища у хутора Харьков.

Второе городище этого типа, около станицы Шелковской, расположенное в густом лесу, у самого берега Терека, стало известно лишь потому, что грейдерная дорога перерезала его центральную часть. Керамика, найденная в выкидах по обочине дороги, мало выразительна. Можно сказать, что она аналогична татарской керамике на дюнах и в дельте Волги. Скорее всего, это XVII-XVIII вв.

В центре крепости находится цитадель. Стена спланирована, как новая линия с 15 выступами, изогнутыми под острыми углами. Ворота, обращенные к юго-востоку, прикрыты дополнительным валом, не соединяющимся со стеной цитадели. Высота валов достигает 4, а ширина рва 8 м. Глубина рва не установлена, так как во время посещения городище было затоплено наводнением Терека. По этой же причине не исследована внутренняя часть цитадели, диаметр которой равен 300 м.

С запада площадь городища прикрыта высоким хвойным валом. Ров между двумя насыпями частично наполнен водой. Это сооружение тянется от Терека до песчаных дюн, т.е. на 4 км, и перерезает всю речную долину.

Южнее цитадели вдоль берега Терека идет менее высокий вал, смыкающийся с восточным валом, деформированным проложенной по нему дорогой. В центральной части городища от восточного вала идет дополнительный двойной вал к цитадели, а несколько южнее от восточного вала намечено ответвление на восток, заканчивающееся площадкой, может быть фундаментом сторожевой башни. За исключением юго-западной части, поросшей густым лесом, городище занято кукурузным полем и виноградником хутора Харькив, возникшего в середине XX в. Хуторские постройки уничтожили продолжение восточного вала между Терекком и дюнами, и поэтому план восточной окраины городища нечеток. К тому же если экстраполировать восточный вал до дюн, то конец этой линии упрется в станицу Шелковскую, где следы древних построек давно уничтожены при строительстве современных зданий. Поэтому можно сделать предварительное заключение: найденное экспедицией городище связано с поселениями по окраине песков и является форпостом, выдвинутым к берегу Терека в эпоху аридизации степной зоны, т.е. в XVII в. Обследование берега Терека выше и ниже этой крепости на протяжении 80 км позволило установить, что аналогичных сооружений здесь больше нет. В 1734 г. был сооружен Кизляр. К этому времени гребенские казаки заняли место хазар, а ногайцы и калмыки – место древнеболгарских племен. Соотношение же между кочевым и оседлым населением, также как между степным и приречным ландшафтами, осталось неизменным.

Проведенное исследование подтверждает тезис о наличии функциональной связи между ландшафтом и ареалом распространения народности. Только исходя из этого положения удалось найти археологическую культуру хазар на Волге и Тереке и, наоборот, по распространению древних народов с разными видами хозяйства и быта, т.е. по-разному использовавших природные условия, установить характер климатических и физико-географических условий изучаемой территории. Самым важным является чередование периодов увлажнения и усыхания и их продолжительность. Наиболее точные измерения последней возможны только при применении данных истории, но с учетом некоторых методических особенностей.

Из изложенного следует вывод о том, что закономерности, аналогичные тем, которые мы наблюдали в Прикаспийской низменности, могут быть обнаружены в любом населенном районе Земли, хотя, разумеется, для каждой области будут свои.

По поводу предмета исторической географии (Ландшафт и этнос: III)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1965. - N 18. вып. 3. - С. 112-120.

Прежде всего, условимся о значении термина. Это тем более необходимо, что, как отмечает историк «исторической географии» В. К. Яцунский, за этой дисциплиной установилась репутация «науки с неопределенным содержанием»^[25]. Заканчивая обзор историко-географических работ XIX – XX вв. (до 1941 г.), В. К. Яцунский приходит к выводу, что «задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса». В связи с этим он намечает четыре линии исследования: 1) природный ландшафт данной эпохи, т. е. историческая физическая география; 2), население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории; 3) география производства и хозяйственных связей, т. е. историческо-экономическая география; 4) география «политических границ», а также важнейших политических событий»^[25, стр. 21].

Нетрудно заметить, что В. К. Яцунский мыслит историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину и ставит проблемы, важные для историка, а не для географа. Собственно говоря, правомочно, но обзор историко-географических работ, сделанный В. К. Яцунским, показывает бесплодие неоднократных попыток многих талантливых и трудолюбивых ученых добиться в этом направлении успеха. Работы по интересующей нас области походили на справочники, это отмечается В. К. Яцунским как большой недостаток, с чем следует безоговорочно согласиться.

Причины этого печального положения указывает сам В. К. Яцунский «Историки слабо знакомы с географией, и наоборот»^[25, стр. 21]. Это еще не беда, но хуже, когда, как говорит Оберхуммер, «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает заниматься историей, перестает, быть естествоиспытателем и сам становится историком»^[25, стр. 27]. Тут удачи заведомо быть не может, как и в обратном случае, но тем самым открывается корень, неудач: постановка проблемы неправильна и методика исследования не разработана. В самом деле,

получить ответы на поставленные вопросы было бы крайне заманчиво, но как этого добиться? Никаких рекомендаций в статье не дается, и это заставляет нас перейти к другой работе В. К. Яцунского, содержащей описание историко-географических представлений XV-XVIII вв. Здесь В. К. Яцунский дает более совершенную дефиницию. «Историческая география, – пишет он, – изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох»^[26, стр. 3]. Различие в определении очевидно. Если в первой работе краеугольным камнем и целью была история, то теперь она отступает перед задачами географии. К сожалению, и тут нет никаких указаний на возможную методику исследования. Но содержащийся в книге разбор теории географического детерминизма и воззрений историков эрудитской школы позволяет ознакомиться с историей вопроса и непосредственно обратиться к самой проблеме.

До сих пор проблема ставилась двояко: 1) как влияют природные условия на исторический процесс? и 2) как влияют люди на природу?

На первый вопрос прямого ответа быть не может, потому что раньше следует условиться в том, что понимать под «историческим процессом»: если развитие общества по спирали через формации, то географическая среда на спонтанное развитие влиять не может; если имеются в виду войны, договоры, государственные перевороты, то причины их надо искать непосредственно в мотивах поведения их участников КОР, обусловленных их социальной принадлежностью, а не в климате или характере флоры. Зато миграции и процессы этногенеза, вне всякого сомнения, обусловлены элементами ландшафта и коррелируют с колебаниями климата, но эти явления лежат на грани исторической науки и сами по себе не исчерпывают понятия «исторический процесс».

По второму вопросу можно дать вполне определенный ответ: люди влияют на природу, как, впрочем, влияют на нее любые фаунистические формы. Но определить общий характер людского влияния невозможно, так как он очень разнится в разные эпохи и на разных территориях.

Иногда люди «вписываются» в биоценоз ландшафта, иногда приспособливают ландшафт к своим потребностям, причем то и другое не зависит от уровня культуры людского коллектива – народности, а только от характера ее развития и локальных особенностей. Закономерность тут есть, но она не прямая и не простая.

А что если мы поставим вопрос по-другому и попробуем рассматривать все человечество как некую среду, покрывающую сушу. То, что это среда не сплошная, не имеет значения. Ведь именно так поставил проблему «биосферы» В. И. Вернадский и получил огромные научные результаты. Тогда мы сможем изучать эту среду методами естественных наук. Но чтобы

иметь успех, необходимо соблюсти одно условие: найти эталон изучения, соразмерный нашим исследовательским возможностям. Он должен быть применим к любой точке земного шара, где живут люди, к любой известной нам эпохе и к любому уровню цивилизации. Таким эталоном может быть только одно явление – этнос, или народность.

Формой существования вида *homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что, и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой – иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой – через добывание пищи (хозяйство) связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом она видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь исторической методикой.

Прежде всего, уточним понятие «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любой народности как таковой, хотя в мире не было, и нет человеческой особи, которая бы была внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют народность *иногда*, а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

Язык. Часто разные народности говорят на одном языке. Например, англичане и ирландцы; испанцы и мексиканцы, большая часть коих индейского происхождения; малоазиатские греки (до 1921 г.) говорили по-турецки, а македонские турки – по-гречески и т. д. Часто один народ говорит на разных языках, французы на четырех – парго, патуа, бретонском (кельтском), гасконском (иберийском); англичане на двух – английском на юге и норвежском в Нортумберленде; китайцы на двух, не считая диалектов; бельгийцы – на французском и фламандском и т. д. Кроме того, есть сословные языки: французский – в Англии XII-XIII вв., греческий – в Парфин II-I вв. до н. э., арабский – в Персии с VII по XI в. и т. д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Обычаи или культура. Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной среде. Возьмем хотя бы Россию допетровскую, с боярскими шапками и бородами, XVIII век – с напудренными париками и французскими камзолами, XIX век

— с пышными профессорскими бородами и долгополыми сюртуками и фраками и т. д. А различие в материальной культуре и быте у аристократии, мелкого дворянства, крестьянства, купечества, духовенства, интеллигенции, рабочих, в любую из перечисленных дореволюционных эпох! Но народного единства, это не нарушало, а близость по быту, скажем, казаков с чеченцами и татарами, их не объединяла.

Идеология, для старых эпох вероисповедание, тоже иногда является признаком, но не обязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и своими. Однако *de facto* это нарушилось, как только болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Тот же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри единства ислама опять возникли народности.

С другой стороны, проповедь иногда объединяет группу людей, которая становится народностью: например, сикхи в северо-западной Индии или турки-османы. Эти последние возникли так: первый султан Эртогрул имел 50 000 туркменских всадников и, получив удел на границе с Никейской империей, начал вербовать к себе газиев, борцов за веру. К нему и его потомкам стекались курды, тюрки, арабы, персы, сирийцы; кроме того, турецкие султаны покупали для военной службы черкесов, грузин, обращали в ислам мальчиков из Болгарии, Сербии, Македонии (янычары), привлекали ренегатов из Франции, Германии, Италии. Женами их чаще всего становились рабыни, которых доставляли татары из Польши и Украины. Но поскольку объединяющим моментом был суннитский ислам, потомки этого скопища считались, и были на самом деле, единым народом — турками, противопоставлявшими себя шиитам — персам и азербайджанским туркменам. Вместе с этим были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, — арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость. Значит, и вероисповедание — не общий признак.

Происхождение. Нет народа, который бы не произошел от разных предков. В процессе этногенеза всегда фигурируют два или более компонентов. Скрещивание разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырождению. Так, смесь славян, угров, аланов и тюрок слилась в великорусскую народность, а помеси монголо-китайские, тюрко-китайские и маньчжуро-китайские, часто образовывавшиеся вдоль линии Великой китайской стены за последние 2000 лет, оказались нестойкими и исчезли.

Итак, постоянным, обязательным признаком народности является личное признание каждой особи: «мы такие-то, и все прочие люди не такие» – например, эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы и ху (все не китайцы). Это явление противопоставления одинаково характерно и для англичан, и для масаев, для французов, и ирокезов. Явление это отражает какой-то физический эффект, имеет физический смысл, но для наших целей он не важен. Важно, что мы нашли эталон исторической географии. В физической географии эталоном является ландшафт, который определяет способы ведения хозяйства людей, в нем живущих. Для них данный ландшафт – тот, к которому они привыкли, – является вмещающим ландшафтом. Следовательно, мы можем дать новую дефиницию: *историческая география – наука о последниковом ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором.*

При таком подходе, когда для огромного количества разнообразных исторических и географических явлений подыскан общий знаменатель, можно пытаться найти ответ на те четыре вопроса, которые были поставлены В. К. Яцунским в 1941 г.^[25], и на тот, который был им сформулирован в 1955 г.^[26].

Определение понятия «ландшафт» удивительно напоминает предложенную нами описательную дефиницию этноса. «Ландшафт, – пишет С. В. Калесник, – реально существующий генетически однородный участок земной поверхности; он обрамлен естественными границами; обладает индивидуальными чертами, позволяющими отличить его от других ландшафтов: представляет собой не случайное, не механическое, а закономерное и внутренне взаимосвязанное сочетание компонентов и структурных особенностей; в пространстве и во времени неповторим; характеризуется территориальной целостностью; внутри себя морфологически разнороден, так как складывается из различных территориальных комплексов низшего ранга; вместе с тем однороден, так как общий стиль сочетания разнородных компонентов и структурных особенностей сохраняется в пределах ландшафта неизменным»^[27, стр. 3].

Из сочетания обеих дефиниций, очевидно, что они не могут не воздействовать друг на друга, но вместе с тем было бы нелепо простираť влияние географической среды на все стороны исторического процесса, как это делали сторонники географического детерминизма: Монтескье, Боден, Бокль, Реклю и у нас Лев Мечников. Просто следует ввести классификацию явлений и уточнить, какая именно сторона исторического процесса связана с физической географией – ландшафтоведением, а что имеет собственные закономерности, и затем не смешивать их^[28].

Предложенное определение позволяет снять вопрос о влиянии географической среды на исторический процесс. В настоящем аспекте интересующие нас явления не противопоставляются среде, а являются ее компонентом. Эта часть географической среды наиболее чувствительна к любым планетарным воздействиям, и поэтому по возмущениям ее можно судить о характере и даже размерах изменений климата, степени увлажнения и т. п. с точными датировками. Что же касается деятельности человека, то она, несомненно, имеет огромное значение для ландшафта. Во-первых народы, практикующие интенсивное земледелие (египтяне, вавилоняне, иранцы и китайцы), весьма изменили ландшафты занятых ими территорий; во-вторых, скотоводческие народы, разводя скот и истребляя или оттесняя от источников воды диких животных, влияли на фауну степей; в-третьих, охотники за крупными зверями иногда практиковали хищническое истребление животных или птиц (например, маори уничтожили птицу моа); наконец, сооружение больших городов, искусственных ландшафтов также влияло на природу их окрестностей. Но даже из краткого перечня приведенных здесь возможностей видно, что разные народы по-разному влияли на природу, и ставить вопрос в общей форме неплодотворно.

Вместе с этим следует помнить, что мы можем наблюдать только результаты интеграции изменений природных условий плюс деятельность этносов, и для восстановления роли того и другого исследование идет путем ретроспекции, что всегда изрядно трудно, хотя и не безнадежно. Надо только отказаться от прямого цитирования исторических источников, потому что в них события всегда освещены неравномерно и даны выборочно. Надежным подспорьем может быть только канва одномасштабных фактов, сведенная в хронологическую таблицу. Такая таблица отражает историческую действительность наименее неточно.

Примером столкновения двух описанных методик исследования является знаменитый спор о направлении изменений климата в Центральной и Средней Азии. Л. С. Берг считал, что есть тенденция к увлажнению, а Г. Е. Грумм-Гржимайло – к усыханию. Оба автора широко использовали исторические данные, но по-разному: Г. Е. Грумм-Гржимайло рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т. е. синтетически, а Л. С. Берг анализировал каждый факт отдельно и часто воспроизводил без критики мнения и сведения древних авторов в переводах, сделанных первоклассными филологами. Например, Г. Е. Грумм-Гржимайло сообщает, что Алашаньская степь в XII в. кормила население, выставившее армию в 150 тыс. конных латников, а ныне там обитает 10 тыс. семейств, главное богатство которых составляют верблюды, а не лошади [\[14, стр. 445 – 447\]](#). На это

Л. С. Берг возражает, что воинами Чингис-хана «была уведена громадная добыча – сотни тысяч голов верблюдов, лошадей и рогатого скота. В результате, понятно, последовало запустение края. Причем же тут усыхание Центральной Азии?»^[29, стр. 69]. Оно очень «причем»! Если бы после войны 1227 г. не сократилась площадь степей, то она быстро бы заселилась вновь, сначала дикими копытными, а потом стадами тех же монголов, и к XIX в. страна не стала бы пустыней. Вспомним, что в окрестных оазисах Хами, Турфане, Куче и Джунгарских степях, не испытавших силы монгольских сабель, за счет роста каменистых пустынь также сократились площади травянистых степей^[14, стр. 449].

Итак, опора на сведения исторического источника вне связи с предшествующими и последующими событиями оставляет исследователю такой простор, который может повести к любым выводам, даже неверным. Вскрыть ошибку можно, лишь повторив исследование на основе синтетической методики.

Для того чтобы избежать путаницы понятий, следует ввести первичную классификацию. Поскольку историческая судьба изучаемой народности есть продукт хозяйственных возможностей, то она тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. И тут возможны два варианта: либо народ приспосабливается к природным условиям, либо он приспосабливает их для себя. Однако и во втором случае необходимо учесть, что приспособление ландшафта к своим потребностям совершалось народами один раз за эпоху существования каждого из них. Раз проделав титаническую работу, народность ограничивалась поддержкой созданного ею вмещающего ландшафта, не внося в созданное принципиальных изменений. Однако не учитывать второй вариант нельзя, как показывает опыт Г. Е. Грумм-Гржимайло в его полемике с Л. С. Бергом, из-за чего его плодотворная идея была поставлена под угрозу. Г. Е. Грумм-Гржимайло пренебрег предлагаемой здесь классификацией культур по принципу их взаимодействия с природой. В результате, по его мнению, оказалось, что увлажненность внутреннего Китая и Синцзяна зависела от деятельности земледельцев, сводивших леса или засыпавших колодцы из страха перед врагом^[14, стр. 442, 451]. Хотя и то и другое играло некоторую роль, но до XIX в. случаи воздействия человека на природу ограничивались локальными зонами, хорошо изученными, которые просто следует выделить для особого рассмотрения, с поправкой на деятельность человека. В прочих случаях изменения ландшафта зависели от природных условий, влияния которых сказывались равно на земледельцах и кочевниках.

Было бы неверно думать, что народы, не перестраивающие природу, примитивны или малоразвиты. Древние греки и арабы жили экстенсивным

хозяйством и создавали великие произведения литературы и искусства, сложные формы общественного устройства и даже развивали технику, например кораблестроение. То же самое следует сказать о центральноазиатских кочевниках, культура которых принципиально отличалась от китайской или иранской. Хунны, тюрки и монголы создали свой устойчивый быт, свою технику, свою литературу и свою государственность на базе кочевого скотоводства. Постоянно соприкасаясь с китайцами, они не заимствовали у последних ни письменности, ни социальных институтов, ни нравов и обычаев. Их этнографическая самобытность определялась способом ведения хозяйства, приспособленным к кормившему их степному ландшафту. Можно сказать, что они составляли неотъемлемую часть ландшафта вместе с растительностью и животным миром. Поэтому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населяемой ими территории.

И, наконец, последнее условие для того, чтобы наше исследование оказалось успешным. Взаимодействие народности с ландшафтом наблюдается всюду, но с разной степенью отчетливости. В мягком климате Европы или сплошном массиве сибирской тайги климатические колебания менее заметны, нежели на стыке леса и степи, гумидной и аридной зон. Поэтому наиболее благодарным материалом для нас будет евразийская степь и ее кочевое население. Соотношение степных народов с соседними земледельческими в аспекте климатических изменений показано нами в специальных работах.

Поскольку нам необходимо уточнить понятие «вмещающий ландшафт», обратим внимание на весьма достопримечательное обстоятельство: культура народов восточной и западной частей Центральной Азии во все исторические эпохи различна, причем граница проходит не по водоразделу Алтая, Тарбагатая и отрогов Тяньшаня, а восточнее, примерно по середине Джунгарии, но область Хангая попадает в восточный культурный регион.

Различие восточной и западной культур сказывается буквально на всем: на этнографических особенностях, на дроблении языков на диалекты, на искусстве и на характере политического строя, что прослеживается за период 2000 лет. За это время здесь менялись расы – например, индо-иранцы сменились тюрками-монголоидами, менялись стадии развития – родовой строй уступал место военной демократии и феодализму, уровню техники и хозяйства, несколько раз в степи возникали земледельческие поселки, но соотношение западного и восточного ареалов культур оставалось неизменным.

Анализируя материалы о характере политического устройства, необходимо указать, что для востока была характерна централизованная власть, для запада конфедерация и децентрализация, независимо от стадии развития производительных сил и производственных отношений.

Точно такие же различия можно проследить по другим линиям. Например, дифференциация диалектов тюркского языка: на востоке звук *j* произносится как *й*, а на западе – как *дж*. Г. Е. Грумм-Гржимайло убедительно доказал, что распадение монголов на восточных и западных произошло вне зависимости от их родового состава, по причинам исключительно политическим, но он неправ, утверждая, что не было других причин, «которые бы раскололи монгольскую массу на два чуждавшихся один другого мира»^[30]. Ведь у западных монголов изменился язык, вплоть до фонетики (*к* заменило *х*). Затем, если бы здесь имели место только политические причины, то описанное последовательное размежевание народов по одной и той же невидимой границе не прослеживалось бы 2000 лет. Очевидно, здесь имел место постоянно действовавший фактор, влиявший не на исторический процесс, а на характер этногенеза. Смещение линии развития, определявшегося этим влиянием, было столь незначительно, что при составлении «Всемирной истории» им законно пренебрегли, а в частных фактографических исследованиях востоковеды его не замечали. Не обратили на это внимания и географы, так как наземные условия обоих регионов отличаются друг от друга очень мало. Поэтому для объяснения установленного нами эффекта попытаемся обратиться к рассмотрению атмосферы и характера увлажнения в Восточном Казахстане и Монголии.

В зимнее время над территорией Северной Монголии устанавливается центр огромного антициклона. Благодаря ему зимой над Центральной Азией располагаются континентальные воздушные массы, напоминающие по своим физическим качествам полярные. Зима характеризуется ясными солнечными днями, морозной, без оттепелей погодой и слабыми ветрами к окраинам антициклона.

Устойчивость антициклонального режима зимы не допускает на территорию Центральной Азии атлантические циклоны. Снег почти отсутствует: в Гоби выпавший за ночь снег исчезает с первыми лучами солнца. Только в горах Хэнтэя и Монгольского Алтая зимой происходит накопление снега. Антициклон дает возможность скоту круглый год находиться на подножном корме.

Летом Центральная Азия нагревается за счет инсоляции, и над ее пустынями и степями формируется континентальный тропический воздух. При этом полярный фронт перемещается на север Монголии.

Взаимодействие двух разных по физическим свойствам воздушных масс, а именно: «полярного континентального (сибирского) и тропического континентального воздуха приводит к образованию своеобразной циклонической деятельности, при очень слабом участии океанов».

Траектории летних циклонов, по данным А. А. Каминского^[31], пролегают к северу от Алтайских гор и хребта Танну-Ола.

В теплое время года, когда Центральная Азия лежит в области размытой барической депрессии^[31], центр летнего барического минимума располагается в южной части азиатского материка, куда через Монголию устремляются воздушные потоки восточноазиатского полярного фронта, вернее, сибирского влажного таежного воздуха. С этим связано выпадение летних дождей, составляющих 80-90% осадков^[32].

Иная картина на западе Великой степи. Для этих районов характерно почти полное отсутствие осадков летом и влияние атлантических циклонов в холодное время года, благодаря чему зимой держится снеговой покров. Вот и различие! Оно недостаточно для того, чтобы определить не только род занятий – в обоих случаях скотоводство или вид его – отгонное, яйлажное, таборное^[33]. Но условия создают разный акцент в хозяйственной деятельности халхассов и джунгаров. В Монголии большую часть времени скот пасется в степях; это дает возможность пастухам активно общаться друг с другом. В Тяньшане и Тарбагатае летом скот выгоняют на джейляу, каждое из которых принадлежит определенному роду. Так создаются разные привычки, которые, суммируясь, отражаются сначала на племенной организации, а потом и на общественных тенденциях. Возникают два этнопсихологических синдрома, которые вызывают стремление к размежеванию и дроблению этноса, ибо общественное бытие определяет сознание, в том числе и этническое.

Но если так, то подмеченная граница районов должна сказаться еще на каком-нибудь явлении природы, и действительно, именно здесь проходит граница между двумя геоботаническими провинциями – Монгольской и Джунгаро-Туранской^[34, стр. 15, 66]. Да и сама граница приобретает реальный смысл, если мы учтем распределение осадков: именно в интересующей нас меридиональной полосе осадков меньше 100 мм – так же, как в долине Тарима и Алашаньской пустыне^[34]. Итак, наблюдаемое нами районирование этносферы имеет физический смысл и тесно связано с явлениями атмосферы и биосферы. Принципиальное различие человеческого сознания и природных явления учтено, и нами рассматривается только та сторона этнического бытия, которая коррелирует с ландшафтом. Предлагаемое объяснение механики процесса влияния ландшафта на этнос не имеет

ничего общего с географическим детерминизмом, да, пожалуй, и с интерпретацией исторического процесса. Оно лежит в плоскости не истории, а исторической географии, т. е. не гуманитарной, а естественной науки.

Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос: IV)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1966. - N 6. - С. 62-71.

Результаты работ по установлению характера колебаний климата аридной и полуаридной зон Евразии в историческое время (I в. до н.э. – XVIII в. н.э.)^[35]; ^[36]; ^[37, стр. 112-120]; ^[38] позволили выразить согласие с концепцией чередования влажных и сухих периодов, сформулированной А.В. Шнитниковым^[39], с поправкой В.Н. Абросова на гетерохронность повышенного увлажнения аридной, гумидной и полярной зон^[12]; ^[40]. Но предложенная нами методика анализа характера миграций кочевых народов не может быть применена для более древних эпох, которые мы знаем недостаточно подробно. Казалось бы, что делать заключения об изменениях климата для древних эпох на основе исторической географии невозможно, однако есть путь, позволяющий и здесь получить некоторые результаты, правда с гораздо большим допуском, чем для средневековья. Для этого нужно прежде всего расширить диапазон наблюдаемых явлений, т.е. учитывать наряду с археологическими данными явления природы, что уже сделано А.В. Шнитниковым^[39]. Затем следует применить сформулированную нами концепцию гетерохронности и на основании ее проводить интерполяции там, где это возможно, и, наконец, привлечь палеоэтнографию аридной зоны, разработанную С.И. Руденко (см. ниже), и сопоставить все наблюдения исходя из хронологического принципа. Допустимая погрешность будет превышать столетие, небольшие колебания внутри периодов не будут учтены, но общая закономерность может быть прослежена, а это и является целью работы. При таком широком охвате темы особо острой становится проблема использования литературы по этому вопросу. Библиография необозрима, и поэтому целесообразно базироваться на всей совокупности результатов работ, уже обобщенных в нескольких фундаментальных сочинениях. В противном случае история вопроса подменяет собой решение проблемы. Хронологические рамки тоже будут ограничены. Даты палеолитических стоянок, даже при радиоуглеродном анализе, столь приблизительны, что базироваться на этом материале недопустимо. Поэтому мы сосредоточим наше внимание на эпохе

бронзы и раннего железа, т.е. трех тысячелетиях до н.э., но даже здесь возможно дать только суммарные характеристики периодов, чего, впрочем, для поставленных нами задач достаточно.

Рассмотрим смену климатических периодов в аспекте зональности и гетерохронности повышенного увлажнения (см. таблицу).

Века до н.э.	Направление циклонов	Аридная зона		Гумидная зона Европы	Цивилизации	
		Западная Евразия	Восточная Евразия		Китай	Ближний Восток
XXXIV - XXV	Сев.	Энеолит, выселение степняков в Зап. Европу	Афанасьевская культура	Неолит	Куль тура Яншао	Древнее царство Египта
XXIV - XXIII	Сев.				Всемирные потопа	
XXII-XXI	Средн.	Катакомбная культура		Бронза	Культура Луншан (Ся)	Шумер и Аккад
XX-XIII	Южн.	Срубная культура	Андроновская культура	Фатьяновская культура	Династия Шан	Ассирия и Новое царство Египта
XII	Южн.		Переход хуннов на север		Падение династии Шан (1122 г)	Распад хеттов, гибель Трои
XI-IX	Средн.	Киммерийцы	Карасукская культура	Галльштадская культура (иберы)	Династия Чжоу	Усиление Иудеи
VIII - V	Средн.	Скифы	Пазырькская культура (Юзчжи)	Иберы	Распад династии Чжоу	Ассирия, Персия, Мидия
IV	Южн.	Сарматы	Юзчжи	Кельты	Эпоха "Брани царств"	Александр Македонский
III	Южн.	Сарматы	Создание Хунну	Выселение кельтов	Царство Цинь	Эллинизм
II-I	Средн.	Сарматы	Кризис Хунну	Выселение киммеров и тевтонов	Империя Хань	Римская республика

1 - увлажнение
2 - усыхание
3 - повышение увлажненности
4 - понижение увлажненности.

Сводная таблица изменений степени увлажненности Евразийского континента (на материале палеозтнографии):

Конец теплого атлантического периода (около 2300 г. до н.э.) характеризуется северным направлением циклонов. Шпицбергенские льды растаяли, а в Швеции температура августа была в среднем на 5-7° выше современной. Неолитические стоянки на побережье Онежского озера располагались на столь низком уровне, что ныне оказались под водой. В южных широтах климат становился более континентальным – идет усыхание торфяников Западной Сибири и даже Англии; в Альпах отступают ледники, появляются поселения в горах и возникает движение через открывшиеся после таяния ледников горные проходы [\[39, стр. 261\]](#).

К этой же эпохе относится выселение народов трипольской культуры из Юго-Восточной Европы в более влажные области Центральной и Западной Европы. Это выселение нельзя не поставить в связь с исчезновением на нижнем течении Днепра, Буга и Днестра дубовых, буковых и грабовых лесов и наступлением степи на север, Но Карпаты преградили путь движению степного ландшафта, и в Трансильвании трипольская культура развивалась беспрепятственно.

К концу этого периода следует отнести так называемые "всемирные потопа", т.е. грандиозные наводнения в Месопотамии и Восточном Китае. "Потоп" в Двуречье имеет две даты: вавилонскую, по книге "Энума Элиш" – 2379 г. до н.э., и еврейскую, по библейской "Книге бытия" – 2355 г. до н.э. [\[39, стр. 220-221, 262\]](#). Китайский "всемирный потоп" датируется 2297 г., что надо считать датой очень приблизительной, так как древнекитайская хронология за последнее время подвергается уточнениям. В это время воды рек Хуанхэ и Янцзы перемешались между собою, и работы по борьбе с наводнениями продолжались долгие годы [\[39, стр. 220-221, 262\]](#).

Совпадение дат грандиозных наводнений на западной и восточной окраинах Азии сопоставимо с усилением североиранской ветви циклонов и южным направлением муссонов. Приносимая ими океанская влага выпадала на горах Армении и Тибета, что и вызывало повышение уровня рек. Но если так, то эти явления должны быть синхронны таянию льдов Арктики и усыханию евразийских степей. Действительно, в III тыс. до н.э. население аридной зоны было редким, и активные связи между Западом и Востоком не осуществлялись.

Переход к новым условиям совершился относительно быстро. В конце III тыс. произошло увлажнение гумидной зоны, отмеченное ростом ледников в Альпах и затоплением свайных поселков на альпийских озерах [\[39, стр. 262\]](#). Возможно, что к этой эпохе относится наступление леса на степь на Украине и быстрое нарастание торфяников в Англии и Ирландии. Однако к началу II тыс. до н.э. наступила "ксеротермическая фаза суббореального периода", характеризующаяся усыханием гумидной зоны. Снова открылись горные проходы в Альпах, на альпийских озерах выросли свайные постройки, а поселения вокруг оз. Ильмень и других озер спустились в поймы рек и на низкие места и побережья озер. Очевидно, общее усыхание гумидной зоны распространилось и на Волго-Окское междуречье, где болота превратились в лесные поляны, непролазные чащи – в леса паркового типа; зимы стали сухими и ясными, а летние периоды жаркими. Для этой области умеренное усыхание было благотворным, и она привлекла к себе волну переселенцев с берегов Вислы и Днепра – предков славян и летто-литовцев, носителей так называемой "фатьяновской"

культуры^[41, стр. 110-114]. Эта культура была основана на примитивном мотыжном земледелии и оседлом скотоводстве. В более поздних могильниках, датируемых эпохой бронзового века (серединой II тыс. до н.э.), встречаются кости лошади – животного, связанного с сухими районами, а не с болотами.

Народы "фатьяновской" культуры закрепились в бассейне Днепра и Десны, а на Волге и Клязьме они продержались лишь до того времени, когда в начале I тысячелетия путь циклонов снова передвинулся в гумидную зону. Тогда природные условия перестали благоприятствовать пришельцам и, наоборот, помогли местным финским племенам восстановить свое господство на берегах Волги и Оки и удержаться там до нового славянского расселения, происшедшего уже в исторический период. Столь же благоприятно для человека повлияла "ксеротермическая фаза" на аридную зону, подвергшуюся усиленному увлажнению. В степях появились островки леса (колки), пустыни заросли травой, размножились стада копытных животных и от днепровских берегов до склонов Алтая расцвели культуры, основанные на мотыжном земледелии и пастушеском скотоводстве. Оседлость степняков бронзового века устанавливается путем остеологического анализа: главное место в стаде занимал крупный рогатый скот, второе место делили овцы и лошади или, в других стоянках, – овцы и свиньи; кости диких животных встречаются редко^[42, стр. 67-68].

Первой степной культурой южнорусских степей была так называемая "катакомбная", названная так по форме могил; расцвет ее падает на первую половину II тыс. до н.э. Во второй половине II тыс. до н.э. "катакомбную" культуру вытеснила "срубная". На востоке она смыкалась с "андроновской" культурой, распространявшейся до Тарбагатай и Минусинской котловины, которую принято датировать XVII-XII вв. до н.э., хотя возможно, что она существовала несколько дольше наряду с "карасукской" культурой Минусинской котловины^[41, стр. 149-179]. Скорее всего, народы – носители этих культур подолгу жили одновременно, сталкиваясь друг с другом в борьбе за земли, вытесняли один другого и вообще вели себя так, как обычно ведут себя разноплеменные соседи. Поэтому археологические датировки их условны, но для нашей темы важно другое: во II тыс. до н.э. степная зона была пригодна и для оседлого быта, и для примитивного земледелия, что говорит о повышенной увлажненности этой территории.

II тыс. до н.э. справедливо считается расцветом бронзового века. Орудия из бронзы позволяли обитателям степей легко вскапывать все участки плодородных земель, главным образом на речных террасах и вблизи водоемов. Хорошо орошаемые в эту эпоху степные почвы щедро вознаграждали относительно небольшие затраты труда первобытных

земледельцев. Наличие избыточного хлеба стимулировало рост скотоводства, потому что в зимнее время, даже при снегопадах или гололедице, скот можно было подкармливать зерном и соломой. Когда же хищническая обработка и скотосбой истощали почву на одном месте, легко можно было его сменить, ибо бескрайние просторы степей давали возможность находить новые участки плодородной, еще не истощенной почвы: старые участки тем временем зарастали.

Этнографические параллели показывают, что примитивные земледельцы – наиболее подвижный народ. Вспомним, как быстро пересекли скваттеры североамериканскую прерию, а буры перебрались из Капской земли в Трансвааль. А по отношению к природным богатствам и те, и другие весьма походили на степняков бронзового века, которые тоже передвигались на волах и телегах.

Именно вследствие неизбежной подвижности примитивных земледельцев обречены на неудачу попытки установить хотя бы примерно численность населения того времени. Несомненно, что большая часть стоянок в степях не сохранилась до нашего времени, и только более долговременные поселения в благодатных речных долинах достались археологам, но они наверняка не исчерпывают всего объема степных культур бронзового века и не позволяют составить достаточное представление о размахе деятельности людей того времени. Однако этот пробел можно восполнить путем привлечения некоторых реликтов исторической терминологии.

Внимание исследователя Срединной Азии привлекает одно труднообъяснимое явление. Несмотря на то что культурные области Средиземноморья и Индии, с одной стороны, Дальнего Востока, с другой, разделены бесплодными пустынями, непроходимыми без коней или верблюдов, в терминологии народов индоевропейских и дальневосточных встречаются странные совпадения. Некоторые слова-термины, несомненно очень древние, на разных языках звучат одинаково и означают одно и то же. Например, китайское слово "фэй" означает наложницу императора, т.е. очень красивую, могущественную женщину. Это почти то же, что древнегерманская "фея", за исключением смыслового нюанса. Удивительная волшебная птица по-китайски называется "фэн", или "фэн-хуа" (хуа – птица): уж не феникс ли? Общеизвестное тюрко-монгольское слово "орда" (букв, ставка или военный лагерь) по второму значению совпадает с латинским "ordo" – порядок. Слово "багадур" (богатырь) имеет корнем древнеарийское "бага" – бог. Тюркский эпитет "ышбара" восходит к древнеарийскому "аспарак" – всадник, а титул "каган" в древности означал "вождь-первосвященник", что совпадает со значением этой фонемы у

древних семитов, и т.д. Не ставя вопроса о том, кто у кого что заимствовал, мы констатируем только, что обстановка для культурного обмена между западным и восточным краями ойкумены была, и датировать ее следует глубокой древностью, потому что в первые века до н.э. Рим и Китай узнали друг о друге впервые и характер их культурного обмена был тогда совсем иным.

На карте, составленной С.В. Киселевым^[43, стр. 67-105], поселения с керамикой андроновского типа отмечены в южной Туркмении и в Семиречье, что показывает весьма широкое распространение этого строя жизни. К сожалению, на археологической карте II тыс. до н.э. зияет огромное "белое пятно". Восточная граница "андроновской" культуры прослежена от Тарбагатая до Саянского хребта, а что было в это время в Джунгарии, Монголии и Бэйшане, можно только предполагать. Однако наиболее вероятным представляется, что и там развивались культуры если не вполне идентичные андроновской, то весьма похожие на нее. Ландшафт и геоботанический состав западных и восточных склонов Алтая единообразны^[34], а орошающие Восточную Монголию муссоны подчиняются той же гетерохронной закономерности, что и атлантические циклоны. Следовательно, условия для развития мотыжного земледелия и оседлого скотоводства были сходными для всей полосы степей вплоть до Хингана. Это не значит, конечно, что население указанной территории было монолитно, но, учитывая большую подвижность народов, практикующих мотыжное земледелие, следует считать, что общение между степными племенами II тыс. до н.э. не могло не быть интенсивным. Ведь отсутствовало главное препятствие, отмеченное нами: непроходимые пустыни, которые в эпоху повышенного увлажнения должны были стать значительно уже и не могли представлять барьера при общении между племенами так же, как и лесные массивы гумидного ландшафта, переживавшего в это время очередное усыхание^[44, стр. 70-76].

Было бы весьма интересно установить, не было ли на протяжении II тыс. климатических колебаний, связанных с переносом направления циклонов из аридной зоны на север, но, к сожалению, уровень наших знаний не позволяет делать в этом направлении не только выводов, но и предположений. Можно думать лишь, что, поскольку Месопотамия не страдала от наводнений, североиранская ветвь циклонов была ослаблена и, значит, в Арктике царил мороз. А раз так, то амплитуда колебаний увлажнения была относительно невелика, и II тыс. до н.э. может считаться климатическим оптимумом. Следующую эпоху А.В. Шнитников определяет как переход от суббореального к субатлантическому периоду и датирует ее серединой I тыс. до н.э.^[39, стр. 263]. Тут можно внести небольшие

хронологические уточнения. Отмеченное А.В. Шнитниковым увлажнение гумидной зоны началось около IX в. до н.э., кончилось к V в. до н.э. и соответствовало резкому усыханию аридной зоны; увлажнение аридной зоны, происходившее в IV-I вв. до н.э., согласно нашему тезису, совпадало с усыханием зоны гумидной.

Если расклассифицировать исторические данные, приведенные А.В. Шнитниковым для доказательства повышенного увлажнения в I тыс. до н.э., по зонам, то наша концепция подтвердится. Ранние сведения об увлажнении относятся к северному побережью Европы, а поздние касаются исключительно Средиземноморского и Каспийского бассейнов, причем уровень Каспийского моря в III в. до н.э. был ниже абсолютной отметки – 32м^[40, стр. 85]. Исходя из этой небольшой поправки в хронологию мы поведем дальнейшее рассмотрение климатического состояния евразийских степей.

На рубеже II и I тыс. до н.э. к VIII-VII вв. до н.э. климат Европы резко изменился – наступила холодная и влажная эпоха. Затопленные торфяники превратились в озера, широколиственные леса Англии и Франции погибли, наводнения в низовьях Рейна вызвали изменение конфигурации побережья Северного моря, повторилось наступление леса на Украине и развитие торфяников в Западной Сибири^[39, стр. 263-264]. Вот тут-то и наступила эпоха кочевого быта! В самом деле, если констатировано интенсивное увлажнение гумидной зоны, то ему должно соответствовать усыхание зоны аридной, к которому прибавился антропогенный фактор. Примитивные земледельцы нарушали почвенный слой на своих полях, их стада разбивали пески около водопоев. Пока климат был влажным, быстрое зарастание препятствовало дефляции песков, но когда наступила засуха, безжалостный ветер понес тучи пыли и поля превратились в пустыни^[прим. 9]. Количество пищи, даваемой природой человеку, сократилось, поселки захирели, и многие из них были покинуты. Населению пришлось или отступать в горные долины (например, на Алтае и в Тянь-Шане), или изыскивать иную систему хозяйства, пригодную для новых условий. Таковой стал кочевой быт.

Обстоятельство возникновения кочевого хозяйства в евразийских степях до сих пор интерпретировалось без учета периодичности и гетерохронности увлажнения, и потому объяснения этого явления отличались от предлагаемого нами. Однако большая часть установленных фактов и дат остается в силе, и только понимание событий меняется коренным образом за счет того нового материала, который дает физическая география. Он механически снимает прежние точки зрения, критика которых поэтому не нужна.

Дата появления кочевого хозяйства в евразийских странах и характеристика этапов его развития установлены С.И. Руденко.

Аргументация его безукоризненна настолько, что разбор иной концепции^[45] уже не заслуживает внимания^[46, стр. 195 и сл.]. С.И. Руденко различает в степном скотоводстве три варианта.

1. Племя живет оседло, но часть семей вместе со скотом перемещается для его прокорма.

2. Все племя с весны до осени кочует со стадами.

3. Племя кочует круглый год.

В первых двух вариантах скотоводство обязательно сочетается с земледелием, хотя бы как заготовкой корма для стад, третий вариант сравнительно редок, он наблюдается в полупустынях около Аральского моря и в Восточной Монголии^[46, стр. 195 и сл.].

Переход от оседлого образа жизни к полукочевому, по мнению С. И. Руденко, не мог совершаться целыми племенами. Малоскотные семьи должны были оставаться на своих зимовках, и только богатые скотом могли освоить кочевой образ жизни. Однако встает дилемма: а не стали ли эти семьи богатыми именно потому, что они усвоили новый, более выгодный способ хозяйства, позволявший им максимально использовать выгоравшие степи? Не встречаемся ли мы тут с внутриплеменной дифференциацией, начавшейся с разделения труда и закончившейся тем, что в условиях растущей аридизации уцелели и размножились те, кто сумел приспособиться к новым условиям, а консервативная часть племен оказалась обреченной на бедность и вымирание? Для решения этого вопроса взглянем на этническую и археологическую карту евразийской степи в середине I тыс. до н.э.

На той самой территории, где 1000 лет назад располагалась монолитная цивилизация, появляется большое количество племен и народов, различавшихся между собою языками, обычаями и внутренним устройством. Различались они и по материальной культуре. Прежде всего разделились восточный (монгольский) и западный (алтайский) культурные регионы. На востоке мы находим следы двух культур: "карасукской" в Минусинской котловине и культуры плиточных могил на берегах Селенги, Керулэна и в предгорьях Иньшаня^[43, стр. 146-147]. Обе культуры были созданы кочевниками-монголоидами, с той лишь разницей, что в Минусинской котловине "карасукцы" растворились в динлинах, а в степях Монголии образовалась палеосибирская раса второго порядка, к которой принадлежали хунны^[47, стр. 121].

На западе носителями кочевого быта стали главным образом североиранские народы: скифы, саки и юечжи, а также другие, менее известные племена^[46, стр. 173 и сл.], происхождение которых определить

трудно и не всегда возможно. Это была эпоха предельной дифференциации степных племен. Так, Геродот сообщает, что для того, чтобы вести деловые сношения с аргиппеями (монголоидный народ на Среднем Иртыше), скифы пользуются семью переводчиками и семью языками. Такой взаимоизоляции в аридной зоне Евразии с тех пор не возникало. Можно ли думать, что это явление было наследием предыдущей, андроновской, эпохи? Нет, потому что во II тыс. до н.э. вся территория между скифским Доном и аргиппейским Иртышом была заселена народом, принадлежавшим к одному антропологическому типу и к единой культуре. Очевидно, изменения произошли в начале I тыс. до н.э., при замене способа хозяйства, отчасти путем внедрения в степь новых народов, отчасти путем перехода отдельных групп местного населения к кочевому быту.

Было бы неверно думать, что те формы кочевого хозяйства, которые сложились к VII в. до н.э., т.е. перемещения со стадами на определенном участке в зависимости от времени года, способствовали общению между племенами. Наоборот, хотя участки обитания расширились, кочевники, привязанные к своим овцам, не имели повода к тому, чтобы их покидать. Вспомним, что и в других местах общение между народами и рост географических знаний были связаны с деятельностью народов оседлых, а не кочевых. Финикияне и греки сделали для познания мира больше, чем скотоводы Аравийской и Сирийской пустынь, а когда арабы вступили на мировую арену, то инициатива в географических открытиях исходила от оседлых жителей оазисов, а не от бедуинов.

Вместе с тем кочевнику необходимо гораздо больше земли, чем земледельцу, и потому межплеменные столкновения в эпоху усиливающейся аридизации не могли не вызвать истребительных войн за пастбища. Конечно, войны – тоже способ общения. Во-первых, приходится заимствовать у противника лучшие формы вооружения, во-вторых, изделия побежденных попадают в руки победителей как добыча и, наконец, женщин и детей берут в плен и таким образом знакомятся с особенностями быта своих соседей. Эти обстоятельства объясняют известное сходство материальной культуры скифо-сарматов I тыс. до н.э., но уже Страбон отмечал трудность изучения географии Скифии, так как "кочевники, не вступающие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны"[\[48, стр. 468\]](#). По-видимому, быт евразийских кочевников I тыс. до н.э. напоминал образ жизни североамериканских индейцев, обитателей прерии, где, при сходстве материальной культуры, каждое племя держалось обособленно от соседей и находилось с ними в состоянии перманентной войны.

Способствовал разобщению и рост пустынь, становившихся труднопроходимыми. Так, граница между восточными и алтайскими народами пролегла не по горным хребтам и водоразделам, а по сыпучим пескам восточной Джунгарии, где осадков выпадает меньше 100 мм в год. Эта полоса тянется в меридиональном направлении от Хамийской пустыни до Саянских гор, и ширина ее зависит от степени аридизации евразийской степи. Во влажные периоды переход через нее легок, но в засушливое время пустыня была труднопроходимым барьером, и культуры по обеим ее сторонам развивались независимо друг от друга. Так было в интересующую нас эпоху, когда на Алтае сложилась полукочевая культура юечжей (восточные сарматы), останки которых покоились в пазырыкских курганах, а в Монголии возник хуннский племенной союз, известный всему миру.

Предлагаемому выводу противоречит на первый взгляд то, что в степи между Ордосом и Дуньхуаном в IV в. до н.э. обитали многочисленные юечжи, и большинство исследователей считают эту территорию родиной этого народа^[прим. 10]. Но не могли же юечжи жить в безводной пустыне, тем более что предгорья Наньшаня, орошенные многочисленными ручьями, ниже теряющимися в песках, населяли усуни^[46, стр. 51]. Еще в 1960 г., на основании исключительно исторических соображений, мы предложили гипотезу, согласно которой юечжи овладели Алашанской степью не раньше конца V в. до н.э.^[15, стр. 39-40, 69-71]. Теперь эта точка зрения находит подтверждение в данных палеогеографии, с тем лишь уточнением, что юечжи форсировали полосу пустынь, лежащую между Джунгарией, их истинной родиной, и предгорьями Наньшаня. Но самым мощным аргументом в пользу предлагаемой концепции является анализ юечжийских слов, сделанный Б. Лауфером в небольшой работе, опубликованной всего в 500 экземплярах и не получившей распространения^[49]. Б. Лауфер доказал, что юечжи говорили на североиранском языке, принадлежавшем к той же группе, что и скифский, согдийский, осетинский и ягнобский, и никакого отношения не имевшем к тохарскому, связанному с европейскими языками^[49, стр. 13-14]. Следовательно, культурная, а значит, и этнографическая близость юечжей с обитателями Семиречья имела активные формы, базировавшиеся на сходной хозяйственной деятельности. И наоборот, обитатели оазисов долины Тарима составляли особый этнокультурный комплекс, причем границей между теми и другими был Тянь-Шань.

М.П. Петров отмечает, что восточный Тянь-Шань – физико-географический рубеж между экстрааридной Центральной Азией и более влажными регионами Казахстана и Джунгарии^[29, стр. 137], которые по

флористическому составу тесно связаны между собой. Но тогда скотоводческое хозяйство западных и восточных склонов Тарбагатай должно быть отличным от южного, тохарского, хозяйственного быта, что и требовалось доказать. Переход же юечжей через пустыню к склонам Наньшаня произошел именно тогда, когда юечжи впервые были упомянуты в исторических источниках, т.е. в IV в. до н.э. Видимо, мы наблюдаем следующий этап общения Средней Азии с Дальним Востоком, более поздний, нежели отмеченный нами. А если так, то перерыв в междуплеменных отношениях совпадает с уже установленным периодом аридизации степной зоны Евразии, и не замечать связи между обоими явлениями невозможно. Юечжи двигались на запад, хунны на юг, и оба народа пересекли сузившиеся пустыни. Последовавшая в IV в. эпоха повышенного увлажнения степей стимулировала дальнейшее развитие кочевого хозяйства. Увеличилась площадь пастбищ, на которых расплодилось стадо домашних и диких животных, а по окраинам степи снова начали появляться оседлые поселения и поля, засеянные просом [\[15, стр. 192\]](#).

Но 500 лет разобщенности не прошли даром. Хотя искусство хуннов [\[50\]](#) и юечжей [\[51\]](#) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично [\[52\]](#). Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой "андроновской" культуры через призму перемен хозяйства, быта и метисации этнических типов разделилась на ряд ручьев и уже не соединялась вновь. Когда в III в. до н.э. хунны и юечжи территориально сомкнулись, они стали оружием решать, кто из них будет властвовать над степью, сделавшейся вновь обширной и многолюдной. Победа хуннов в 165 г. до н.э. определила дальнейшее направление интеграции степных народов и в пользу тюркоязычия и того кочевого образа жизни, который окончательно сложился в средние века. Остатки народов, сохранивших оседлость, долго еще доживали свой век в "болотных городищах" Сырдарьинской дельты (хиониты) и в оазисах южной Джунгарии (уге, чеши и др.). Они тоже растеряли большую часть своей древней культуры, и только некоторые особенности стиля, совпадающие на Востоке и Западе, да термины, отмеченные нами, показывают, что мощи и величие евразийских кочевников предшествовал блеск и обаяние культуры оседлых народов бронзового века.

В заключение вернемся к исходному пункту исследования – характеру колебания уровней внутренних водоемов. Нам известно только, что в III в. до н.э. уровень Каспийского моря был очень низок, ниже абс. отм. минус 32

м (7,24), что совпадает с эпохой южного прохождения ложбины низкого давления, начавшейся в начале IV в. или в конце V в. до н.э.

Следовательно, в это время повысился уровень Аральского моря и особенно Балхаша, питаемого реками, ниспадающими с Саура и Тарбагатая.

В предшествовавшую эпоху X-V вв. до н.э., когда была интенсивно увлажнена гумидная зона, уровень Каспия стоял высоко (между абс. отм. минус 18 и минус 12 – минус 16), так как керамика эпохи бронзы встречается ниже изобаты 0, но не смешивается с хазарской и гузской керамикой, часто попадающей около изобаты минус 18 м. Этой эпохой мы можем датировать одно из усыханий Балхаша и регрессию Аральского моря.

II тысячелетие до н.э. было связано опять-таки с регрессией Каспия и трансгрессией Арала и Балхаша, а также с появлением озер (ныне сухих), котловинами которых заканчиваются реки Чу и Сарысу. А III и IV тысячелетия были временем очень низкого стояния Каспия, Балхаша, вероятно, полного усыхания озер аридной зоны и небольшой трансгрессии Аральского моря за счет североиранской ветви циклонов.

Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос: V)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1966. - N 18. - С. 81-90.

Методика исследования изменений климата и ландшафта, примененная нами для исторического периода, основана на достаточно полном и точном знании событий, происходивших за период в 2000 лет, – с I в. до н.э.

Мы будем исходить из положения о постоянном влиянии природы на формы человеческой деятельности^[28] и избегать крайностей, свойственных «географическому детерминизму»^[33], так как даже для самых примитивных человеческих сообществ свойственны спонтанные формы развития^[53].

Поэтому мы пойдем путем изучения этногенеза и миграций на широкой площади, так как при таком подходе неизбежные частные ошибки будут взаимно компенсироваться^[54, стр. 112-120], а общие допуски мы постараемся уменьшить путем сопоставления с палеогеографией голоцена^[прим. 11].

Проблема изменения климата Евразийского континента в постъюре, долго служившая объектом научной полемики, была решена А.В. Шнитниковым, согласно которому увлажненность Евразийского континента варьировала с большой амплитудой^[39]. Заслугой А.В. Шнитникова являются намеченные им хронологические рамки периодов увлажнения и усыхания, причем допуск при определении границ периодов превышает столетие. Данную концепцию следует дополнить путем учета гетерохронности увлажнения аридной, гумидной и полярной зон^[12], сводящейся к следующему.

В случае увлажнения аридной зоны усыхает зона гумидная, а при увлажнении зоны полярной идет одновременное усыхание гумидной и аридной зон, но возникает активное увлажнение зоны субтропической^[12], в частности речных долин Тигра и Евфрата на Ближнем Востоке и Хуанхэ и Янцзы на Дальнем. Исходя из этой концепции, мы можем пересмотреть панораму смены народов на пространстве степной зоны Евразийского континента, для которой соотношение площади травянистых степей, лесов и пустынь было основным условием ведения хозяйства^[14].

В отличие от относительно стабильного климата Средиземноморья территория евразийской степи чутко реагирует на климатические изменения, Усыхание, связанное с увеличением площади пустынь, и увлажнение, ведущее к наступлению лесов, одинаково вредно отзываясь на население степи и его хозяйственных возможностях. Следовательно, смена форм хозяйства соответствует смене климатических условий и тем самым колебанию уровней внутренних морей^{[6]; [40]}. А климат менялся быстро^[55].

В 1959-1963 гг. нами были произведены в бассейне Каспийского моря работы, которые дали возможность получить недостающие данные о сменах периодов увлажнения и усыхания гумидной и аридной зон^{[2]; [35]}. Это позволило перенести проблему усыхания Средней Азии в иную плоскость, наметить опорные точки колебаний уровня Каспия, заполнить интервалы между этими точками и получить довольно стройную картину изменений климата на исследуемой территории.

Несостоятельность доводов некоторых ученых, в частности С.А. Ковалевского и А.В. Комарова^[8, стр. 211-213], утверждавших (опираясь на сведения античных авторов), что уровень Каспийского моря в I тыс. до н.э. достигал будто бы абсолютной отметки 1,33 м, была доказана Л.С. Бергом^[6, стр. 208-212]. Низкий уровень Каспия за последние 15 тыс. лет устанавливается и нашими полевыми исследованиями. На поверхности территории Калмыкии, которая, при положительной абсолютной отметке моря, была бы покрыта водой, найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и даже палеолитические отщепы.

В IV-II вв. до н.э. уровень Каспийского моря был весьма низок, несмотря на то что воды Амударьи через Узбой протекали в Каспийское море. О последнем говорят: сподвижник Александра Македонского историк Аристовул^[56, стр. 11], мореплаватель Патрокл (III в. до н.э.), Плутарх, Эратосфен и Страбон^[56, стр. 13]. О водопадах, имевшихся при впадении Амударьи в Каспий, сообщают Евдокс и Полибий^[56, стр. 15]. Иордан утверждает, что есть «другой Танаис, который, возникая в Хринских горах, впадает в Каспийское море»^[57, стр. 74]. Поскольку «Хринские горы» – это место обитания «фринов», северо-западной ветви тибетцев, живших на восточных склонах Памира^[58], очевидно, что «Хринские горы» являются Памиром, а река «другой Танаис» не может быть ничем иным, как Амударьей с Узбоем и Актамом. На основании этих сообщений А.В. Шнитников высказал предположение о высоком уровне Каспия в середине I тыс. до н.э.^[39, стр. 264-266]. При этом не было учтено одно немаловажное обстоятельство: попасть в Узбой воды Амударьи могли только через

Сарыкамышскую впадину, площадь которой вместе с впадиной Асаке-Аудан настолько велика, что испарение там должно было быть громадным. Этим объясняются габариты русла Узбоя, не способного пропустить более 100 м воды в секунду, что явно недостаточно для поднятия уровня Каспия.

На составленной во II в. до н.э. карте Эратосфена, где четко показаны контуры Каспия, северный берег моря расположен южнее параллели $45^{\circ}30'$, что соответствует ныне находящейся под водой береговой террасе на абсолютной отметке минус 36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение – русло Актам – ныне прослеживается по дну моря на абсолютной отметке минус 32 м. При большей древности русло было бы занесено эоловыми и морскими отложениями, а в более позднее время уровень моря находился выше, и условий для эрозии и меандрирования не было.

Итак, несмотря на относительное многоводье Амударьи, уровень Каспийского моря в IV-II вв. до н.э. соответствовал отметке не выше минус 36 м. Это значит, что по принятой нами климатической схеме в данную эпоху шло интенсивное увлажнение аридной зоны. Действительно, во II в. до н.э. хунны заводят в Джунгарии земледелие^[15, стр. 192]. В это же время китайские военные репортажи о численности отбитого у хуннов скота говорят об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая, а усунь – в Семиречье. При неудачных набегах на хуннов, когда те успевали отойти, добыча исчислялась тысячами голов скота, а при удачных – сотнями тысяч^[18, т. II, стр. 81]. И это в местности, представляющей сейчас пустыню! Цифрам следует верить, так как полководцы сдавали добычу чиновникам по счету и могли утаить часть добычи, но не зависить ее количество. Богатым скотоводческим государством, способным выставить до 200000 всадников, было царство Кангюй, простиравшееся от Тарбагатая до среднего течения Сырдарьи. Иссык-Куль в наши дни не сообщается с теряющейся в песках р. Чу, но на картах того времени Чу показана вытекающей из Иссык-Куля и впадающей в широкое озеро^[18, т. II]. Все это говорит о повышенной увлажненности и относительно густой населенности этих районов в то время.

Наши соображения подтверждаются геологическими исследованиями. Линзы торфа около русла Актам, перекрытые морскими отложениями, датируются I тыс. до н.э. и по характеру растительных остатков указывают на значительное похолодание климата сравнительно с современным^[59]. Пресноводные отложения обнаружены на дне Красноводского залива, на

отметке минус 35 м^[60]. Самый факт накопления торфа указывает, что климат Средней Азии был более влажным, чем современный.

В IV-III вв. до н.э. хунны обитали на склонах Иньшаня и очень ценили этот район, так как «сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицей и зверем. Хунны, потеряв Иньшань, плакали, проходя мимо него»^[18, т. II, стр. 94]. Так описывает эту местность географ I века, а 2000 лет спустя: «Местность эта в общем равнинная, пустынная, встречаются холмы и ущелья; на севере большую площадь занимают развеваемые пески. Северная часть плато представляет собой каменистую пустыню, среди которой встречаются невысокие горные хребты, лишенные травянистого покрова»^[61, стр. 159-160]. Такое же различие в описаниях Хэси – степи между Алашанем и Наньшанем.

Очевидно, 2000 лет назад площадь пастбищных угодий, а следовательно, и ландшафт были иными, чем сейчас. Но мало этого: усыхание степи имело место и в древности. История хуннов отреагировала на это чрезвычайно чутко – хуннская держава погибла.

Конечно, для крушения кочевой империи имелось сколько угодно внешнеполитических причин, но их было не больше, чем всегда^[15], а до 90 г. хунны удерживали гегемонию в степи, говоря: «Мы не оскудели в отважных воинах» и «сражаться на коне есть наше господство»^[18, т. I, стр. 88]. Но когда стали сохнуть степи,дохнуть овцы, тощать кони, господство хуннов кончилось.

Начиная с I в. до н.э. в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных. Заведенное хуннами земледелие погибло. Очевидно, процесс перехода к аридному климату в этот период зашел уже настолько далеко, что стал решающим фактором в примитивном хозяйстве как оседлом, так и кочевом. Таким образом, мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III в. н.э. сокращением пастбищных угодий и считать III в. н.э. кульминацией процесса усыхания.

Вынуждены были ютиться около горных склонов и непересыхающих озер и победители хуннов – сяньбийцы. Овладев Халхой, они не заселили ее, а расселились по южной окраине Гоби, вплоть до восточного Тянь-Шаня^[62]. Прежние методы ведения хозяйства аридизация климата сделала невозможными.

Отмечая, что Балхаш имеет значительно меньшую соленость, чем должно иметь бессточное среднеазиатское озеро, Л.С. Берг предположил, что «Балхаш некогда высыхал, а в дальнейшем опять наполнился водой. С тех пор он еще не успел осолониться»^[62, стр. 68-69]. Высыхание большей части Балхаша датируется III в. н.э., так как карта эпохи Троецарствия (220-

280 гг.)^[18, т. I-III] показывает на месте Балхаша небольшое озеро, по контурам соответствующее наиболее глубокому месту Балхаша в наше время^[13]. Понижен был и уровень Иссык-Куля^[63, стр. 403]. В это же время, по сведениям, сообщаемым Аммианом Марцеллином, Аральское море превратилось в «болото Оксийское», т.е. весьма обмелело^[39, стр. 269].

Источники фиксируют значительное сокращение населения степной зоны в эту эпоху. Усуни уходят в горный Тянь-Шань; сменившие их потомки хуннов – юебань – заселяют склоны Тарбагатая; богатый некогда Кангюй сходит на нет. Отсутствие внешнеполитических причин, способных вызвать ослабление этих народов, дает основание предположить, что главную роль здесь играли причины внутренние, связанные с хозяйством усуней и кангюйцев. Но ведь оба эти народа жили натуральным хозяйством и экономика их зависела только от поголовья коров, овец и лошадей, а количество животных определялось площадью пастбищных угодий. Следовательно, констатируя ослабление Кангюя, иными словами – уменьшение прироста населения, мы можем, обратным ходом мысли, сделать вывод, что площадь пастбищных угодий сократилась, а коль скоро так, то это говорит о временной аридизации климата.

Усыханию аридной зоны, согласно принятой нами концепции^[12], должно было сопутствовать пропорциональное увлажнение зоны гумидной.

Тут на помощь приходит изучение донных отложений залива Кара-Богаз-Гол, характер которых определяется уровнем Каспия относительно высотной отметки бара, отделяющего залив от моря. По мнению В.Г. Рихтера^[60], очередная трансгрессия падает на конец II в. и сменяется незначительной регрессией около IV в.

Уже с середины IV в. на север переселяются теле, находят себе место для жизни жужани, немного позже туда же отступают ашина, и им всем отнюдь не тесно. Идет борьба за власть, а не за землю, т.е. самый характер борьбы, определившийся к концу V в., указывает на рост населения, хозяйства, богатства и т.д.

Самый процесс первоначального переселения беглецов (жужани) и разобщенных племен (теле) стал возможен лишь тогда, когда появились свободные пастбища. В противном случае аборигены оказали бы пришельцам такое сопротивление, которое не могло быть не замечено в Китае и, следовательно, должно быть отмечено в хрониках. Но там сообщается о переселении и ни слова о военных столкновениях – значит, жужани и теле заняли пустые земли. А при тенденции кочевников к полному использованию пастбищ необходимо допустить, что появились новые луга, т.е. произошло очередное увлажнение.

Великий тюркютский каганат VI-VII вв., соперничавший с Китаем, Ираном и Византией и базировавший свое экономическое положение главным образом на местных ресурсах, не мог бы черпать силы из бесплодной пустыни. Статистика набегов на Китай показывает, что переброска конницы через Гоби в то время была относительно легка, и, значит, граница травянистых степей современной Монголии пролегла южнее, чем в XX в. [\[прим. 12\]](#). В VIII в. тюрки возобновили занятия земледелием в Монголии, но, что особенно важно, заняв целиком зону степей, они не пытались овладеть ни лесными районами Сибири, ни проникнуть в Китай. Травянистая степь, перерезанная лесистыми хребтами, была их вмещающим ландшафтом. К другим условиям жизни они не были приспособлены и не хотели приспособляться.

Любопытно, что период расцвета кочевой культуры совпадает с периодом низкого стояния Каспия на отметке минус 32 м. Когда же в X в. произошло очередное (около 3 м) поднятие уровня Каспийского моря, связанное, согласно нашей концепции, с кратковременным перемещением увлажнения в гумидную зону, то мы снова видим выселение кочевых племен из современной территории Казахстана на юг и на запад. Карлуки в середине X в. из Прибалхашья переселяются в Фергану, Кашгар и современный южный Таджикистан [\[64\]](#). Печенеги покидают берега Аральского моря еще в конце IX в. и уходят в южное Поднепровье; за ними следуют торки или гузы, распространяющиеся между Волгой и Уралом [\[1, стр. 336-353\]](#). Это выселение не очень большого масштаба, но оно показательно своим совпадением с изменением уровня Каспия, что подтверждает правильность принятой нами гипотезы. Нет оснований связывать эти передвижения с крупными политическими событиями, потому что в то же самое время на территории Восточной Монголии, лежащей за пределами действия атлантических циклонов, история уйгуров имела совсем иной оборот.

В середине IX в. в жестокой войне Уйгурское ханство было разгромлено енисейскими кыргызами. Центральная Монголия обезлюдела. Но стоило кыргызам под напором киданей в 915-926 гг. отступить обратно за Саяны, как началось быстрое заселение Монголии татарами, кераитами, найманами и другими племенами. Цветущая степь вновь притянула к себе людей и, несмотря на кровопролитнейшую войну, не превратилась в пустыню.

В начале XIII в. в Монголии было немало лесных массивов. Юный Темучин (будущий Чингисхан) успешно прятался от врагов в чащах столь густых, что пробраться внутрь их могли только местные жители по известным им тропам. Ныне в Монголии такой буйной растительности нет.

На карте IX в. Балхаш показан большим озером^[18, т. I-III] с контурами^[15, стр. 114-115], напоминающими впадину бассейна Балхаш-Алакуль^[65, стр. 129]. И еще в XIII в. Плано Карпини по пути в Монголию, в ставку великого хана, ехал вдоль берега Балхаша в течение 7 дней. Не будем утверждать, что Балхаш и Алакуль в то время сливались, но факт трансгрессии Балхаша несомненен. В IX же веке ныне теряющиеся в песках реки Сарысу и Чу образовывали обширные озера^[18, т. I-III].

Подъем Каспия в X в. до отметки минус 29 м был не последним. Губительным для береговых культур был подъем к началу XIV в. По словам итальянского географа Марине Сануто (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города уничтожены»^[6, стр. 220]. Уже около 1304 г., по сообщению Неджати, порт Абаскун был затоплен и поглощен морем^[66, приложение, стр. 8]. Подъем уровня Каспийского моря отмечает и Казвини в 1339 г., объясняя это изменением течения Амударьи, которая стала впадать в Каспий, в связи с чем «по необходимости вода затопила часть материка для уравнивания прихода и расхода»^[67, стр. 6]. Таким образом, очевидно, что в конце XIII и в XIV в. уровень Каспийского моря поднимался. Л.С. Берг сомневается, чтобы он превысил аналогичные, по его мнению, поднятия уровня в XVIII в., т.е. до отметки минус 23,0 м^[6, стр. 221, 267], однако, по словам арабского географа Бакуи, в 1400 г. часть Баку была затоплена и вода стояла у мечети, т.е. на отметке минус 20,72 м. Б.А. Аполлов считает данные Бакуи маловероятными^[8, стр. 225-226], но наши полевые исследования позволяют считать, что в этот период Каспийское море достигало отметки минус 19 м.

Часто находимая в котловинах выдувания тюркская керамика VII-XII вв. не была обнаружена ниже абсолютной отметки минус 18 м. Это и понятно: ниже указанной отметки керамика перекрыта донными морскими отложениями. Отмечая, что осадки с моллюсками *Cardium edule* доходят до отметки минус 20,7 м, Л. С. Берг датирует этот уровень более ранним временем, чем трансгрессия XIII в.^[6, стр. 26]. Данные, полученные нами, дают возможность приурочить уровень на отметке минус 19 м именно к XIII в. Если раковины *Cardium edule* показывают подъем воды, то керамика тюркского времени отмечает береговую линию конца XIII в.

Вернемся к монголам. Нехватка пастбищных угодий, вызванная гипотетическим прогрессивным усыханием Центральной Азии, неоднократно выдвигалась в качестве причины монгольских походов XIII в.^[68]. Против этой концепции справедливо выступил Л.С. Берг^[58]. Начало XIII в. характеризуется не усыханием, а кульминацией увлажнения Центральной Азии. Стихийное выселение населения из засушливых районов, описанное

нами выше для эпохи III и X вв., не имело ничего общего с походами немногочисленных, но великолепно обученных войсковых соединений Чингисхана и его преемников, на что обратил внимание еще Г.Е. Грумм-Гржимайло [\[69, т. II, стр. 519-523\]](#). Монгольские ханы XIII в. решали внешнеполитические задачи военным путем, и средства для войн давало им именно изобилие скота и людей. Доказательством нашей точки зрения является и то, что большинство монгольских воинов вернулось на свою родину, а количество выселившихся в завоеванные земли было ничтожно. В двухсоттысячной армии Батыя около 1250 г. было только 4000 монголов. Для занятия ключевой позиции между Балхом и Гератом в восточном Иране было поселено 1000 воинов, потомки которых до сих пор носят название «хэзарейцы» – от персидского слова «хэзар», что значит тысяча. Военные поселения в Южном Китае были также численно ничтожны [\[70\]](#).

Эти факты подтверждают, что войны XIII в. не были вызваны усыханием степей, не имевшим места в этот период.

В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря, до абсолютной отметки минус 19 м [\[26, стр. 85\]](#). В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пессимальными. Это приводит к кризису кочевого хозяйства в начале XIV в. и к сокращению военных возможностей династии Юань. В результате уже к 70-м годам XIV в. у монгольских ханов нет сил и средств для противодействия китайцам, которые сбрасывают монгольское иго.

Наши соображения подтверждаются исследованиями И.Е. Бучинского, отмечающего на территории Руси участвовавшие с XVI в. грозы, ливни, наводнения и другие явления, зависящие от усиления циклонической деятельности [\[55, стр. 82-83\]](#).

Продолжающееся смещение пути циклонов на север было сопряжено со значительным накоплением осадков и в Альпах и в Гренландии, что привело к наступлению ледников [\[39, стр. 272, 280\]](#). Выпадение максимума осадков севернее водосбора Волги обусловило понижение уровня Каспия. Уже на картах 1500 г. помещен остров Чечень, высшая отметка которого – минус 23,83 м. [\[8, стр. 227\]](#). Падение уровня моря продолжалось свыше 60 лет.

Абсолютную отметку нам удалось установить по положению башни шаха Аббаса, пристроенной к дербентской стене в 1587 г., когда уровень моря понизился. Б.А. Аполлов по этому поводу пишет: «В то время шедший с севера караван остановился у стены на ночлег, чтобы утром, когда откроют ворота, идти дальше через город. Однако утром привратники убедились, что каравана нет, верблюды обошли стену в воде. После этого Аббас I приказал

соорудить в море, там, где глубины достаточны, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной»^[71, стр. 138].

Остатки этой башни обнаружены нами в виде стены, перпендикулярной основной дербентской стене на абсолютной отметке минус 31,2 м^[71, стр. 138], но при обследовании этого места в аквалангах по характеру кладки мы убедились, что это не башня XVI в., а развал стены VI в. Таким образом, мы устанавливаем абсолютную отметку уровня Каспийского моря для 1587 г. около 28,0 м.

Потом начался подъем. Так, в 1623 г. московский купец Федор Афанасьевич Котов писал: «Сказывают, того города (Дербента. – Л.Г.) море взяло башен с тридцать, а теперь башня в воде велика и крепка»^[71, стр. 138]. Эти данные указывают на эпизодичность понижения Каспия в XVI в. и, следовательно, обратное смещение пути циклонов к югу, в бассейн Волги.

Подтверждение этому мы видим в том, что на рубеже XV-XVI вв. часть Амударьи стекала по Узбою. Сарыкамышская впадина в это время представляла собой пресное озеро, на берегах которого процветали многочисленные туркменские поселения с орошаемыми угодьями. Многоводье Амударьи объясняется возникновением при северном направлении циклонов сравнительно небольшого ответвления потоков влажных масс воздуха, так называемой североиранской ветви циклонов, питающей истоки Амударьи, но не влияющей на общее климатическое состояние аридной зоны, усыхание которой в XVI в. продолжалось.

И снова кочевники покидают свои родные степи... Монголы переселяются в Тибет, узбеки – в Мавераннахр, калмыки – на нижнюю Волгу. Нет больше организованных военных походов, направляющихся железной рукой хана; теперь племена со своими вождями движутся в поисках пастбищ и водопоев для скота. Это усыхание знаменовало начало конца срединноазиатской кочевой культуры, так как в XVIII-XIX вв. циклоны приносили влагу в гумидную зону, а в XX в. переместились в арктическую. Началось новое понижение уровня Каспия, и вновь поднялся уровень Аральского моря за счет североиранской ветви циклонов, но превращение центральноазиатских степей в пустыню продолжалось.

Никак нельзя заключить, что увлажнение аридной зоны непосредственно меняло характер народностей, ее населявших, или влияло на успех той или иной операции. Улучшая жизненные условия, оно давало лишнюю надежду на победу, и иногда находились племенные вожди, которые это использовали. Но отсутствие таких возможностей, при прочих равных условиях, делало положение безысходным. Так случилось, когда высохшая степь утратила способность к сопротивлению, за одним исключением: ойраты, обитавшие в Джунгарии, опираясь на лесистые

склоны Алтая, Тянь-Шаня и Тарбагатая, удержали натиск маньчжуров. Горные леса задерживали скопления снега, который питал многочисленные речки, стекающие с гор, а альпийские луга служили пастбищем во время летней жары, когда высыхали равнины. Зато в Монголии ширилась пустыня Гоби, распространяясь на север и юг. Географы XVII в. писали: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого»^[14, стр. 437]. Последняя кочевая держава Срединной Азии – Ойратский союз – гибнет под ударами маньчжуров в 1756-1758 гг., несмотря на мужество степных воинов и таланты последних вождей (Галдана и Амурсаны). Повторяется ситуация гибели хуннской державы в I в. при тех же изменениях климата и соотношениях ландшафтов.

Следовательно, путем объединения данных истории, археологии и географии можно при определении дат изменения климата перейти с относительной хронологии на абсолютную, а также установить степень влияния географической среды на течение событий истории.

Сводная таблица изменений степени увлажненности Евразийского континента (на материалах палеоэтнографии).

Века н.э.	Направ- ление цикло- нов	Аридная зона		Гумидная зона Евразии	Цивилизации	
		Западная Евразия	Восточная Евразия		Китай	Европа
I	ср.	Сарматы	Хунны		Хань	Рим
II	ср.	Аланы	Сяньби		Хань	Рим
III	сев.	Аланы, гунны, готы	Сяньби	Угры	Троецарствие	Упадок Рима
IV	ср.	Гунны	Жужани	Россомоны	Пять варваров	Христианс- кий Рим
V	юж.	Сабиры и болгары (с 463 г.)	Жумани		Тоба-Вэй	Большое переселение народов
VI	юж.	Авары (с 588 г.)	Тюркюты	Анты	Суй	Франки
VII	юж.	Болгары	Тюркюты		Тан (расцвет)	Франки
VIII	юж.	Хазары	Тюрки и уйгуры	Славяне	Тан (кризис)	Франки
IX	юж.	Хазары и венгры	Уйгуры и кыргызы	Киевская Русь	Тан (упадок)	Образование наций
X	ср.	Печенеги	Кидани	Киевская Русь	Пять династий	Феодализм и викинги
XI	юж.	Половцы	Кераиты	Киевская Русь	Сун	Феодализм
XII	юж.	Половцы	Татары	Владимирская Русь	Чжурчжени (Цзинь)	Крестовые походы
XIII	ср.	Завоевания монголов Чингисхана				Гвельфы и гибеллины
		Золотая Орда	Мятежные ханы	Русь	Монголы	
XIV	ср.	Распад Золотой Орды	Поражение и упадок Монголии	Великороссия	Юэнь и Мин (с 1360 г.)	Столетняя война
XV	ср.	Упадок Золотой Орды	Ойраты	Усиление России	Мин	Возрождение
XVI	сев.	Ногаи	Калмыки	Соперничеств о Литвы, Москвы и Казани	Мин	Реформация
XVII	ср.	Калмыки и казаки	Конец монголов	Подчинение Сибири	Маньчжуры	Религиозные войны
XVIII	ср.	Казаки и русские	Гибель калмыков	Россия	Маньчжуры Цинь	Колонизация мира
XIX	ср.	Упадок кочевой культуры		Россия	Цинь	Эпоха прогресса

Увлажнение

Усыхание

График. Колебания уровня Каспийского моря по данным Хазарской экспедиции Эрмитажа 1959-1963 годов (голубой цвет – увлажнение, желтый – усыхание).

По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос: VI)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1965. - N 18. вып. 3. - С. 112-120.

Полемика, возникшая по поводу книги В. А. Анучина^[72], не может оставить равнодушным ни одного ученого, любящего географию. История вопроса выросла за шесть лет настолько, что может явиться темой для скромной кандидатской диссертации по истории науки, но в данной статье рассматривать этот сюжет нецелесообразно. Плодотворнее, опираясь на заключительные звенья дискуссии, выделить те пункты, по которым автор статьи может иметь собственное мнение. Таковых очень немного.

Вполне можно согласиться с утверждением В. А. Анучина, «что господство общества над природой условно, что сами люди остаются частью природы»^[73]. Однако всегда ли и во всем? Ведь есть же и специфика! Однако второе утверждение В. А. Анучина вызывает сомнения. «Развитие общества, — пишет он, — рассматривалось изолированно от развития природы и наоборот. Между тем жизнь обществ и развитие географической среды происходят сопряженно. Среда не только и не просто внешняя природа. Это особая часть внешней природы, особая форма материи, составляющая вещественное единство с обществом»^[73].

В этом тезисе налицо небольшая, но крайне существенная терминологическая подмена: если бы говорилось о человечестве как одном из явлений биосферы, то спора бы не возникло, но общество — это специфическая форма коллективного бытия, свойственная только людям на определенной стадии развития, и не единственная. Согласно теории исторического материализма, общество имеет собственный ритм саморазвития по спирали или спонтанное прогрессивное развитие, одновременно подвергаясь экзогенным воздействиям. Тут неизбежно возникает вопрос: где и какой стороной человечество смыкается с природой и окружающей его географической средой и что в обществе является продуктом собственного развития?

Нельзя не согласиться с положением В. А. Анучина, что «ошибочные взгляды на географию можно преодолеть лишь при условии создания правильной концепции», но таковой, по нашему мнению, является точка зрения большинства советских географов, изложенная весьма обстоятельно

С. В. Калесником и противоречащая тезису В. А. Анучина о «единой» географии и об интеграции отдельных географических дисциплин^[74, стр. 209 – 221].

Повторять здесь положения статьи С. В. Калесника мы не будем. Вместо этого отметим, что в концепции В. А. Анучина ценным является давно ставившийся вопрос о характере взаимоотношений человечества с географической средой, а отнюдь не предлагаемое им решение этой проблемы. Сама проблема, действительно, актуальна и эвентуальна, но разве можно ограничиться для ее решения только сегодняшним днем? Чтобы ответить на вопрос, волнующий всех географов и не только географов, необходимо учесть весь известный нам опыт, всю сумму сведений о том, как влияли люди на природу и природа – на людей. Иными словами, привлечь историческую географию и историю.

Нужна ли для достижения поставленной цели «интеграция наук»^[75]? Нет, ибо такие работы будут обречены на неудачу. Нужны интеграция научных идей и комплекс сведений при обязательном условии, что они будут подчинены целям научного синтеза, т. е. послужат материалом для «эмпирического обобщения», которое В. И. Вернадский по степени достоверности приравнивал к реально наблюдаемому факту^[76, стр. 19]. Таким путем можно получить выводы, подчас неожиданные, но достоверные, основанные на оригинальной методике, разработанной специально для нашей темы. И отправным пунктом исследования будут идеи, сформулированные С. В. Калесником, о невозможности интеграции наук^[74, стр. 212] и четком разделении общества и географической среды^[74, стр. 214]. Однако эти взгляды подверглись критике со стороны Ю. Г. Саушкина^[77]. Игнорировать эту полемику было бы, с одной стороны, нетактично, а с другой – нецелесообразно, потому что необходимо внести в проблему ясность. Разберем возражения Ю. Г. Саушкина по пунктам.

1. Ю. Г. Саушкин произвольно использует координату времени. Он уверенно говорит о том, что будет через сотни лет, чего проверить невозможно, и совсем игнорирует то, что было в последние 3000 лет, хотя исторический материал позволяет делать весомые выводы. Например, он смело утверждает: «Пройдут десятки и сотни лет, и новая, планомерно воспроизводимая географическая среда станет в какой-то степени синтетической, искусственной, одетой в покров из неведомых еще нам, не существующих теперь материалов»^[77, стр. 82]. Если действительно так будет, то будущие географы перестроят свою методику. Ну, а вдруг все будет по-иному? Ученые изобретут синтетическую пищу, а новые научные открытия исключат необходимость в громоздкой технике. Тогда опять расцветут сады,

леса и степи, столь милые сердцам людей, и не нужно будет менять методику наук, изучающих землю. Оба предположения одинаково вероятны, возможны и другие, но ссылка на неизвестное будущее не может быть аргументом в научном споре.

Посмотрим лучше на известное нам прошлое, чтобы установить действительный характер взаимоотношений человека с географической средой.

2. Ю. Г. Саушкин пишет: «Остались ли степь – степью и пустыня – пустыней в ландшафтном понимании этих терминов? Сильнее всего изменена растительность (в степи – земледелием, в пустыне – выпасом, орошаемым земледелием), как следствие этого изменились сток, почвенный покров, процесс эрозии и вся дальнейшая «цепочка» компонентов природных комплексов»^[77, стр. 80].

Да, кое-что изменилось^[78, стр. 247 – 248], но разве подобные изменения наблюдаются только в XX в.? Антропогенные ландшафты известны в глубокой древности. Египтяне освоили заболоченную долину Нила 5000 лет тому назад; шумерийцы провели каналы, осушив междуречье Тигра и Ефрата примерно в то же время; китайцы начали строить дамбы вокруг Хуанхэ 4000 лет тому назад. Восточные иранцы научились использовать грунтовые воды для орошения на рубеже нашей эры. Полинезийцы привезли на свои острова сладкий картофель из Америки и истребили птиц моа в Новой Зеландии. Козы, разведенные эллинами, уничтожили дотоле пышную растительность Пелопонеса, и т. д. Если уж говорить о взаимодействии человека с природой, то нужно привлекать в полной мере историческую географию, являющуюся самостоятельной дисциплиной, находящейся на стыке двух самостоятельных наук: истории и географии. Но тогда мы придем к выводам, несколько неожиданным для Ю. Г. Саушкина. Влияние человека на ландшафт не всегда бывало благотворным. Случаи хищнического отношения к природе более часты, чем проявления заботы о ней. Но в обоих случаях, как только активная деятельность человеческого коллектива приостанавливалась, например, из-за войн, миграций, упадка культуры и хозяйства и т. п., естественный ландшафт быстро восстанавливался, хотя с некоторыми отличиями во флоре и фауне, а от деятельности людей оставались лишь археологические памятники. Так было в Галлии в VI в., когда римские латифундии заросли дремучими лесами; в Юкатане, где покрылись джунглями не только пашни, но и города народа майя; и в Ираке, после того как была заброшена постоянная работа по поддержанию каналов, т. е. в XIV в. Равным образом, развитие земледелия в Китае привело к уничтожению лесов в долине Хуанхэ и к IV в. до н. э. сухие центральноазиатские ветры занесли песком мелкие речки и гумусный слой в

Шэньси. Изобретение китайцами железной лопаты позволило в III в. до н. э. выкопать оросительные каналы из р. Цзинхэ, но река углубила свое русло и каналы высохли. Борьба за воду кончилась победой ветра – работы по поддержке оросительной системы прекратились в XVII в. Зато кяризы Люкчунской впадины, построенные древними иранцами, дали жизнь многим оазисам. Закономерность здесь есть, но она не простая, а сложная.

Воздействие на природу определяется характером, а не степенью культуры. Древние греки и арабы жили экстенсивным хозяйством подобно тюркам, монголам, ирокезам или полинезийцам. Однако культура греков не уступает египетской, а арабов – иранской. Также следует рассматривать центральноазиатских кочевников, которые не заимствовали из Китая ни иероглифики, ни социальных институтов, ни обычаев. Их самобытность определялась кормившим их степным ландшафтом. Они составляли неотъемлемую часть степи вместе с растительностью и животным миром. Поэтому, изучая историю кочевников, мы знакомимся с историей природных условий Центральной Азии в большей мере, чем, занимаясь историей цивилизаций земледельческих народов^[79]. Примеров можно привести неограниченное количество, но это дает основание согласиться с совсем другим соображением Ю. Г. Саушкина: «Географам предстоит большая работа: количественно измерить изменения, которые вносит человек в географическую среду в разных зонах и районах»^[77]. Добавим: в разные эпохи, потому что без этого мы не имеем права строить никаких прогнозов. Можно экстраполировать линию, вектор которой известен, пренебрегая возможностью некоторой ошибки, но нельзя проецировать линию из точки, беря вектор произвольно. Тогда это будет не прогноз, а предсказание, которое часто не сбывается.

З. Ю. Г. Саушкин упрекает С. В. Калесника в неправильной постановке проблемы о том, входят ли люди в природу, сиречь географическую среду. С. В. Калесник будто бы ставит вопрос: «или – или», а Ю. Г. Саушкин утверждает «и – и», называя свой подход диалектическим^[77, стр. 81]. Упрек С. В. Калеснику несправедлив, а предлагаемая Ю. Г. Саушкиным постановка вопроса неплототворна. В самом деле, в природу входят и атомы с электронами, и человеческая речь, но есть ли смысл включать в «единую» географию внутриатомную физику и литературоведение? Разделение наук, конечно, условно, но именно поэтому оно конструктивно.

Не правильнее ли спросить, «как» входят люди в природу? И тут мы подойдем к возможности ответить на вопрос, поставленный В. А. Анучиным, хотя и не путем интеграции наук, а гораздо более простым и изящным: выделением специальной дисциплины, которая для этой цели

приспособлена. В чем особенности ее аспекта и методики, мы и постараемся показать.

Заметим, что даже в устойчивом ландшафте, при стабильных хозяйственных системах происходит смена общественных отношений, если меняется обстановка, окружающая данную страну. Возьмем, например, Грецию. Оливки зрели, а козы бродили по склонам гор и тогда, когда в акрополях сидели базилевсы, и тогда, когда на рынках спорили олигархи с демократами, и тогда, когда по стране проходили железной поступью македонские сариссофоры, римские легионеры, меченосцы Алариха или славяне с лесистых склонов Балкан. Но разница в эпохах очевидна, и она происходит не за счет провинциального быта какой-нибудь Этолии или Фокиды, а за счет включения Эллады в мировую культурно-хозяйственную систему Средиземноморья и окрестных стран. Хозяйство эллинов и их потомков-греков было весьма специализировано, и они постоянно нуждались в обмене товарами с соседями, а это вовлекало их в мировую историю и заставляло испытывать все перипетии общеисторического процесса. Как только натуральное хозяйство сменилось товарным, как только через Средиземное море и евразийские степи потянулись караваны трирем и верблюдов, везшие шелковую пряжу, кораллы, золото и прочие предметы роскоши; как только в Китае, Египте, Согдиане, Иране потребовались рабы, рабыни и наемные солдаты, – Греция вошла в круговорот всемирного исторического процесса. Она оставалась сама собой, но отношения между населявшими ее народами менялись, и развитие шло, несмотря на то, что козы, как в древности, паслись на зеленой траве, а оливки вызревали, как и во времена Гомера.

Что каждый индивидуум вида *Homo sapiens* входит в ту или иную общественную группу – бесспорно, но, кроме того, оный индивид является членом коллектива иного порядка – народности или этноса. Как не было, нет и, вероятно, не будет ни одного человека, который бы не находился на определенной ступени социального развития (формация), не состоял членом политического образования (племени, орды, государства, общины, разбойничьей дружины викингов и тому подобных политических объединений), так и нет человека, который бы не принадлежал к какой-либо народности (этносу). Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры. Иными словами, эти явления параллельны, но несоизмеримы. Очевидно, что социальная закономерность – переход от низшей формации к высшей – к географии никакого отношения не имеет. Впрочем, это признал сам В. А. Анучин^[80, стр. 40]. Столь же бесполезно пытаться отыскать географические причины в действиях полководцев,

реформаторов и дипломатов ^[69, т. II, стр. 519 – 523]. Зато этнические коллективы – народности – целиком и полностью отвечают требованиям, предъявляемым нами к поставленной проблеме. Взаимодействие людей с природой отчетливо прослеживается не только на ранних ступенях развития, но вплоть до начала XX в. Ставить более поздние хронологические границы для целей анализа, как и более ранние – межледниковых периодов, мы не считаем возможным, так как из теории исторической критики известно, что тогда возникнут абберации близости и дальности, делающие выводы исследователя недостоверными.

Соотношение трех отмеченных линий развития легче всего показать на примере, допустим, Англии и Франции, прошлое которых известно полно и не требует специальных экскурсов в лабиринты источниковедения и дебри библиографии.

В социальном аспекте обе страны пережили все формации: родовой строй – кельты до римского завоевания; рабовладение – в составе Римской империи, хотя Британия на три века отстала от Галлии; военную демократию – во время великого переселения народов; феодализм и, наконец, капитализм, причем на этот раз отстала лет на сто Франция. Закономерность установлена историческим материализмом и в ревизии не нуждается.

В политическом аспекте – предельное разнообразие. В первые века до н. э. – теократическая власть друидов, цементирующая обе страны, разобщенные на многочисленные кланы. С I по III в. – римское господство в Галлии и самостоятельная Британия. С III по V в. римская власть доходит до Твида и возникает разделение Британии и Шотландии. В эпоху великого переселения народов и в эпоху Меровингов -политическое дробление обеих стран, объединяющихся при раннефеодальных королях Карле Великом и Альфреде. Затем объединение Нормандии с Англией, а вслед за тем с Пуату, Аквитанией и Овернью – королевство Генриха Плантагенета. Сочетание, с географической точки зрения, причудливое, но оно продержалось до конца Столетней войны – около 300 лет ^[прим. 13]. Наконец, в XVI – XVII вв. складываются Англия и Франция, знакомые нам, причем Англия включила в себя земледельческий Кент, населенный англосаксами, скотоводческую Шотландию, Уэльс и Нортумберленд, населенные кельтами и скандинавами – потомками викингов, а Франция присоединила Прованс, Бретань и Гасконь, где жили народы, говорившие на своих языках, имевшие свой быт и свою систему хозяйства.

Искать объяснения очерченным изменениям в физической географии бесплодно, а вот привлечь экономическую географию можно, что впрочем, уже давно делают все историки. Политические образования, в частном

случае – государства, для устойчивости и процветания нуждались не в единообразном, а разнообразном хозяйстве, где разные экономические провинции дополняли бы друг друга. Плантагенеты крепко держались тогда, когда у них была овечья шерсть из северной Англии, хлеб из Кента и Нормандии, вино из Оверни, ткани из Тулузы. Экономические связи вели к оживленному общению, но слияния населения этих стран не возникало. Почему? Для ответа рассмотрим третий аспект – этнический.

Интересующая нас территория включает три ландшафтные зоны: субтропическую – на юге Франции, лесную – северная Франция и южная Англия и суббореальную – вересковые поля Шотландии и Нортумберленда. Каждый ландшафт заставляет людей, в него попадающих, приспособляться к его особенностям, и таким образом возникает общность, часто совпадающая с этнической. Например, кельты в низовьях Роны собирали виноград, попадавшие туда римские колонисты (I – IV вв.), воинственные бургунды (V в.), арабы (VII в.), каталонцы (XI в.) делали то же самое, и общность быта, определяемая общностью труда, нивелировала языки и нравы. В XII в. образовался единый народ из ныне разобщенных каталонцев, провансальцев и лигурийцев. Потребовалась истребительная Альбигойская война, чтобы разорвать это единство, но вплоть до XIX в. южные французы говорили на провансальском языке (патуа), не знали французского и считали себя отдельным от французов народом.

Норвежские рыбаки, попав в Нормандию, за два поколения превратились в земледельцев-французов, сохранив лишь антропологический тип. Те же норвежцы в долине Твида стали овцеводами – шотландцами-лоулендерами, но они не проникли в горы северной Шотландии, где кельты – шотландцы-гайлендеры сохранили клановый строй. Не для политических и экономических, а для этнических границ оказался решающим фактором ландшафт, включая рельеф.

Что же касается северной половины Франции, ее сердца, то здесь ландшафт, путем конвергентного развития, переработал огромное количество народов, приходивших с востока и с юго-запада. Бельги, аквитаны и кельты – в древности, латиняне и германцы – в начале н. э., франки, бургунды, аланы, бритты – в начале средневековья, английские, итальянские, испанские и голландские иммигранты эпохи Реформации и т. д. – все они слились в однородную массу французских крестьян, блестяще описанных не столько этнографами, сколько Бальзаком, Золя и другими писателями-реалистами. И. Г. Эренбург, устами своего героя – французского школьного учителя, определяет их так: «Это не люди, это злаки», чем, незаметно для себя, формулирует влияние ландшафта на этнос, в аспекте физической географии.

С этой точки зрения Париж должен рассматриваться как антропогенное урочище в лесной ландшафтной зоне с ускоренным ритмом развития, ибо современный облик этого микрорайона отличается и от средневекового домена Капетингов, и от римской Лютеции. Но ведь и непроточное озеро, мелея, быстро превращается в болото, тогда как окружающий его лес за это же время не меняется. Разница между антропогенными и гидрогенными элементами ландшафта, в аспекте естествознания, не принципиальна.

Сложнее проблема этногенеза. Племена, заселившие Францию, в моменты своего появления на территории между Рейном и Бискайским заливом были столь различны по языку, нравам, традициям, что Огюстен Тьерри предложил племенную концепцию сложения современной Франции и был прав. Но также прав был Фюстель де Куланж, усматривавший в быте французских крестьян черты институтов римской эпохи. Первый отметил характер миграций, второй – влияние ландшафта. Но как характер миграций в целом, так и степень адаптации могут и должны рассматриваться как явления, относящиеся к географической науке, тому ее разделу, который именуется этнология, ибо именно здесь смыкаются человечество с географической средой и влияют друг на друга. Итак, этническая среда является индикатором изменений природных условий, причем настолько чутким, что, при надлежащем подходе, делать на этом материале палеогеографические выводы закономерно и целесообразно.

Приспособившись к условиям определенного ландшафта, народ при переселении или расселении ищет себе область, соответствующую его хозяйственным навыкам и привычкам. Так, угры рассеялись по лесам, тюрки и монголы – по степям, русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизовали земли с умеренным климатом, а арабы и испанцы – с жарким. Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска. Характер культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом, через его экономические возможности.

Что же касается этногенеза, то здесь обязательным условием является сочетание двух и более ландшафтов. Упомянутые нами страны Западной Европы представляют редкое сочетание микроландшафтных областей. Благодаря этому, этногенез в Европе проходил часто, и поэтому создалась абберация, что происхождение новых народов – явление обычное. На самом же деле, столь благоприятные географические условия являются скорее исключением, хотя встречаются и в других частях света [\[прим. 14\]](#). Проверим наш тезис на конкретном материале.

В Средней Азии этногенез шел столь медленно, что почти неуловим (за пределами допуска). Это объясняется тем, что резкой границы степи и

оазисов не было; их разделяла полоса пустынь, легко проходимая вооруженными грабителями с обеих сторон, но малопригодная для жизни. Уже отмечено, что народы, населяющие сплошные степи, пусть даже очень богатые, обнаруживают чрезвычайно малые возможности развития. Например, саки, печенеги, кипчаки, туркмены, за исключением той их части, которая под названием сельджуков ушла в Малую Азию и Азербайджан в XI в., и в этническом и в социальном плане стабильны.

Левант, или Ближний Восток, – сочетание моря, гор, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где имеются природные условия, подходящие для изолятов. Таковы, например, курды, отстоявшие свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Исключение, которое подтверждает правило.

Индия, окруженная морем и горами, может рассматриваться как полуостров, но, в отличие от Европы, она в ландшафтном отношении беднее. Ландшафты Деккана типологически близки между собою, и процессы этногенеза, т. е. появления новых этносов, за историческое время там выражены слабо. Зато в северо-западной Индии сформировались два крупных народа: раджпуты [\[82, стр. 113 – 114\]](#), около VIII в., и сикхи в XVI – XVII вв. Казалось бы, что пустыни Раджастана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем богатая, покрытая лесами, долина Ганга. Однако здесь отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности в долине Инда и, хотя культура расцвела во внутренней Индии, образование новых народов связано с пограничными областями.

Равным образом довольно интенсивно шли процессы народообразования в бассейне нижней Нарбады, где джунгли северной Индии смыкаются с травянистыми равнинами Декана – Махараштра. В VI в. здесь активизировалось Чалукья, племя кшатриев, может быть переселившихся из Раджпутаны [\[82, стр. 106 – 107\]](#), а в XVII в. маратхи, отказавшись от ряда стеснений кастовой системы, образовали народ, оспаривавший господство над Индией у Великих Моголов. Отличие маратхов от общей массы индусов отмечают все историки Индии.

Страна маратхов – сочетание трех физико-географических районов: прибрежной полосы между Западными Гхатами и морем, гористой страны восточнее Гхатов и черноземной долины, ограниченной цепями холмов [\[82, стр. 256\]](#). Имеются все основания, чтобы причислить эту область к той категории, которую мы называем месторазвитием, несмотря на то, что культура Бенгалии была несравненно выше.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако и там были районы, где

индейские племена складывались в народы на глазах историка. На изрезанной береговой линии Великих Озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в состав ирокезов не вошли гуроны, родственные им по крови и языку.

На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищами моржей и тюленей и море кормит береговых жителей, тлинкиты создали рабовладельческое общество, резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку, и по обычаям.

Кордильеры в большей части круто обрываются в прерию и горный ландшафт соседствует но не сочетается со степным. Однако на юге, в штате Нью-Мехико, где имеется

плавный переход между этими ландшафтами, в древности возникла культура «пуэбло», а около XII в. здесь сложилась группа *нагуа*, к которой принадлежали прославленные племена *апахов*, *навахов* и *ацтеков*. Большая часть континента, также населенная *индейцами*, была своего рода *hinterland'ом*, территорией, куда отступали или где распространялись народы, сложившиеся в месторазвитиях. Таковы, например, *черноногие*, народ *алгонкинской группы* и многие другие племена.

Еще отчетливее видна эта закономерность на примере *Южной Америки*. *Нагорья Андов*, сочетание горного и степного ландшафтов, хранят в себе памятники культуры, созданные многими народами в разные века, а в лесах *Бразилии* и равнинах *Аргентины*, вопреки надеждам капитана *Фоссета*^[83], никаких культур не сложилось и, как мы видим на многочисленных примерах, не могло сложиться, так как природа этих стран однообразна, что, впрочем, не мешало и никогда не мешало использовать ее богатства народам, возникшим в других местах. В *Патагонию* проникли горцы – *арауканы*; *бразильские леса* в XV в. пытались освоить *инки*, а в XIX в. там сказочно разбогатели *португальцы*.

Ту же закономерность мы обнаружили в *Африке* и *Австралии*, но целесообразнее сосредоточить внимание на народах, связанных с морем, чтобы отметить их локальные особенности.

Роль моря, в зависимости от характера береговой линии и уровня цивилизации береговых жителей, может быть двоякой. Море – ограничивающий элемент ландшафта, когда оно не освоено и непроходимо. Таков был *Атлантический океан* для *американских индейцев*, *Индийский океан* – для *негров* и *аборигенов Австралии* и даже *Каспий* – для *печенегов*. Зато, когда из моря начинают черпать пищу и осваивают навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так, *эллины* использовали *Эгейское море*, *викинги* – *Северное*, *арабы* – *Красное*, а

русские поморы – Белое. К XIX в. почти все моря и океаны вошли в состав ойкумены, но надо учитывать, что это характерно не для всех эпох.

На протяжении исторического периода можно зафиксировать два этнокультурных ареала, где море является составной частью месторазвития: *циркумполярные культуры на берегах Ледовитого океана и Полинезия*, о которой написано так много, что нет необходимости повторяться. Достаточно напомнить, что, несмотря на отсутствие металла и керамики, *полинезийская культура* вмещала до прихода *европейцев* разнообразные этнические образования, которые, даже на таком изолированном участке суши как *о. Пасхи*, боролись между собою и создавали свои культуры, хотя довольно близкие по характеру.

Менее известна история *циркумполярных народов*. Некогда цепь сходных культур окружала *Ледовитый океан*, который являлся их кормильцем. В основном это были охотники на морского зверя и ихтиофаги. В начале н. э. в тундру вторглись *угро-самоеды*, истребившие местные племена. Затем *тунгусы* уничтожили восточную их часть, за исключением *палеоазиатов* и народа *омок* на *Яме* и *Индигирке*, последних ассимилировали *якуты*. Движение с юга на север было односторонне и необратимо, так как плыли на плотах по рекам и вернуться против течения не могли^[84].

Самым молодым *циркумполярным народом* были *эскимосы*, распространившиеся около VI в. н. э. из Океании и в X в. отогнавшие *индейцев* до южной границы *Канады* и сбросившие *викингов* в *Гренландии* в море^[85, стр. 113]. Тут опять-таки сочетание ландшафтов: кормящее море и лесотундра.

Теперь мы можем сформулировать вывод из сделанного анализа: **однородный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.**

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятным условием? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они как постоянно действующие вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам: социологии и антропологии, объединять которые в единую географию не предлагает сам В.А.Анучин.

Разумеется, ответ на вопрос В.А.Анучина, данный в этой статье, не мог быть исчерпывающим. Новая научная дисциплина требует разработки

специальной методики, разбора проблем устойчивости и изменчивости этнических сообществ, общих принципов этногенеза, механизма физико-географических и биологических воздействий на этнические сообщества, и прежде всего дефиниции самого понятия «этнос». Этим вопросам посвящены специальные исследования, проводимые в стенах Географического общества путем интерпретации накопленного, но до сих пор не систематизированного материала. Предлагаемые решения могут казаться и быть спорными, требовать поправок и уточнений, но преимущество принятого нами пути в том, что не возникает потребности в ломке уже существующей классификации наук, которая пока дает блестящие результаты. Если же встать на путь интеграции наук, то, согласно принципам диалектики (закону отрицания отрицания), следующей степенью развития науки будет дезинтеграция, т. е. смешение и хаос, что не представляется желательным.

В заключение следует отметить, что бесспорно правильно утверждение Д.Л.Арманда: **«Давайте не будем говорить жалкие слова, оплакивать гибель ныне здравствующих наук и искать причины недостатков там, где их наверняка быть не может»**^[86]. Уже сам факт новой постановки вопроса В.А.Анучиным и дискуссии, затронувшей такое количество теоретических и практических проблем, показывает, что творческие силы в советской географической науке огромны. Если бы дискуссии такого же размаха были возможны в филологии, археологии, источниковедении и историографии, то лучшего бы и желать не приходилось. А ведь и там назрели проблемы, требующие пересмотра. Для ученого, приходящего в географию из любой смежной области знаний, открываются такие широкие научные перспективы, что пессимизм В.А.Анучина и С.Г.Саушкина неоправдан.

Об антропогенном факторе ландшафтообразования (Ландшафт и этнос: VII)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1967. - N 24. вып. 4. - С. 102-112.

Вопрос о значении деятельности человека при образовании позднеголоценовых ландшафтов приобрел при обсуждении тезиса «единой географии» остроту, но не ясность. Поэтому, не входя в детали истории вопроса, попробуем подойти к проблеме с другой стороны, используя имеющийся в нашем распоряжении материал.

С. В. Калесник отметил, что «на земном шаре к настоящему времени почти не осталось ландшафтов, не затронутых воздействием человеческого общества» [\[53, стр. 424 – 425\]](#). Вместе с тем он указал на то, что существуют «различия в целях, степени и характере воздействия человека на его природное окружение» [\[53, стр. 410\]](#), и этим открыл перспективы для дальнейшей разработки темы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благодетельны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

Бесспорно, что ландшафт и рельеф промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднениями. Земледельческая культура майя в Юкатане была создана в V в. до н. э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при владычестве Испании, несмотря на внесение европейской техники (железных орудий) и покровительства крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесла, не говоря уже о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, а в Европе преобразался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в. – прорытие Суэцкого канала – связано с проникновением туда европейских народов – французов и

англичан, а не деятельностью аборигенов-феллахов, несмотря на то, что именно они вложили туда свою физическую силу.

В Англии XVIII в. (по Томасу Мору) «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, – а в Монголии XIII – XIX вв. овцы съели тунгусов-охотников, живущих на южных склонах Саян, Хамар-дабана и на севере Большого Хингана, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившую пищей и питьем для диких копытных [14]. Число последних уменьшалось, а вместе с тем охотничьи племена лишались привычной пищи, слабели, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и исчезали с этнографической карты Азии. Еще примеры. Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожили члены капиталистического общества, а птицу моа, в Новой Зеландии – полинезийцы, не знавшие еще классового расслоения; они же привезли на свои острова из Америки картофель, а в России для той же цели понадобилась вся военно-бюрократическая машина императрицы Екатерины II.

Отсюда следует, что искомая закономерность лежит в другой плоскости.

Интересная схема для классификации явлений, относящихся к соотношению человечества и географической среды, предложена Ю. К. Ефремовым. Он вводит новый термин – «социосфера», подменяющий не совсем удачный термин В. И. Вернадского «ноосфера», так как «вряд ли стоит относить к сфере разума (*nous*) хищническое опустошение природных богатств или обезображивание ландшафта войнами». По мысли автора, «социосфера состоит из сферы культурного ландшафта и самого человечества», а масса живого вещества, организованная в человеческие организмы, называется «антропосферой». Отношения антропосферы с внешней средой составляют предмет экологии человека. Свое понимание места человечества в природе Ю. К. Ефремов называет «биосоциальным» [87, стр. 49 – 53].

Концепция Ю. К. Ефремова несравненно тоньше и изящнее «единой географии», пытающейся суммировать и подменить собою частные географические дисциплины [88], [78], [89]. Однако не каждое сочетание наук обязательно оказывается плодотворным, и предложенное Ю. К. Ефремовым непосредственное соединение биологии с социологией нуждается в уточнении и дополнении по двум линиям.

Во-первых, социальные закономерности изучались давно, и характер их установлен историческим материализмом: это спонтанное прогрессивное развитие по спирали. Именно потому, что это *саморазвитие* нельзя считать его функцией экзогенных факторов, а можно только говорить о взаимодействии двух самостоятельных линий развития: социальной и натуральной.

Во-вторых, антропосфера – понятие слишком аморфное. В отличие от других млекопитающих, имеющих свои точно очерченные ареалы, человек наделен такой способностью к адаптации, что населил всю поверхность суши, исключая Антарктиду. Следовательно, единой среды и, соответственно, общей экологии для вида нет. Затем, нельзя считать, что с природой сходно взаимодействуют, скажем, все рабовладельческие или все феодальные общества. Да и сама принадлежность к той или иной формации определяется способом производства, а не характером приспособления к ландшафту. Искомое соотношение человека с природой осуществляется постоянно, но коллективами иного порядка – этносами, или народностями. Каждый этнос устанавливает своеобразные отношения с географической средой и ландшафтной сферой своего ареала и, с одной стороны, участвует в прогрессивном общественном развитии человечества, с другой – поддерживает контакт с природой. Диапазон этнических вариаций (например, от бушмена до швейцарца) настолько велик, что учитывать этническую поправку для экологии человека необходимо. Без этого анализ не будет плодотворным. А коль это так, то мы констатируем наличие самостоятельного ландшафтогенного явления, до сих пор не принимавшегося в расчет. Наша задача – показать, что без учета этого явления проблема взаимоотношений человека с природой не может быть решена.

В отличие от советской науки, в Западной Европе и Америке неоднократно делались попытки прямых сопоставлений социальных и природных явлений. Таковы, например, теория «культурных кругов» Ф. Ратцеля, биологический социологизм Герберта Спенсера, где общество уподобляется организму, и, наконец, парадоксальные выводы Хентингтона о непосредственном влиянии метеорологических явлений на ход исторических событий. Но для иллюстрации поставленного нами тезиса достаточно проанализировать самую новую, ныне бытующую концепцию, построенную на возможно полном использовании историко-географического материала; мы имеем в виду опыт совмещения социальных и географических закономерностей, сделанный недавно знаменитым английским историком Арнольдом Тойнби, концепция которого получила широкое распространение в Западной Европе и Америке [\[90\]](#).

Исследуя историю народов всей ойкумены, А. Тойнби устанавливает наличие целостностей, которые он называет «обществами» или «цивилизациями». Всего цивилизаций 21, и они занимают 16 регионов; следовательно, в некоторых случаях допускается, что на одной территории возникли последовательно 2 – 3 цивилизации, которые в таком случае именуются «дочерними». Таковы, например, шумерийская и вавилонская цивилизации в Месопотамии, минойская, эллинская и главная ветвь ортодоксально-христианской (т. е. византийской) на Балканском полуострове, индская (древняя) и индусская (средневековая) в Индостане и т. п. Кроме того, он выделяет в особый раздел «абортивные» цивилизации, куда попадают ирландцы, скандинавы, центрально-азиатские несториане и «задержанные», в числе которых почему-то оказались эскимосы, османы, кочевники Евразии, спартанцы и полинезийцы.

Все прочие общества А. Тойнби зачисляет в разряд «примитивных», не развивающихся. Согласно взглядам А. Тойнби, развитие осуществляется через мимесис, или подражание, которое является родовой особенностью всей социальной жизни. В «цивилизациях» массы подражают творческим личностям, чем обусловлены изменения общественной жизни и культуры, а в «примитивных» мимесис направлен в сторону подражания старшим или умершим предкам, что делает эти общества статичными. Таковы были все общества глубокой древности, до возникновения «цивилизаций». Поэтому главной проблемой истории является отыскание фактора, вызвавшего переход человеческих обществ из статического в динамическое состояние. А. Тойнби отвергает две концепции: расизм и влияние благоприятных географических условий и предлагает свою, оригинальную: «Человек, – пишет он, – достигает цивилизации не в результате высшего биологического дарования (наследственность) или географического окружения (имеются в виду легкие условия для жизни), но в качестве *ответа* на *вызов* в ситуации особой трудности, которая воодушевляет его сделать беспрецедентное до сих пор усилие» [\[90, стр. 510\]](#). Иными словами, талантливость рассматривается как реактивное состояние, в связи с чем одна из глав (VI) носит название «Достоинства несчастья».

Что же это за *вызовы*? Чаще всего неблагоприятные природные условия. Например, в дельте Нила было в древности болото, и предки египтян решили его осушить. На Юкатане был тропический лес, и майя стали бороться с ним. Вокруг Греции плескались лазурные волны моря, и эллины побеждали их вызов. В России *вызовом* оказались леса и морозы; очевидно, англичанину представлялось страшным и то и другое, от чего мы отнюдь не страдаем. И дальше в этом роде.

Вторая группа *вызовов* – нападения иноземцев, которые, по мнению А. Тойнби, тоже стимулируют развитие цивилизаций. И, наконец, третья группа – гниение предшествовавших цивилизаций, с которыми надо бороться. Например, развал эллино-римской цивилизации вызвал к жизни и византийскую и западноевропейскую как *реакцию на безобразие*, коему предавались выродившиеся греки.

Ну, с чем здесь можно согласиться? С классификацией истории на 21 цивилизацию в 16 регионах? Нет! Ведь у А. Тойнби в один раздел попадают Византийская и Турецкая империи только потому, что они лежали на одной территории. Наследниками «Сирийской цивилизации», начавшейся до 1100 г. до н. э., т. е. в эпоху образования Иудейского царства, объявлены Ахеменидская империя и Арабский халифат, хотя между этими могучими государственными образованиями не было ничего общего, кроме территории, да и то не полностью. Зато Шумер и Вавилон зачислены в разные цивилизации. Короче говоря, тут произвол автора является руководящим принципом классификации. Говоря об «абортивных цивилизациях», А. Тойнби нелогично помещает туда ирландцев и несториан, хотя те и другие были периферией византийской (по его выражению «ортодоксально-христианской») цивилизации. Что же касается того, что цивилизация кочевников оказалась задержанной потому, что «господство над степью требует от кочевников так много энергии, что сверх этого ничего не остается» [\[90, стр. 167 – 169\]](#), то и это противоречит фактам. Кочевая культура как раз заслуживает того, чтобы быть отнесенной в разряд «абортивных», так как за 2000 лет четыре раза обрывалась под ударами соседей: китайцев, енисейских кыргызов и маньчжуров. При проверке – все наоборот.

Верно, что есть много мелких, неразвивающихся народов, но вовсе не потому, что они не способны усваивать что-либо ценное. Тунгусы и чукчи освоили спички, ружья и даже подвесные моторы. Очевидно причина их стабильности не в направлении мимесиса, а в чем-то другом. Конечно, расизм – не научная концепция, но ничуть не логичнее построение А. Тойнби, по которому гении и герои появляются тогда, когда возникают какие-нибудь неприятности. Говоря о *вызове* иноземного нашествия, А. Тойнби приводит как пример Австрию, которая будто бы потому перегнала Баварию и другие немецкие герцогства, что на нее напали турки [\[90, стр. 119\]](#). Как известно, турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, и эти три общества ответили на их *вызов* капитуляцией. Австрию же отстояли от турок гусары Яна Собесского, которых турки в тот момент не вызывали. Приведенный пример говорит не в пользу концепции, а против нее.

И самое для нас важное – соотношение человека с ландшафтом – концепцией А. Тойнби запутано, а не решено. Его тезис, что суровая природа стимулирует человека к активности, с одной стороны, – вариант географического детерминизма, а с другой – просто неверен, потому что тогда центр, скажем, русской цивилизации должен был бы помещаться если не на Таймыре, где условия тяжеловаты, то в степях или лесах Заволжья, а не около Киева. Затем, если море, омывающее Грецию или Скандинавию, является *вызовом*, то почему греки давали на него ответ только в VIII – V вв. до н. э., а скандинавы – в IX – XIII вв. н. э.? А во все остальные эпохи не было ни победоносных эллинов, ни грозных викингов, а были ловцы губок или селедки. Видимо, дело тут не только в наличии моря.

Наконец, проверим концепцию преобразования природы. Шумерийцы и аккадские семиты сделали из Двуречья Эдем, а арабы все так запустили, что там теперь опять болото. Чего же арабы не ответили на *вызов* Тигра и Ефрата? Это не объясняется и не может быть объяснено с точки зрения, принятой А. Тойнби. А ведь его концепция – пример наиболее разработанной социо-географической системы, оснащенной историческим материалом в 10 томах, обработанным в избранной автором проекции. Очевидно, в такой постановке вопроса чего-то не хватает, и действительно, начисто выпала проблема этнического своеобразия, вследствие чего слияние двух несоединимых наук породило даже не мула, хоть бесплодного, но работающего, а чудовище, явно нежизнеспособное, вроде мифического грифона. По-видимому, любые попытки двигаться этим путем не могут принести научных результатов.

Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на нее разные народы на разных стадиях своего развития? Этим мы вводим посредствующее звено, которого до сих пор не хватало. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ да еще в каждую эпоху своего существования влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно, и, отказавшись от заведомо неверных выводов, мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а, следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых фактов, что в гуманитарных науках не получило еще должного применения. Поэтому, говоря о народностях (этнусах) в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от основ этнической классификации, принятой в гуманитарных науках – расовой, общественной, материальной культуры,

религии и т. п., – мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть явление биоценоза, под которым понимается «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования» [\[53, стр. 359\]](#). Следовательно, люди также входят в биоценозы населяемых ими биохоров.

Биоценоз – образование устойчивое, формы, его составляющие, связаны воедино «цепью питания», т. е. одни виды питаются другими. «Цепь питания» обычно заканчивается крупным хищником или человеком. Характерной особенностью биоценозов является постоянная соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и грызунов, а последние лимитируются количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако это не всегда так. Есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биохорах. По сравнению с этими мелкими народностями, или иногда просто племенами, современные и исторические цивилизованные этносы – левиафаны, но их мало и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию:

1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении. Этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. Лишайники, т. е. симбиоз водоросли с грибом, существуют с кембрия, тараканы и стрекозы – с карбона, крокодилы – с триасового, а муравьи и термиты – с мелового периода [\[91, стр. 269, 285\]](#). В зоологии эти виды называются персистентами, и нет никаких оснований не применить этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития культуры;

2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биохора и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте физической географии называется сукцессией [\[53, стр. 362\]](#).

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе и к ряду других закономерностей. Приведем несколько примеров.

Большинство североамериканских индейцев Канады в области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Число людей в племенах определялось количеством оленей и бизонов, и для ограничения естественного прироста нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн не был захват

территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание. Цель была только убийство ради убийства. Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит, избавиться от соперника. Это не были войны в нашем смысле, это была внутривидовая борьба, поддерживавшая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы-пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменял маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост населения, предоставляя болезням уносить слабых детей, и тщательно воспитывали крепких, которые потом гибли в стычках с навахами и апахами. Вот и способ хозяйства иной, а отношение к природе то же самое! Остается только непонятным, почему навахи не переняли у индейцев-пуэбло навыков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактику сокрушительных набегов.

Впрочем, двоюродные братья апахов и навахов – ацтеки, принадлежащие к той же группе нагуа, с XI по XIV в. переселились в Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственное озеро (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль – насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу, в то время когда апахи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличался от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения – валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам [\[92, стр. 146 – 163\]](#). Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не мешали, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен – тлинкиты, а также алеуты – практиковали рабовладение и работорговлю в широких

размерах. Рабы составляли до трети населения северо-западной Америки и некоторые тлинкитские богачи имели до 30 – 40 рабов. Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами [\[92, стр. 238 – 239\]](#). Но при всем этом тлинкиты, были типичным охотничьим племенем, т. е., по нашей классификации, относились к разряду консервативных, статических этносов.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов. Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привезли лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия привела лишь к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. Казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство, изменение природы также не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть ненадолго, возникали поля проса. Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении, по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном, оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия на природу земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников к второму разряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов, несмотря на то, что классовые отношения у последних были развиты несравненно больше. Как бы парадоксальны ни представлялись на первый взгляд эти выводы, но, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока

оставим в стороне, потому что нашей задачей является поиск закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

Согласно исследованиям Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии [\[93, стр. 44\]](#). Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных – слонов, гиппопотамов, газелей, диких быков, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары и даже Аравии, выполнены представителями современного человека, вида *homo sapiens* [\[93, стр. 47\]](#). Постепенное усыхание Сахары, связанное с перенесением направления циклонов на север, привело к тому, что древние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали предки пшеницы и ячменя [\[93, стр. 67\]](#). Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила [\[93, стр. 93\]](#). Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением, конечно, архитектурных сооружений: каналов, плотин, пирамид и храмов, являвшихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например создание знаменитого фаюмского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в феллахов, упорно поддерживавших биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Ефрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водяной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами [\[93, стр. 179 – 180\]](#). Эти работы произведены предками шумерийцев, которые были простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Они еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения [\[93, стр. 191 – 192\]](#), но видоизменили

ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. В долине Инда в III тыс. до н. э. существовала доарийская цивилизация [\[94, стр. 281\]](#), похожая на древнеегипетскую и шумерийскую. Однако в Индии строители городов Мохенджо-даро и Хараппы были разделены на классы, возможно, связанные с расовой принадлежностью. В самом низу социальной лестницы находился примитивный «австралоидный» тип аборигенов южной Индии, выше – длинноголовый средиземноморский тип, близкий к шумерийцам, наверху – брахицефальный альпийский тип [\[94, стр. 265\]](#). Вот пример того, что и народность, находящаяся на стадии классового общества, способна производить переустройство своей местности.

Итак, во всех описанных нами явлениях есть общая черточка: способность этноса иногда производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены – другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только поддерживается, а когда эта способность исчезает, восстанавливается этно-ландшафтное равновесие, т. е. биоценоз данного биохора. Это бывает всегда и везде, независимо, от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности, созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор не учтенное явление: изменение природы не результат постоянного воздействия народов на нее, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т. е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

Проверим наш вывод на материале древней Европы. На рубеже I и II тыс. до н. э. Западную Европу захватили и населили воинственные народы, умевшие ковать железо, – кельты, латины, ахейцы и др. Они создали множество мелких земледельческих общин и, обработав девственную почву, видоизменили ландшафт. Почти тысячу лет в Европе не возникало больших государств, потому что каждое племя умело постоять за себя, и завоевание было делом трудным и невыгодным: племена скорее давали себя перебить, чем соглашались подчиниться. Достаточно вспомнить, что ни Спарта, ни Афины не могли добиться власти над Элладой, а латинские и самнитские войны Рима проходили более тяжело, чем все последующие завоевания. В первую половину I тыс. парцеллярное земледелие с интенсивной обработкой участков было институтом, поддерживающим созданный культурный ландшафт. В конце I тыс. парцеллы вытесняются латифундиями, где отношение к природе становится хищническим и

одновременно возникает возможность завоеваний. Принято думать, что Рим покорил Средиземноморье и Западную Европу потому, что он почему-то усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было, а параллельно с экспансией Рима шло превращение полей сначала в пастбища, потом в пустыни и, наконец, к V-VI вв. восстановились естественные ландшафты – леса и заросли кустарников. Тогда сократилась численность населения, и Римская империя пришла в упадок. Весь цикл преобразования ландшафта и этногенеза от сложения этносов до полной их нивеляции занял около 1500 лет.

В данном частном случае вымирание римского народа совпало со сменой формаций, но это совпадение случайно. В восточной половине Римской империи, где социальный кризис был таким же, как и в западной, сокращение населения в V – VI вв. не имело места, потому что этнический фон был другим, и этногенез шел иным путем.

Новый подъем деятельности человека и одновременно образования средневековых наций произошел в IX-X вв. и не закончен. Возможно, что для объяснения особенностей этого периода следует внести дополнительные коррективы в связи с небывалым развитием науки, но этот вопрос следует изучить особо, ибо сейчас нас интересует правило, а не исключения из него.

Вернемся к индейцам и народам Сибири, потому что мы, наконец, можем ответить на поставленный выше вопрос: почему охотники и земледельцы существуют рядом, не заимствуя друг у друга полезных навыков труда и быта? Ответ напрашивается сам: очевидно, некогда предки тех и других пережили периоды освоения ландшафта и видоизменили его по-разному; потомки же, сохраняя созданный предками статус, влечат на себе наследие прошлых эпох в виде традиции, которую не умеют и не хотят сломать. И даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали именно свой образ жизни, хотя, отбросив его, имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть.

С другой стороны, ацтеки, находившиеся в состоянии, которое мы выше охарактеризовали как творческое, не только пережили ужасный разгром, но нашли в себе силы, чтобы ассимилировать часть завоевателей, и 300 лет спустя свергли испанское господство и основали республику Мексику, где индейский элемент играет первую роль. Конечно, соратники Хуареца не были копией сподвижников Монтезумы, но еще меньше походили они на солдат Кортеса. Мексиканцы – молодой народ, этногенез которого проходил на глазах историков.

Суммируя все наблюдения, приведенные выше, можно сказать, что этногенез, т. е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходит на поверхности земли то тут, то там, своего рода толчками, после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой.

И вот мы подошли к цели нашего исследования – реальному принципу классификации антропогенных факторов ландшафтообразования. Оказывается, он лежит не на поверхности явления, среди необозримого этнографического многообразия, а в глубине, разделяя состояния этноса: творческое, т. е. динамическое, инертное, или историческое, и стабильное, т. е. персистентное, при котором этнос входит в биоценоз. Эти состояния различаются между собой только способностью к сверхнапряжениям, причем в третьем варианте она равна нулю.

Переведем наше обобщение на язык смежных научных дисциплин, причастных к исследуемой проблеме.

В плане социологии исторического материализма момент творческой динамики этноса соответствует моменту смены одного способа производства другим, т. е. происходит скачок при переходе количества в качество. Это явление описано исчерпывающе, и мы только обнаружили, как оно проявляется в аспекте ландшафтообразования.

В плане зоогеографии – это антропогенная сукцессия, затухающая вследствие сопротивления среды.

В плане геоморфологии – это рельефные микроизменения, где развалины городов можно рассматривать как метаморфизованный антропогенный рельеф.

В плане генетики – это микромутация, появление нового признака, который в процессе эволюции утрачивается. Передача его от поколения к поколению происходит не столько физиологическим путем, сколько посредством «сигнальной наследственности» ^[95], видоизменение которой легко увязывается с фактором отрицательного отбора.

В плане истории культуры – это возникновение и утрата традиции, явление зафиксированное, но не объясненное.

Итак, с одной стороны, мы обнаружили глобальную закономерность, проявления которой неоднократно фиксировались представителями смежных областей знания, с другой – нашли место этнологии в классификации географических дисциплин. Она располагается на стыке многих наук как специальная область эмпириосинтеза.

Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос: VIII)

Публикуемая работа представляет собой опыт контакта двух, казалось бы, несовместимых наук восточной филологии и исторической географии. Б.И. Кузнецову принадлежит обнаружение карты, перевод, транскрипция тибетских названий и часть топонимических реконструкций; Л.Н. Гумилеву – интерпретация, датировка и другая часть топонимики, а также установление местоположения пунктов на современной основе. Идея «моста между науками» (по выражению Карла Бэра) дала возможность, с одной стороны, уяснить смысл древнего источника, с другой – расширила горизонты исторической географии и этнологии.

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". - 1969. - N 24. - С. 89-101. В соавторстве с Б.И. Кузнецовым

I.

Историческая география по самой своей природе вынуждена пользоваться не столько наблюдениями, сколько материалами, содержащимися в сочинениях древних авторов. Разумеется, строго критический подход к этому виду информации обязателен, но часто затруднен тем, что манера выражения древних географов представляется нам столь экзотичной, что не всегда удается отделить ошибочные представления, свойственные прошлым эпохам, от полноценной информации. Это касается не только описаний, но в еще большей степени картографического материала в необычной для нас проекции.

Научные представления у разных народов совпадают настолько, насколько они истинны, но система их подачи всегда разнообразна. Эта постоянная несхожесть является результатом одновременного и разнохарактерного этнического развития. Своеобразные культурные традиции имеют собственные нюансы терминологии и системы ассоциаций. Следовательно, буквальные переводы древних научных трактатов вводят в заблуждение современных ученых, не берущих поправки на способ выражения, принятый в иную эпоху.

Существующее в современной исторической географии представление о полном отсутствии связей эллинской науки с наукой стран Дальнего Востока в первые века до н.э. может быть пересмотрено. Эллины действительно плохо представляли себе расположение стран, находящихся к востоку от Памира, но, как оказывается, тибетские географы неплохо знали географию Ближнего Востока. В этом убеждает нас карта страны Шамбала. Эту страну до сих пор считали мифической. В Тибетско-шаншунском словаре приведена карта, на первый взгляд не имеющая отношения к географии [\[96, стр. 64\]](#). Однако некоторую часть названий удалось расшифровать и даже датировать комбинацию топонимов II веком до н.э. [\[97, стр. 49\]](#).

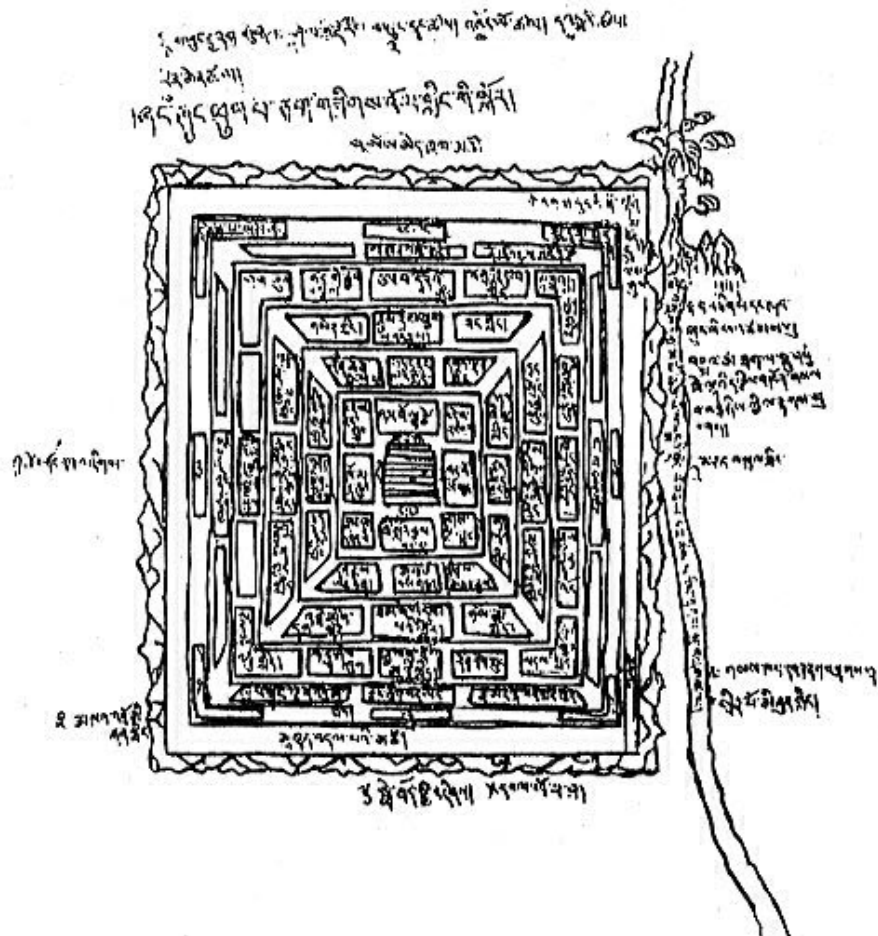

Рис. 1 – Факсимиле древнетибетской карты Ближнего Востока

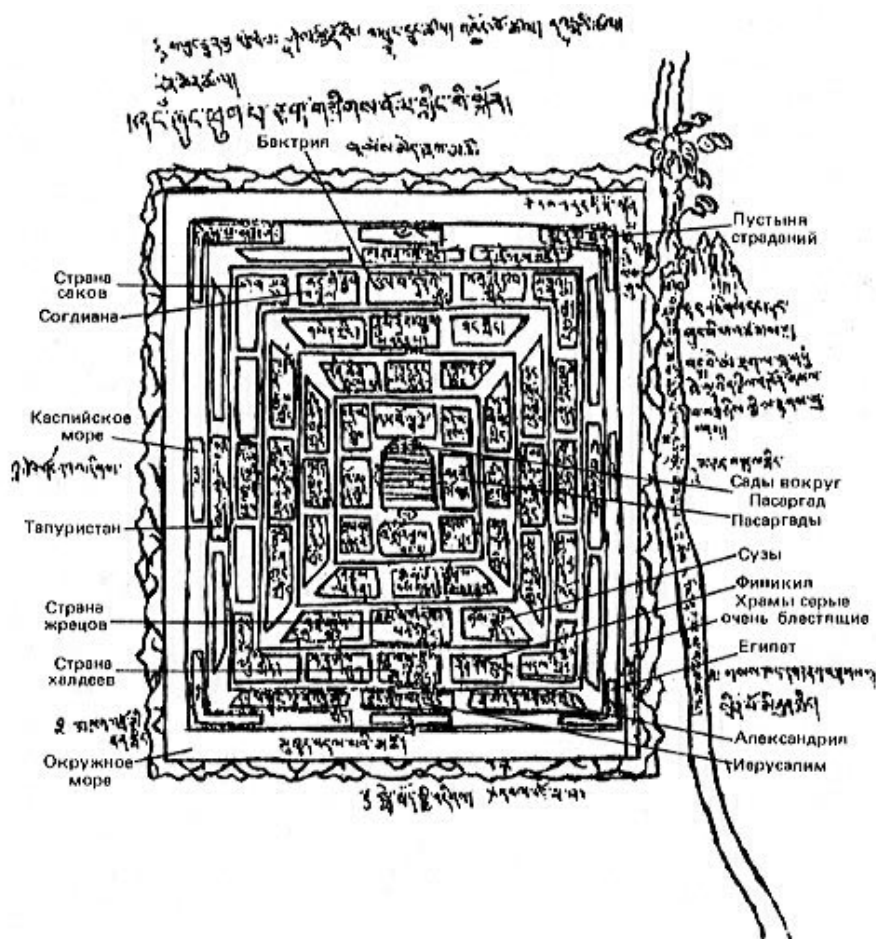

Рис. 2 – Частичная расшифровка карты на тибетской основе

На этой карте нам непривычно буквально все: расположение стран света, отсутствие масштаба, обобщенность контуров и топонимика. Однако именно благодаря последней удалось расшифровать и перевести географические названия и перенести их на привычную нам географическую карту Ближнего Востока, установив эпоху, на тибетской карте отраженную.

В центре карты находится город или, может быть, дворец, замок, словом, населенный пункт под названием Бар-по-со-ргйад. Это одна из столиц Персидской монархии – Пасаргады (греч.), или Парсогард (перс.). Этот город в 550 г. до н.э. стал резиденцией двух первых царей Персии – Кира Великого и Камбиза. Дарий перенес свой престол в Персеполис, основанный в 522 г. до н.э. На нашей карте Пасаргады – исходная точка для локализации. К западу от него помечена страна Хос, совпадающая по фонетике и географическому местоположению с эламским городом Сузы (Шушун). Это название дожило до нашего времени в топониме Хузистан. К западу от Сузианы был расположен Вавилон, и он действительно помечен на нашей карте, равно как и «Страна Гья-лаг-од-ма», что расшифровывается

как страна халдеев (Гья-лаг-од//калду//халдеи). В VII в. до н.э. халдеи, овладев Вавилоном, соперничали сначала с Ассирией и Мидией, а затем с Персией. Западнее помещались страна Пун, т.е. Финикия, и город Ланлин, который мы интерпретируем как Иерусалим. Из традиционной тибетской литературы известно, что это был главный город Палестины (Му-ле-стонг//Пелестем) [\[98, стр. 21\]](#).

Перечисленные отождествления еще не позволяют уточнить хронологию составления карты, так как они были известны в течение всего первого тысячелетия до нашей эры. Однако следующий пункт, город Несендры в «Стране демонов, крадущих людей», где имеются гробницы-храмы, «серые, сияющие», – это Египет и его столица Александрия, построенная в 331 г. до н.э. Следовательно, наша карта была составлена в эллинистическую эпоху, хотя наверняка не эллинами. Установив это, мы легко интерпретируем несколько названий на восточной части карты. На восток от Пасаргад лежит страна Абадара, хорошо известная нам как Бактрия, расположенная в современном Северном Афганистане. На юго-восток от Бактрии показана «Черная долина страданий», т.е. пустыня Белуджистана. Дальше к югу помечено море, т.е. в данном случае это будет Аравийский и Персидский заливы, по которым проплыл флот Александра.

Итак, знания составителя карты в основной части совпадают с кругом географических сведений, ставших доступными эллинской науке после похода Александра Македонского. В этой связи наше внимание привлекает страна с удивительным названием – «Ходящие по небу крадут людей». Расположенная между Белуджистаном и Бактрией, она может быть интерпретирована как Греко-Бактрийское царство, где колонисты-греки, базируясь на горные крепости, широко практиковали грабительские набеги на Индию и Иран и работорговлю. Это подтверждается еще и тем, что так же названа страна на крайнем северо-западе на берегу моря, т.е. Иония. Именно это название и закрепилось за греками в персидском и индийском языках (юнан, явана//ионяне).

Северная часть карты тоже в какой-то мере поддается расшифровке. Несомненно, что страна, названная «Свирепый род Мед», – это Мидия, по-персидски Мад. Несколько больше, чем полагалось бы, сдвинута на запад страна Ге-рга-йон-тан, очевидно, Гиркания. Но зато вполне на своем месте к северу от Бактрии обозначена «Страна Сак». Это дает уже возможность установить верхнюю дату. Между 154 и 114 гг. до н.э. саки прорвались через парфянские заградительные линии и захватили область в Восточном Иране, до сих пор сохранившую их название – Сакастана (Сеиستان). На нашей карте они помечены еще на своей прародине в южном Семиречье.

Итак, карта отражает период III-II в. до н.э. и, что особенно примечательно, не содержит никаких следов римского проникновения на восток. Этого не могло бы быть, если бы материалы, полученные тибетским географом, датировались хотя бы I в. до н.э., так как в 63 г. до н.э. легионы Помпея оккупировали Сирию и Палестину, а затем армия Красса в 54-53 гг. до н.э. вторглась в Месопотамию. Вместе с тем знакомство с римлянами подразумевало бы осведомленность восточных географов о существовании стран на западной окраине Средиземного моря. Поскольку ничего этого нет, датировка III-II вв. до н.э. является единственно возможной.

Но откуда могли получить тибетские географы столь специфическую информацию? Несомненно, не от греков, у которых были совершенно иные и менее точные сведения о географии Среднего Востока, хотя они гораздо лучше знали Передний Восток. По-видимому, информаторами тибетцев были персидские ученые раннепарфянской эпохи, сочинения которых в подлинниках не дошли до нашего времени. Об этом говорит ареал, представленный на нашей карте; помещение центра ойкумены в Пасаргадах, городе, тогда уже сильно разрушенном, но продолжавшем оставаться священным местом для ревнителей древних традиций Ирана, и вместе с тем отсутствие сведений об Элладе и Индии – странах, не входивших в Ахеменидскую монархию. Кроме того, в пользу нашей датировки имеется и прямое указание тибетского источника на то, что в древности географические познания вместе с религиозными были заимствованы из Ирана, откуда они попали в северо-западные районы Тибета, в так называемую страну Шаншун [\[99\]](#). Поэтому мы имеем право назвать данную картографическую традицию ирано-тибетской.

Для историка Азии этот вывод является парадоксом, потому что заселение долины Брахмапутры предками современных тибетцев произошло в первые века нашей эры, т.е. после составления исследуемой карты. Очевидно, как это утверждает и тибетская традиция, посредником между эпохами и народами была страна Шаншун (в северо-западном Тибете). Об этом народе мы знаем очень мало, но только его этнокультурные связи объясняют нам особенности дальневосточной картографической традиции, сохраненной в тибетских источниках.

II.

Перейдем к общему анализу карты, сделав несколько необходимых замечаний. К данной статье приложена фотокопия с оригинала тибетской карты, а также для удобства читателей ее копия, в которой каждое тибетское название нами заменено на определенный порядковый номер, под которым оно будет дано ниже.

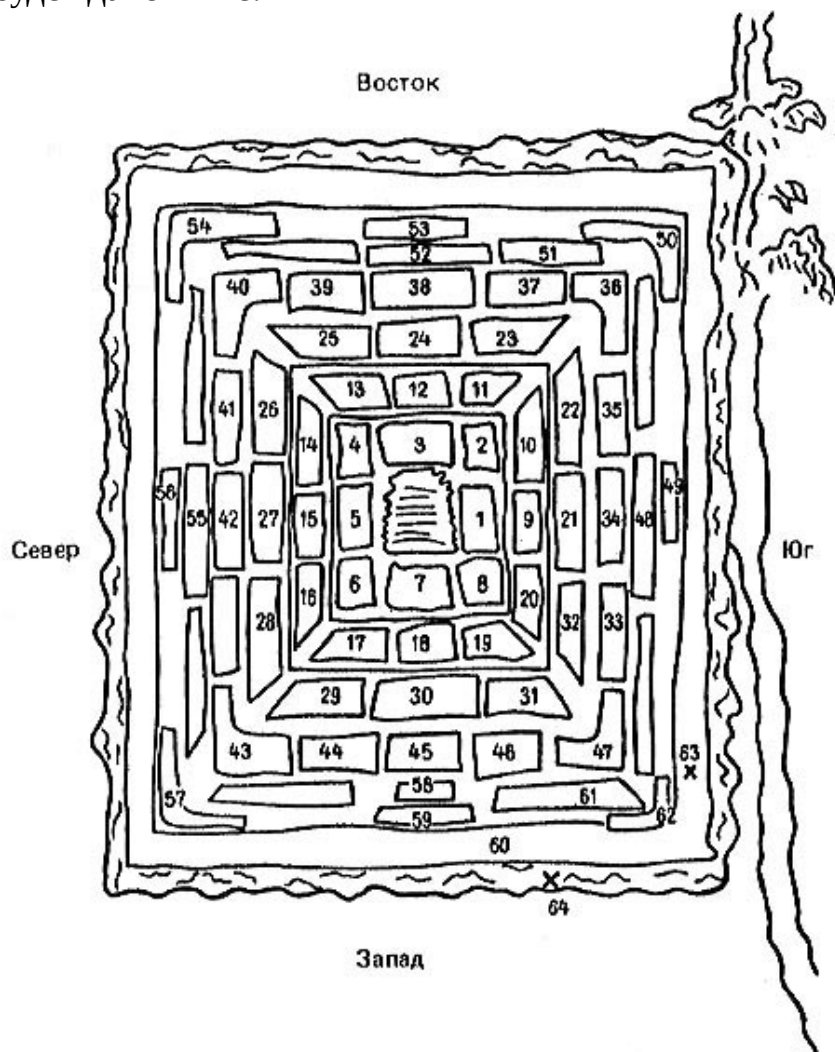

Рис. 3 – Прорисовка карты с заменой надписей на цифровые обозначения

На первом месте мы даем тибетские названия в транслитерации, в которой каждой тибетской букве соответствует латинская. При этом сочетания zh (Ш) и sh (Ш) соответствуют разным тибетским буквам, а n – соответствует русскому нь. Запятая перед тибетским словом имеет вспомогательное значение и на чтение не влияет. В древнем тибетском слова

писались почти так, как они произносились. Поэтому наша транслитерация почти совпадает с транскрипцией, т.е. до некоторой степени передает и древнее произношение. Тибетская система передачи иностранных названий и имен весьма сложна, и о всех тонкостях этого дела мы говорить не будем. Особо тяжелый случай, когда тибетцы переводят на тибетский язык неперебиваемое иностранное название. Кроме того, в тибетском языке строго ограниченное количество определенных слогов, поэтому передача иностранных названий с непривычными для тибетцев сочетаниями звуков, с нашей точки зрения, будет весьма приблизительной.

Затем надо обязательно помнить, что для тибетцев, как и для средневековых арабов, география была не только наукой практической, но и теоретической. Древние устаревшие сведения о мире спокойно уживались с новейшими. В тибетских географиях даже XIX в, можно найти не только Соединенные Штаты, Францию и другие современные страны, но также и страну Шамбала, народы Гог и Магог, причем последние, конечно, мыслятся как реально существующие. Поэтому исторических карт в нашем смысле, т.е. иллюстрирующих положение в строго определенную эпоху, в Тибете нет, а есть только закодированная информация. Это и является для нас датирующим признаком для *terminus post quem* (верхней даты), потому что сведения, полученные тибетской наукой после составления карты, на нее не попадают.

Условные обозначения

Рис.4 – Интерпретация древнетибетской карты на современной основе

Прокомментируем отмеченные на карте названия.

1. **Bar-po-so-brgyad** – Пасаргады. Достоверное описание этого города было сделано спутниками Александра Македонского, вступившего в древнюю персидскую столицу без боя. Историк Аристобул сообщает, что там располагалась гробница Кира Великого, представлявшая небольшую башню, скрытую в густой чаще деревьев: внизу башня была массивной, а наверху под крышей находился склеп с очень узким входом [48, стр. 677]. Страбон приводит еще два различающихся описания этой гробницы, к его времени разрушенной. Историк Онексерит, сопровождавший Александра в походе, утверждает, что башня была десятиэтажной, а Арист Саламинский, писатель более поздний, указывает, что она была большой и только двухэтажной [48, стр. 678]. Эти противоречия устраняются с помощью нашей карты. В центре ее изображена именно эта гробница, и видно, что в ней было десять этажей, которые отчетливо показаны чертежником. Кроме того, тибетская надпись выше заглавия является легендой именно к этой детали карты. Там перечислены следующие достопримечательности гробницы: 1) гора свастики, десятиэтажная [прим. 15]; 2) хрустальные столбы с надписями [прим. 16]; 3) сад свастики; 4) сад колеса, или круглый; 5) лotosовый сад [прим. 17], видимо, с прудом и водяными цветами; 6) драгоценный сад. Совпадение тибетского чертежа с эллинскими описаниями снимает возможное сомнение в древности и достоверности карты, а также в правильности нашего отождествления исходной точки исследования.

2. **Bde-ba-rang-grub** – место, расположенное немного восточнее Пасаргад. По-видимому, это смысловой перевод: «блаженство (покой) само создается», хотя первый слог совпадает с персидским словом «даб» – «пышность, великолепие». Очевидно, показаны дачные места персидских царей, память о которых еще хранилась во время македонского и парфянского господства.

3. **Sham-po-lha-rtse** – слово «шампо» значит «сириец», поэтому возможный перевод этого названия «сирийская небесная (божественная)

вершина». Очевидно, это святилище сирийских божеств для сирийцев, обслуживавших царский двор, а может быть, поселившихся в Иране при первых Селевкидах.

4. **Bde-ba-rang-grub** (см. 2).

5. **Kho-ma-ne-chung** – Карамания, которая, согласно Страбону, «„обширная область и во внутренней части страны простирается между Гедросией и Персидой, отклоняясь, впрочем, дальше Гедросии на север» [\[48, стр. 674\]](#). Это последнее обстоятельство отмечено на тибетской карте, что делает ее более точной, нежели современные исторические атласы, в которых Карамания помещена прямо на восток от Персиды. Впрочем, на карте походов Александра, приложенной к прекрасному переводу Арриана «Походы Александра», выполненного М.Е. Сергеевко [\[101\]](#), показан город Кармана с той же локализацией, что и на нашей карте.

6. **Rnam-dag-dkar-po** – ?

7. **'Khri-smon-rgyal-bshad**. Судя по локализации и слову «царский», это развалины Персеполя, разрушенного Александром из мести за сожжение Афин Ксерксом. Персидское название города не сохранилось, а описание его развалин см. у В. Бартольда [\[102, стр. 103\]](#), локализовавшего Персеполь в окрестностях современного Истахра, вблизи от гробниц персидских царей, ныне называемых Накш-и-Рустем.

8. **Thags(?) -me-ja-'nyung** – ?

9. **Chad-med-byang-chub**. Можно перевести как «Непрерывная чистота».

10. **'Dul-khrims-gling** в переводе «Страна законов, которые управляют», т.е. Персида, откуда велось управление империей Ахеменидов, а законы персидской монархии были переняты парфиянами.

11. **Dga-ldan-gling** – «Страна, обладающая радостью», или «Райская страна».

12. **Gyung-drung-bkod-gling** («Страна, в которой упорядочивают свастику (символ солнца)»). По-видимому, одно из главных святилищ Митры, древнего иранского божества Солнца, культ которого проник в Тибет под названием «религия бон».

13. **Rin-chen-spungs-pa** – страна «Драгоценный Пун».

14. **Rm-chen-'gram-gling** – «Страна Драгоценный берег».

15. **Gnod-sbyin-nor-gling** – «Богатая скотом страна демонов-вредителей». Вероятнее всего, что это не название, а характеристика страны Парфии, расположенной севернее Карамании. «Вредными демонами» иранцы называли народы Турана (скотоводческие племена), в том числе и парфян.

16. **Chad-med-byams-gling** – западная окраина Мидии (См. 27).

Здесь необходимо отметить, что тибетский географ некоторые крупные страны отмечает на карте по несколько раз. Смысл этого в том, что один раз отмечается столица, другой территория, занятая народом, третий – покоренные и присоединенные области. Этим объясняются некоторые как бы смещения топонимов, но это же позволяет уяснить характер сведений, попавших в Тибет, и время составления карты. Мидия, как культурнейшая из областей Ирана, сохраняла свое значение и после потери самостоятельности в 550 г. до н.э., находясь в составе Ахеменидской, Селевкидской и Парфянской монархий. Поэтому она попала на тибетскую карту.

17. **Dge-rgyas-yon-tan** – Гиркания, одна из провинций древнего Ирана.

18. **Mi-gYo-bsam-gtan**. Возможно, греческий вариант названия Двуречья, т.е. Месопотамии, поскольку далее, к западу, расположены «Страна халдеев» (см. 45) и «Страна, в которой собраны жрецы», т.е. Вавилон (см. 30).

19. **Sbyin-pa-mthar-rgyas** – ?

20. **Bdud-'dus-gling** – «Страна, в которой собрались демоны». Видимо, бедуины, которых, как кочевников, зороастрийцы считали исчадием Аримана.

21. **Rjes-rigs-bkod-pa'i-zhing** – «Земля, упорядоченная княжеским родом», т.е. арабские земли Бахрейна – оазисы, подвластные Парфянскому царству [\[103, стр. 320\]](#).

22. **Drang-srong-'gro-'dul** – Дрангиана покоренная. Дранги – иранский народ, живший по нижнему течению Гильменда. Название это встречается только после походов Александра, первоначальная форма их имени была «заранги». Александр отдал их область в управление Арсаму, сатрапу Арии, но после восстания в Согдиане сменил его [\[101, стр. 370\]](#). Вот еще один датирующий момент.

23. **Zang-gling** – «Медная страна». Соблазнительно сопоставить название с древними рудниками, но это опасно, так как возможны филологические реминисценции и метафорические обороты, свойственные ассоциативной системе древнего тибетца.

24. **Rgyal-rigs-rgyal-sa'dzin** – «Царский род поддерживает (или «укрепляет») трон». В парфянскую эпоху на восточной окраине царства находился наследственный удел рода Суренов, второго по значению в Парфии. Глава этого рода при церемонии коронации возлагал тиару на голову Аршакида, вступавшего на престол. Локализация удела Суренов на тибетской карте совпадает с известной нам.

25. **Gser-gling** – «Золотая страна» (см. 23).

26. **Gtsug-rje-rgyal-gling** – ?!

27. **Med-rigs-gdol-pa'i-gling** – «Страна свирепого племени (племен) мед», т.е. Мидия. В середине VI в, до н.э. была разгромлена персами и включена в состав Персидской державы на правах провинции.

28. **Stobs-chen-gyad-dling** – «Страна могучих богатырей». Судя по названию и своему местоположению, это может быть только Ассирия. Хотя это государство погибло в конце VII в., но название продолжало существовать еще несколько столетий спустя, как «Осроена», царство на границе Сирии и Месопотамии [\[104, стр. 9\]](#), а народ дожил до нашего времени. Однако любопытно, что тибетский географ отметил не наличие небольшого в его время племени, а историческую традицию – славу ассирийских царей. Это можно трактовать как элемент особого отношения к времени – неискоренимости существовавшего (см. вводную часть этого раздела).

29. **'Bri-mig-dgu-skor** – ?

30. **Bram-ze-'dus-pa'i-gling** – «Страна, в которой собраны жрецы». Одно из тибетских названий г. Вавилона, для которого было характерно обилие религиозных культов. На карте рядом (см. 45) дается название самой страны, а именно «Страна халдеев». Халдеи – кочевое арабское племя, покрывшее Месопотамию в VII в. до н.э.

31. **Hos-mo** – страна Хос или Сузы, Первоначально – столица древнего государства Элам, а впоследствии один из главных городов Ахеменидского Ирана,

32. **Mya ngan-med-pa'i-gling** – «Страна, в которой нет страданий», т.е. «Счастливая Аравия» – древнее название Йемена.

33. **Rgyal-bran-khri-'od** – судя по местоположению – Эфиопия.

34. **Khi-thang-byams** – ?

35. **Smra-mi-grong-bdun** – возможный вариант перевода: «Семь поселений Мрами»?!

36. **Mkha'-'gro-mi-rkun-gling** – «Страна, в которой (люди, сильные как) боги, крадут людей». Греко-Бактрийское государство, о котором выше уже говорилось.

37. **'Gro-'dul-gling** – «Страна, покоряющая ходящих (т.е. людей)», то же Греко-Бактрийское царство, весьма агрессивное.

38. **A-ba-dva-ra'i-gling** – Бактрия, одна из провинций Древнего Ирана.

39. **Seng-ge-rgyab-bsnol** – Согдиана, одна из провинций Древнего Ирана.

40. **Shag-yul** – «Страна сак» (саков).

41. (Название на тибетской карте пропущено.)

42. **'O(d)-ma-'byams-skya'i-yul** – По локализации и звучанию может быть понято как «Maha-saka-ta» – «Великие саки», название одного из сакских объединений, которое греки называли «массагеты» [\[48, стр. 483, 485\]](#). Из многочисленных гипотез по поводу слова «массагеты» наиболее убедительно мнение К.В. Тревер, принятое нами [\[105, стр. 46\]](#), Подлинное звучание слова в иранском произношении не установлено. Здесь география корректирует филологию.

43. **Snang-ldan-'bum-gling** – судя по местоположению, Албания кавказская, современный Азербайджан и южный Дагестан.

44. **Ka-ha-ta-shel-shug** – первая половина этого названия указывает на Малую Азию, ее восточную окраину, так как «ка-ха-та» соотносимо с хатти (восходит к названию хетты). Вторая половина названия представляет собой транскрипцию неизвестного для нас слова.

45. **Rgya-lag-o'((d)-ma'i-gling** – «Страна халдеев», т.е. Вавилония; подразумевается территория царства халдейских царей.

46. **Rin-chon-spungs-pa** – «Драгоценный Пун». Как по своему происхождению, так и по названию, несомненно, Финикия.

47. **Lhun-grab-gdal-gling** – ?

48. **Sha-za-gling-grong** – «Поселения страны, едящих (человеческое) мясо». Этот странный обычай, необъяснимый из древних источников, поясняется за счет поздних, но восходящих к глубокой древности. Францисканский монах Одорико Порденоне, совершивший в 1318 – 1330 гг. путешествие на Восток, привез массу рассказов, большая часть которых оказалась вымыслом его осведомителей. В числе прочего он рассказывает о людоедстве на Никобарских и Адаманских островах [\[106, стр. 186--188\]](#). По мнению комментатора Я.М. Света. Одорико на Никобарских островах не бывал [\[105, стр. 194\]](#), но тогда, значит, что он получил сведения о людоедах в Индии, оттуда же, откуда и составитель нашей карты на полторы тысячи лет раньше. По представлениям индусов, рассказы которых воспроизводит Одорико, Никобарские и Адаманские архипелаги были одним большим островом, что и отражено на нашей карте.

49. **Ma-thang-bsgral-gling** – транскрипция местного названия. Судя по местоположению в южной части Мирового океана, южнее Никобарских островов, и по фонеме – это Мадагаскар. Название «Мадагаскар», непонятное самим его обитателям, впервые воспроизведено у Марко Поло [\[107, стр. 202\]](#), а первое описание этого острова в европейской географии находится в «Перипле Эритрейского моря» [\[108, стр. 9\]](#), т.е. позже, нежели время нашей карты, и без названия. Следовательно, это древнемальгашское слово попало в Тибет через Индию. Мальгаши заселили Мадагаскар около

III в. до н.э. из Индонезии [\[109\]](#) и при этом попали в поле зрения индусов, уже освоивших навигацию в Индийском океане. Итак, у тибетского картографа, наряду с иранским, был индийский источник и, значит, изучаемая карта не плагиат, а творческая работа, отражающая уровень знания географии в Тибете II в. до н.э.

50. **Mya-ngan-thang-nag** – «Черная долина страданий». По своему местоположению соответствует Белуджистану, древней Гедоросии, где чуть было не погибла армия Александра Македонского.

51. **Ne-khri-'bum-thang** – плоскогорье (плато) «Некхрибум».

52. **Gcan-zan-'khro-gling** – «Страна свирепых, диких зверей».

53. **Sos-med-khrag** – название озера.

Все три названия расположены рядом и характеризуют Памир и Западный Тянь-Шань. Удобнее интерпретировать все три топонима вместе, так как они составляют одну систему. Плато Некхрибум – плоскогорье Восточного Памира; севернее лежит озеро (mtsho) – несомненно, Иссык-Куль. Вся область названа страной свирепых зверей; но на Памире самый опасный зверь – медведь, которого, как доказал Э.М. Мурзаев, центральноазиатские народы называли «снежным человеком» [\[110, стр. 95-99\]](#) и, подобно народам Сибири, приписывали ему сознание даже выше, чем у человека. Впрочем, его человеком не считали, как видно из топонима N 52, и во II в. до н.э. путаницы из-за буквального перевода метафоры не возникло.

54. **Dreg-so-pa-mas-shang**, ср. перс. «рег//риг – песок, щебень, и «ригстан» – песчаная пустыня; Каракумы! Не так ли?

55. **'Dar-ba-ru-steng-grong-khyer** – «Поселения верхних тапуров». Племя тапуров занимало район в северной части Ирана, вдоль южного побережья Каспийского моря. Примерно с VII в. н.э. этот район стал называться Табаристаном.

56. **Tsher-shod-rab-'jigs** – «Бури очень страшные». Поскольку упомянутые выше тапуры жили именно на побережье этого моря, то это, несомненно, Каспийское море.

57. **Mkha'-'gro-mi-rkun-gling** – «Страна богов, ворующих людей» – Иония. Об Элладе тибетцы не знали ничего, кругозор их был строго ограничен рубежами Ахеменидской монархии.

58. **Grong-khyer-lang-ling** – Иерусалим.

59. **Sme-khrod-skyi-'jigs** – Южная Палестина, или Синай.

60. **Mu-khyud-bdal-pa'i-mtsho** – «Окружное вытянутое море», т.е. Мировой океан, окружающий землю. В данном месте Средиземноморье.

61. **Ne-seng-dra-ba'i-grong-khyer** – «Город Несендры». т.е. Александрополис, или Александрия.

62. **Srin-po-mi-rkun-gling** – «Страна демонов, крадущих людей». Как уже выше говорилось, Египет.

63. **Gsas-khang-dkar-nag-bkra-gsal** – «Храмы-гробницы серые, сияющие», т.е. египетские пирамиды.

64. **Dbal-so-ra-ba** – по своему положению о. Кипр, на что указывают первые два слога, сопоставимые с Алиша (древнее самоназвание Кипра, согласно Амарнскому архиву Аменхотепа III или Аменхотепа IV) [\[111, стр. 21\]](#).

Проанализированная нами карта не является единственной. Недавно в Англии опубликован другой вариант карты [\[112, рис. XXII\]](#), но, судя по топонимам, составившийся несколько позднее и независимо от первого варианта. На второй тибетской карте не обозначены следующие страны, которые есть на первой: «Страна демонов, крадущих людей», т.е. Египет, и Пун, т.е. Финикия. Вместо них в Передней Азии к «Стране халдеев» (Вавилония) непосредственно примыкает Гьялмо-Кхром, т.е. «Царица-Рим» (в латинском языке Рим женского рода). На северо-востоке знакомая нам «Страна сак» на этой карте названа «Страной сильных саков». Мы не ошибемся, предположив, что это отражает консолидацию саков и юечжи и образование Кушанского царства при Кадфизе I в I в. н.э. Таким образом, мы видим, что две тысячи лет тому назад в Средней и Центральной Азии существовала неплохо развитая географическая наука и составлялись карты, по точности и охвату значительно превосходившие греко-римские. Но отмеченные нами «четырёхугольные карты» не исчерпывают древнетибетского картографического материала. Параллельно ирано-тибетской традиции существовала индо-тибетская, ставившая себе иные цели и располагавшая другим кругом знаний.

III.

В отличие от ирано-тибетской индо-тибетская географическая традиция ставит задачи не страноведческие, а космологические. На публикуемой карте мы видим весьма четкую систему представлений о строении Земли.

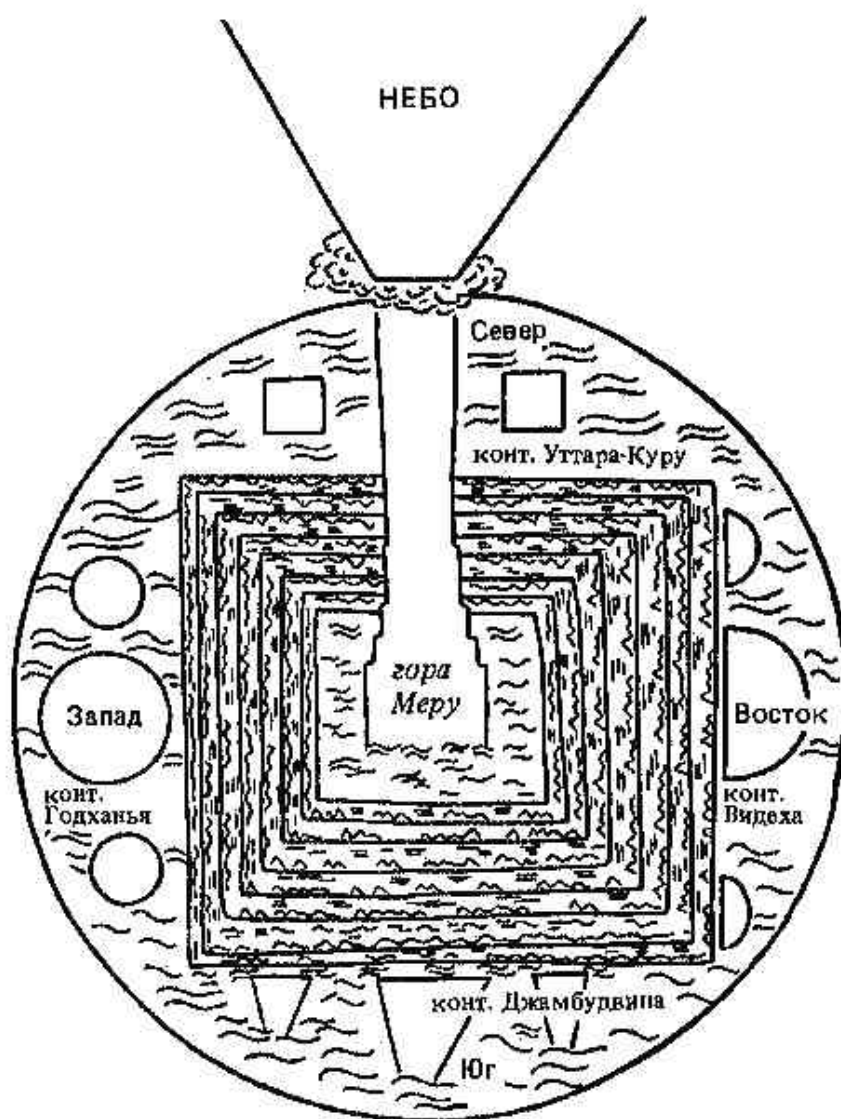

Рис.5 – Индо-тибетская карта мира

На индо-тибетской карте земная суша изображена в виде четырехугольника хребтов, окружающих гору Меру (Сумеру), центр мира и путь на небо. Несмотря на условность интерпретации, здесь легко угадать орфографическую систему Южного Тибета, т.е. долину р. Цанпо (Брахмапутры), окруженную с юга Гималаями, с севера Трансгималаями, с

запада Каракорумом и с востока хребтами страны Кам, где в одном из ущелий прорывается Брахмапутра. Здесь мы видим наивное стремление, свойственное многим народам, поместить свою страну в центре мира. На карте гора Меру окружена водой глубины неизмеримой и поднимается в область богов. Естественно, что считать эту гору реальной нельзя. Это космический образ объединения нашего мира с потусторонним. Поэтому мы можем оставить без внимания эту мистическую деталь, тем более что она не препятствует интерпретации реальной части карты, изображающей поверхность Земли.

На данной карте эта поверхность имеет вид четырех континентов, расположенных в Мировом океане по странам света. С юга мы видим три треугольника, которые по своим очертаниям, естественно весьма обобщенным, напоминают Индию, Аравию и Индокитай, Центральный и самый большой из этих трех называется континент Джамбудвипа, а остальные два – континентами-спутниками. Первоначально под Джамбудвипой индийцы имели в виду только Индию, а потом Индию с прилегающим к ней странами [\[96, стр. 80\]](#). Потом, в связи с утратой доверия к древним традиционным сведениям, индийцы стали считать только континент Джамбудвипа реально существующим. Под ним стал пониматься весь мир, тогда как все остальные три континента с континентами-спутниками стали считаться мифическими. Так было проще и избавляло от необходимости заниматься исторической критикой.

Восточный континент Видеха со своими континентами-спутниками изображен в виде трех полуокружностей, прямой стороной обращенных к западу. Если допустить, что древние индийцы форсировали Тихий океан и делали это трижды, то именно такой и должна была представляться им Америка, обращенная к Тихому океану. Она неминуемо представлялась бы в виде прямой линии, с высокими горами, за которыми расположены населенные страны. Жители этого континента охарактеризованы в тибетских источниках как высокорослые, с головами, сильно сплюснутыми сзади, и резко выступающими вперед лицами, со спокойным и мягким характером и прекрасным поведением, т.е. гостеприимными [\[113, стр. 80\]](#). Не странно ли, что аналогичным образом охарактеризовали американских индейцев спутники Колумба.

Северный континент Уттара-Куру представлялся древним индо-тибетским географам в виде квадрата. Жители характеризовались как свирепые и беспокойные, с квадратными лицами, т.е. с сильно выраженной монголоидностью. По легенде, они жили на деревьях, от которых они получали все необходимое, а после смерти перерождались в деревья [\[114, стр. 80-81\]](#). Здесь нельзя не увидеть несколько преувеличенное представление о

таежной зоне, ограничивающей с севера центральноазиатские степи и в начале нашей эры захватывавшей более южные широты, нежели сейчас [\[115\]](#). Любопытно, что как Геродот, так и безымянный восточный географ утверждают, что люди на севере питались плодами деревьев [\[100\]](#); [\[186, стр. 16\]](#). Это показывает, что в первом тысячелетии до нашей эры в Южной Сибири, Монголии и Казахстане плодовые деревья росли в диком состоянии, что совпадает с реконструкцией палеоклимата, о чем мы указывали в наших прежних работах [\[115\]](#). Выше упоминалось, что северный континент имел форму квадрата. Аналогичные сведения мы находим также у Геродота, который говорил, что Скифия представляет собой квадрат, две стороны которого доходят до моря, а каждая из сторон равна четырем тысячам стадий [\[100\]](#). Под Скифией Геродот имел в виду всю северо-восточную часть Евразии.

Западный континент Годханья с континентами-спутниками изображен в виде трех кругов, в чем можно усмотреть очертание Северной Африки (средний круг), Европы (верхний круг) и Южной Африки (нижний круг). Отмечается обилие быков на этом континенте, а жители характеризуются как сильные и свирепые демоны-людоеды, очень беспокойные, с бычьими и обезьянними головами. Под бычьими головами, очевидно, понимались эллинские шлемы (не случайно на Востоке Александра Македонского называли «Двурогий»). Обезьянними лицами тибетцам представлялись европейские лица, так же как и древним китайцам, которые писали: «Тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки...» [\[6, стр. 190\]](#) усуней – европеоидного народа, населявшего на рубеже нашей эры Тянь-Шань, потомками которых китайцы XVII в. сочли русских землепроходцев.

Итак, космографические представления индо-тибетской школы поражают своей широтой. По существу, этим географам была известна почти вся поверхность Земли, за исключением Австралии и Антарктиды. Примечательно, что страны света на этой карте расположены в том же порядке, что и у нас. Каким образом и откуда могла появиться на Востоке такая широкая информация – мы решить не в состоянии. По-видимому, некоторые привычные нам представления о науке древности нуждаются в пересмотре.

Этногенез в аспекте географии (Ландшафт и этнос: IX)

*Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского
ун-та". - 1970. - N 12. вып. 2. - С. 88-93.*

Постановка проблемы

Согласно общепринятой теории эволюции род *Ното* появился в начале четвертичного периода в нескольких разнообразных формах гоминид, возможно следовавших одна за другой, хотя, может быть, иногда сосуществовавших. Подобно своему предполагаемому предку – австралопитеку гоминиды были крупными хищниками, не чуждыми каннибализма, и, следовательно, в биоценозах занимали верхнюю экологическую нишу. К концу последнего оледенения все ветви этого рода вымерли, за исключением только одного вида – *Ното sapiens*, т. е. современного человека. Однако последний распространился по всей суше планеты, затем, в исторический период, освоил поверхность гидросферы и произвел на Земле такие изменения, что ныне всю ландшафтную оболочку Земли справедливо называют антропогенной^[прим. 18]. За исключением полярных льдов, нет области, где не было бы археологических памятников каменного или железного веков. Мы находим палеолитические стоянки в пустынях и джунглях, неолитические – в тундре и тайге. Это указывает на былую заселенность регионов, позже оставленных человеком и вновь осваиваемых ныне с применением машинной техники. Конечно, за истекшие 17 – 20 тысячелетий климатические условия в разных районах менялись, но остается фактом, что вид *Ното sapiens*, в отличие от других видов позвоночных, не ограничился определенным ареалом, а сумел приспособиться к разнообразным природным условиям, что по праву ставит его на особое место в экологии позвоночных.

Адаптация шла по двум направлениям: 1) человек приспосабливался к новым природным условиям, менял свой способ хозяйства и, следовательно, вырабатывал новый стереотип поведения; 2) человек приспосабливал природу для себя, создавая вторичные, антропогенные геобиоценозы, согласно отработанному стереотипу поведения. В естественных условиях оба процесса переплетаются, но для целей анализа их целесообразно рассматривать порознь.

Первоначально человек больше воздействовал на фауну. В интересной статье М. И. Будыко показано, что в степях Евразии мамонта истребили палеолитические охотники на крупных травоядных^[116, стр. 28-36]. Эскимосы расправились со стеллеровой коровой в Беринговом море; полинезийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии; арабы и персы путем постоянных охот вывели львов в Передней Азии; американские колонисты всего за полвека (1830 – 1880 гг.) перебили всех бизонов и голубей^[117, стр. 54-55], а

австралийские – несколько видов сумчатых. В XIX-XX вв. истребление животных уже превратилось в бедствие, о котором пишут зоологи и зоогеографы столько, что нам нет необходимости останавливаться дальше на этом предмете. Отметим, однако, что хищническое обращение человека имело место при всех исторических формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса. Проверим наши соображения на другом материале.

Перенеся свои действия на флору, человек произвел еще большие деформации природы. Оседлое скотоводство, при котором большое количество скота скапливается на относительно небольшом пространстве, ведет к обеднению фитоценоза. Особенно радикально действуют козы^[117, стр. 154-158]. Они весьма помогли древним римлянам и эллинам уничтожить в Средиземноморье лес из жестколистного дуба и сосны, который заменился вечнозеленым кустарником – маквисом. В Аттике этот процесс завершился уже в V веке до н. э.^[117, стр. 37]. При Карле Великом 2/5 лесов Франции были уничтожены, а земли распаханы. Процесс воздействия французов на природу несколько замедлился после падения Каролингов, но с XI века возобновился и идет до сих пор^[117, стр. 39]. Интенсивное земледелие вызывает более или менее усиленную эрозию почв. Для сноса 20 см почвы, например, в Америке требуется: в лесу – 174000 лет, в прерии – 29000 лет, при правильном севообороте – 100 лет, при монокультуре кукурузы – 15 лет^[117, стр. 137]. Эрозия порождает обнажение коренных пород и пылевые бури, первая из которых в США 12 мая 1934 г. превратила поля и сады восточных штатов в пустыню^[117, стр. 166]. О последствиях уничтожения китайцами лесов в бассейне Хуанхэ мы говорили в другой связи^[118, стр. 101-103]. Даже тропические джунгли Бенгалии и Юкатана выросли на переотложенных почвах, заброшенных земледельцами. Теперь стены древних храмов оплетены лианами, а массивные каменные плиты пробиты насквозь прорастающими нежными травами и даже грибами. И опять то же самое: при всех формациях человек деформирует природу. Очевидно, это ему свойственно.

Однако природа умеет постоять за себя. Не только некоторые растения, разворачивающие своими стебельками каменную кладку и с милой непосредственностью взламывающие асфальтовые дороги, но и отдельные виды животных используют возможности, создаваемые цивилизацией для своего процветания. Так, истребление бизонов и замена их в биоценозе прерии овцами и лошадьми (мустангами) повели к сокращению числа больших серых волков, которые питались большими бизонами, оленями и грызунами. Поэтому уменьшилось поголовье оленей, среди которых стали

свиристовать эпидемии, и увеличивалось число грызунов, разделивших с овцами корм, оставшийся после бизонов, а это, в свою очередь, создало благоприятные условия для размножения койотов, питающихся как грызунами, так и беззащитными овцами. Природа прерии восстановилась, но с упрощением структуры биоценоза.

Распространение монокультуры картофеля дало толчок размножению колорадского жука, который победным маршем прошел от Кордильер до Атлантики, пересек ее и бодро завоевал Европу. Английские торговые корабли завезли на острова Полинезии крыс и, хуже того, комаров, что ограничило возможность для обитания самого человека на песчаных побережьях, где всегда дует морской ветер. А эксперименты с переселением кроликов в Австралию или коз на Мадейру столь трагичны, что хорошо известны. Но и факты регенерации природы не совпадают с переломными датами социальной истории человечества. Так есть ли между этими двумя цепочками закономерностей каузальная или же функциональная зависимость?

По-видимому, нет, ибо называть наскоки человека на ландшафт прогрессом нельзя ни в обывательском смысле (стремление к лучшему), ни в научном (развитие от низших форм к высшим). А если так, то вся ответственность за искажение природы не ложится на общественную форму движения материи. Приходится предположить, что здесь мы встречаем явление другого порядка: повышенную адаптивность и агрессивность не человека, члена общества, а вида *Homo sapiens*, одного из компонентов биосферы планеты Земли.

И тут встает первый вопрос: насколько укладывается отмеченное нами явление в рамки эволюции позвоночных, к коим принадлежит и сам *Homo sapiens*? И второй, не менее важный вопрос: продолжает ли человек, после того как он создал орудия и научился использовать огонь, оставаться в составе различных биоценозов как верхнее, завершающее звено или он переходит в какую-то иную сферу взаимоотношений с природой, вовлекая туда же одомашненных животных и культурные растения? Это тем более существенно, что, "согласно закону необратимости эволюции, животные и растения, измененные воздействием человека до неузнаваемости, не могут вернуться к самостоятельной жизни, так как не в состоянии выдержать конкуренцию с дикими формами"^[119, стр. 300]. Таким образом, внутри биосферы будто бы создавалась особая прослойка, которую теперь принято называть антропосферой. Действуют ли в ней принципы естественного отбора? Да и справедливо ли такое выделение?

Многие сторонники эволюционной теории, включая Ч. Дарвина, считают, что современный человек продолжает подвергаться такому же

естественному отбору, который прежде действовал на его предков^[прим. 19] другие сомневаются в этом, приводя следующие основания: "Постепенное ослабление борьбы за существование неминуемо вело к выходу человека из состава биоценоза. Этот медленно протекавший процесс привел к тому, что естественный отбор для человека сначала ослаблен, а затем совсем прекратился... Но отсутствие естественного отбора было равносильно прекращению действия одного из факторов эволюции... и биологическая эволюция человека должна была остановиться. Это произошло около 50000 лет назад, когда оформился кроманьонец"^{[прим. 20][119, стр. 299]}.

Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин писали, что "в лице современного человека процесс биологической эволюции создал обладателя таких видовых свойств, которые привели к затуханию дальнейшей эволюции. Следовательно, можно не сомневаться в том, что эволюционное развитие человека давно остановилось"^[121, стр. 314]. Но так как модификации внутри вида продолжают, то предмет изучения и при такой постановке проблемы не исчерпан. Однако для продолжения исследования необходимы новый аспект и новая методика, ибо, только описав особенности явления, можно примкнуть к той или другой точке зрения (историю полемики см. ^[119, стр. 277 и сл.]).

Новые данные

Через четыре года после выхода в свет монографии А. П. Быстрова, Г. Ф. Дебец опубликовал работу с потрясающим выводом. Массивные в древности кости черепа утончаются (грацилизация), причем это происходит не постепенно, а рывками и не глобально, а по широтным зонам^[122]. Так, в субтропической зоне грацилизация черепа произошла в VI тысячелетии до н. э., а в лесной зоне умеренного климата – в I тысячелетии до н. э. С этими датами Г. Ф. Дебец сопоставляет даты перехода от охотничьего хозяйства к земледелию, указывая при этом, что "возможно предположение, что переход к земледелию привел к изменениям в строении черепа"^[122, стр. 18]. Впрочем, в равной степени возможно и обратное: изменившийся человек находит для себя другое занятие. Зато вполне справедливо другое соображение Дебеца: "ни сравнительная анатомия, ни этнография не дают нам права считать, что в рамках вида *Homo sapiens* грацильные формы являются более совершенными"^[122, стр. 20].

Правильно! Однако хорошо известно, что модификация одного признака сказывается не только на анатомии человека, но и на его этологии (науке о поведении). Г. Ф. Дебец приходит к выводу, "что дело идет об изменениях, имеющих биологическую сущность"^[122, стр. 16]. Следовательно, в условиях исторического бытия в человеческих сообществах продолжают протекать биологические процессы, стимулирующие даже изменения скелета. Но тогда должны быть вариации меньшего диапазона, отражающиеся на физиологии и поведении. Их вскрыть гораздо труднее, однако предположение об их наличии, теперь имеющее прецедент, позволяет нам начать поиски фактора человеческой деятельности, действующего наряду с хорошо известным, социальным. Это должна быть внутривидовая эволюция, принявшая под воздействием общественного начала своеобразные формы.

Поиск решения

Основной материал для эволюционной теории дает палеонтология, но надо помнить, что летопись ее неполна, и вопрос о происхождении и вымирании видов до сих пор составляет предмет полемики^[123]. Особенную трудность представляет неточность хронологии, причем допуск при датировке появления или исчезновения видов превышает иногда миллионы лет. Аналогичные трудности мы встречаем и при изучении некоторых соматических подразделений вида *Homo sapiens*, а именно образования рас первого порядка: европеоидной, монголоидной и негроидной. Следовательно, чисто биологический подход к проблеме, даже при ограничении во времени, не дает нам никаких преимуществ. Кроме того, надо отметить, что расовая принадлежность никак не связана с теми повышенными способностями к адаптации, которые позволили человеку изменить лик планеты; и, наконец, большие расы не являются реальными общностями, а всего лишь подразделениями научной классификации по некоторым внешним признакам: пигментации кожи, строению черепа и т. п. Самое же главное, что подавляющее большинство особей имеет в качестве предков представителей разных рас если не первого, то второго порядка, и, следовательно, реально существующие и непосредственно наблюдаемые сообщества людей всегда гетерогенны. А ведь именно они, известные нам как народности или этносы, и являются коллективными формами существования вида *Homo sapiens*, взаимодействующими с ландшафтами населенных ими регионов^[89], т. е. элементарными экологическими внутривидовыми таксонами. Следовательно, этнос не умозрительное понятие, а явление природы^[124], и раскрытие его содержания, т. е. исчерпывающее определение, и есть цель нашего исследования.

При таком повороте угла зрения в руки исследователя попадает богатый и точно датированный материал, собранный всемирной историей, ибо народности имеют сравнительно короткий срок существования и легко обозримы путем исторического охвата. Наша задача, тем не менее, осложняется тем, что к нашим услугам имеется готовая политическая, социальная, военная, культурная, экономическая история, но этнической истории человечества пока не написано. Обычно же вместо этноса (народности) изучаются либо институт государства, либо общественные отношения, либо культурные традиции. Все это имеет свою ценность, но не отвечает поставленной нами задаче. Поэтому мы ограничимся тем, что

заимствуем из гуманитарных наук накопленный ими фактический материал, заново поставив проблему этногенеза.

Проблеме этноса не повезло. В XIX веке этнография справедливо считалась географической наукой, но из поля зрения этнографов выпадали так называемые "исторические", или "цивилизованные", народы, что делало этнографию однобокой и часто просто описательной дисциплиной. В первой половине XX века маятник качнулся в другую сторону: все без исключения народности и племена стали считать историческими и общественными категориями, т. е. социология подменила этнографию. В связи с распространением урбанистической цивилизации полевая этнография свелась к поискам пережитков и раритетов и потеряла теоретическое значение. Но теперь настало время обобщить накопленный материал и поставить проблему описания феномена этноса, который, как будет показано ниже, относится к биогеографическим, а не историко-социальным явлениям.

Для решения поставленной нами задачи крайне важно не смешивать очерченные выше сообщества людей с другими формами общественного бытия, в особенности с классами и государствами. Известно, что общественная форма движения материи является развитием средств производства, причем это спонтанное развитие идет по спирали, с разной скоростью, но непрерывно. Историческая наука отмечает пять формаций, через которые прошло все человечество, за исключением обществ, находящихся в состоянии временного застоя. Вне всякого сомнения, социальное развитие накладывает свой отпечаток на все другие формы движения материи, поскольку они связаны с людьми. Однако никогда никто не пытался истолковать в социальном аспекте гравитацию или электропроводимость, эпидемии или половое влечение, смерть или наследственность, ибо это область естествознания.

Новый путь

Чем же поможет в нашей работе биология? Начнем *ab ovo*. Коллективные формы общежития распространены среди многих видов наземных животных: муравейники, стада копытных, стаи и т. п., но каждый вид имеет свой характер образования коллективов. Для вида *Homo sapiens* такой формой является этнос^[125], но это ни в коем случае не значит, что он аналог муравейника или стада. Как человек отличается от прочих позвоночных, а он отличается радикально, так и этносы не похожи на коллективы других животных, т. е. там, где у гамадрилов кровно родственное объединение, там у человека – этнос, но знака равенства между тем и другим ставить нельзя. Различий между коллективами животных и этносами так много, что не стоит их перечислять. Полезнее обратиться к первичной классификации этносов, построив для начала элементарную схему. Возьмем в качестве образца простейший случай бытования этноса. Представим себе племя, имеющее общих предков, которое живет на строго очерченной территории и по быту, обычаям, религии и роду занятий четко отличается от соседей. В этой ситуации браки будут заключаться только между представителями данного этноса, так как нецелесообразно принимать в коллектив лицо, не имеющее навыков труда и быта, необходимых для поддержания семьи в достатке. Другие же навыки, связанные с иными условиями, будут заведомо неприменимы. Культурный облик изолированного этноса, без мощного вмешательства посторонних сил (завоевания), относительно стабилен, потому что каждое новое поколение стремится воспроизвести жизненный цикл предшествовавшего, что и является культурной традицией данного этноса.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт проф. М. Е. Лобашевым^[95] именно путем изучения животных, у которых он обнаружил процессы "сигнальной наследственности", что просто-напросто – другое название традиции. Согласно концепции М. Е. Лобашева, индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются родителями детям или старшими членами стада – младшим, благодаря чему стереотип поведения является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется "преемственностью цивилизации", которую обеспечивает "сигнал сигналов – речь". В эту преемственность

входят навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией, т. е. сексуальной изоляцией от соседей, стабилизирующей состав генофонда, традиция служит фактором, создающим устойчивость этнического коллектива. Но устойчивый, точнее, стабильный, этнос не является угрозой ни для соседей, ни для ландшафтов. Он, вместе с техникой и духовной культурой, связан с тем геобиоценозом, в котором он составляет верхнее, завершающее звено, так как входит в цикл конверсии геобиоценоза, под которым, по определению Гексли, понимается: "механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания; иначе говоря, это обмен веществ в экологическом сообществе, свойственном данному местообитанию. Для сохранения местообитания необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась"[\[цит. по 117, стр. 350\]](#). Ничто не мешает нам включить для удобства анализа в этот цикл биологического, но, конечно, не общественного, человека[\[37\]](#).

Естественный прирост в стабильном этносе ограничен высокой детской смертностью, и, как правило, небольшие накопления семей к старости обычно достаточны лишь для поддержания этноса в равновесии со средой и являются некоторой страховкой против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих постоянно возникающих трудностей и уходят нормальные усилия изолированного этнического сообщества. Оно всегда лишено агрессивности, а, следовательно, не способно и к изменению природы. Очевидно, что такой этнос не может быть причиной катаклизмов, примеры коих приведены выше. А какой этнос это может и делает?

Ф. Осборн в 1948 г. писал: "История нации (американской) за прошлый век, с точки зрения использования природных богатств, является беспримерной... Фактически это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной"[\[цит. по 117, стр. 45\]](#). Так, но какова же она с точки зрения межэтнических конфликтов? Истребление индейцев, работорговля, расправа с франко-индейскими метисами в Канаде (1885 г.), захват Техаса, поглощение золотоискателями Калифорнии и Аляски – все эти события совершались неорганизованно и бесконтрольно. Правительство США и Канады затем просто санкционировали совершившиеся факты и извлекали из них выгоду.

Но ведь по тому же самому принципу производилось арабское проникновение в Восточную Африку, и движение голландских переселенцев в Капскую землю, а потом к Оранжевой реке. Тем же способом русские

землепроходцы завоевали Сибирь, а китайцы – земли к югу от Янцзы. Не отличается от описанных явлений и эллинская колонизация Средиземноморья и походы викингов. И нет никаких оснований думать, что иными по характеру были походы кельтов и захват северной Индии арьями. Следовательно, мы натолкнулись на часто повторяющееся явление перехода этносов в динамическое состояние, причем в огромной степени возрастает их агрессивность и адаптивные способности, позволяющие им применяться к новым, дотоле непривычным условиям существования.

Однако не следует распространять отмеченную особенность некоторых событий истории на все ее явления. Это было бы столь же ошибочно, как и сведение всех проявлений человеческой деятельности к общественным началам. Задача научного анализа в том и состоит, чтобы сначала классифицировать, а затем систематизировать обнаруженные факты, но не считать, что полученные выводы применимы ко всем наблюдаемым явлениям. Так, нелепо сводить, скажем, Семилетнюю войну, или наполеоновское завоевание Пруссии к стихийным процессам. События этого порядка прекрасно объясняются сознательными расчетами политических деятелей, диктуемыми им сферой общественного сознания, а не инстинктами. Это и является критерием классификации, столь же четким, как и психологическая классификация поступков отдельного человека на сознательные и подсознательные. Индикатором здесь является наличие свободы выбора при принятии решения, а следовательно, и морально-юридическая ответственность за свои поступки. В практической деятельности людей эти две линии поведения никогда не смешиваются. Аналогичный подход к размежеванию разнохарактерных явлений истории может быть осуществлен в научном анализе, что мы уже однажды показали на частном примере характеристики разнохарактерности передвижений кочевых народов Евразии в зависимости от степени увлажнения степной зоны^[126]. Теперь мы просто отмечаем, что подобное соотношение имеет место для всего вида *Homo sapiens*.

Статика и динамика

Ранее^[127] мы показали, что антропогенные сукцессии, затухающие вследствие сопротивления природной среды, являются относительно редкими, но мощными толчками, взрывами энергии, способной производить работу. Характеристика этой специфической формы энергии содержится в замечательной книге В. Н. Вернадского. "Все живое, писал он, – представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени. Это динамическое равновесие, стремящееся с ходом времени перейти в статистическое равновесие... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия", т. е. "энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу"^[91, стр. 284-285].

Переводя этот вывод на язык этнологии, можно констатировать, что судьба всех этносов – постепенный переход к этноландшафтному равновесию. Под последним понимается ситуация, при которой этнический коллектив, например племя, входит в биоценоз того или иного региона, и прирост населения, ограниченный возможностями биохора прекращается.

В указанном аспекте этносы находят свое место в биохимии: персистентное состояние этноса – это тот случай, когда вся энергия, получаемая из природной среды, поглощается внутренними процессами и выход ее близок к нулю; динамическое состояние – это внезапно возникшая способность к большему захвату энергии и выдача ее за пределы этнической системы в виде работы; историческое состояние – это постепенная утрата этногенного признака (способности абсорбировать большее количество энергии и соответственно выдавать ее наружу), происходящая за счет упрощения структуры.

Но ведь каждый реликтовый этнос (персистент) только потому и существует, что он когда-то сложился и, значит, пережил динамическую и историческую фазы развития. Следовательно, он является, с одной стороны, кристаллизовавшейся формой протекшего эволюционного процесса, а с другой – субстратом для возникновения новых этносов. За время своего становления любой этнос проходит мучительную фазу перестройки не только природы захватываемых им регионов, но и собственной физиологии

и этологии (поведенчества), что выражается в приспособлении своего организма к новым условиям.

Такие ломки возможны не всегда. Как мы видели, они происходят в некоторые, сравнительно редкие эпохи стихийных переселений народов, а затем на другое время устанавливается устойчивая система, фиксируемая на этнографических картах.

И вот теперь мы можем ответить на поставленный вначале вопрос: продолжает ли вид *Homo sapiens* биологическую эволюцию или, вследствие прекращения естественного отбора, приостанавливает ее? Без учета предложенной нами классификации ответить было невозможно, но мы скажем просто: да, но в весьма различной степени. Естественный отбор, как один из обязательных факторов эволюции, затухает лишь в условиях стабильного существования, гомеостазиса или этноландшафтного равновесия. Тогда эволюция вида почти прекращается, и остается только социальный прогресс. Но в условиях энергетического толчка, в сложных и трудных условиях реадaptации и смены стереотипа поведения, естественный отбор усиливается, и сформированная им популяция либо погибает, либо становится новым этносом. Таким образом, первичной классификацией этносов в плане их становления является деление их на два разряда, резко отличающихся друг от друга по ряду признаков, сведенных в таблицу.

Признаки различия персистентного и исторического состояния этноса

Признак	Персистентное состояние	Историческое состояние
Отношение между поколениями	Новое поколение стремится повторить предшествовавшее	Новое поколение стремится быть не похожим на предшествовавшее (проблема отцов и детей)
Отношение к времени	Циклическое исчисление времени	Линейное исчисление времени
Отношение к природе	Хозяйство приспособлено к ландшафту	Приспособление ландшафта к требованиям хозяйства
Отношение к соседям	Оборона границ, гостеприимство	Стремление к расширению территории. Завоевательные войны, инкорпорация иноплеменников
Отношение к потомству	Стремление ограничить прирост, детоубийство	Стремление к беспорядочному размножению
Отношение к религии	Генотеизм, недопущение иноземцев к своим культам	Прозелитизм и нетерпимость
Отношение к политике	Авторитет старших	Институт власти
Отношение к общественной жизни	Консервация уже сложившихся групп населения.	Образование классов или новых племен
Отношение к чужим культурам	Игнорирование чужих идей и заимствование техники	Активное усвоение чужих идей: перенимание или отталкивание
Продолжительность жизненного цикла	Ограничена только посторонним воздействием стихийного или антропогенного происхождения	Не более 1500+200 лет (по данным наблюдений)
Этногенез	В результате длинного эволюционного процесса исторического этноса	Вследствие мутации и появления популяции с этногоническим признаком
Взаимооценка	Нахождение в историческом состоянии рассматривается как бессмысленная, противоестественная трата сил	Нахождение в персистентном состоянии рассматривается как «дикость», «застой», «неполноценность»

Предлагаемая система классификации основана на принципе, отличном от принятых до сих пор, – антропологического, лингвистического, социального и историко-культурного. Отмеченные в таблице признаки различия инвариантны для всех эпох и территорий: как в классовом обществе могут существовать персистентные этносы, так и при родовом строе происходят перегруппировки особей, благодаря чему возникают новые племенные союзы или военно-демократические объединения. Примерами первого варианта могут служить застарелые рабовладельческие отношения в Аравии среди бедуинских племен, в западной Африке – в Бенине, Дагомее и т. п., у тлинкитов северо-западной Америки и у горцев Кавказа, до XIX века имевших грузинских рабынь и рабов. Застывшие

феодалные отношения наблюдались в XIX веке в западном и северо-восточном Тибете, в горном Дагестане, у якутов и у малайцев.

И наоборот, ирокезский союз, возникший в XV веке – яркий пример создания нового этноса в условиях доклассового общества. Тот же процесс имел место в родовой державе Хунну (III век до н. э.) и военно-демократическом тюркском "Вечном эле" (VI – VIII века н. э.). Кельты I тысячелетия до н. э. бесспорно составляли этническую целостность, имея клановую систему общественных взаимоотношений. Количество примеров можно увеличить, но достаточно и приведенных.

Всякое деление материала при классификации условно, но именно потому оно конструктивно, ибо определяется задачей, поставленной систематизатором. Наша цель – установить место этнического становления в многообразии наблюдаемых явлений. И что же, оказывается, что этногенез – редкий случай на фоне общего этноландшафтного равновесия, которое не может рассматриваться как "отсталость" или "застой", происходящий от неполноценности тех или иных народов сравнительно с этносами, развивающимися быстро. Все "застойные" этносы некогда развивались, а те, которые развиваются теперь, если не исчезнут, то станут "стабильными" когда-нибудь потом.

При этой постановке вопроса можно ответить, почему этносы вымирают, и настолько часто, что из тех, которые зафиксированы при начале письменной истории (в III тысячелетии до н. э.), не осталось ни одного, а из тех, которые жили и действовали в начале нашей эры, – редкие единицы. Это тем более необходимо, что непрямые потомки древних римлян, эллинов, ассирийцев, видоизменившись до неузнаваемости, живут и сейчас, но уже не являются ни римлянами, ни эллинами, ни ассирийцами, ибо заимствовали от предков только генофонд, да и то частично.

Обратимся за аналогиями к палеонтологии, которая также занимается проблемой вымирания биологических таксонов, причем ведь не существенно, какова величина изучаемого объекта. Процессы вымирания должны иметь одну закономерность.

Л. Ш. Давиташвили^[123], посвятивший этой проблеме солидное исследование, категорически и обоснованно отвергает абиотические причины, как физические, так и химические, а также катастрофы, в результате которых вид гибнет единовременно. Вымирание видов знаменуется постепенным сокращением ареала и конкуренцией соседних видов, вытесняющих из биохора обреченный вид. Но остается неясным, в чем заключается эта "обреченность" для этносов. Согласно этнологии, она кроется в структуре этноса. Усложнение структуры повышает сопротивляемость враждебному окружению, упрощение снижает ее. Вот

почему полноценные в физическом и интеллектуальном аспектах люди, например индейцы или полинезийцы, оказались бессильными по сравнению с колонизаторами, отнюдь не лучшими представителями своих народов.

Таким образом, наибольшую опасность как для природы, так и для этносов представляют соседи, не потерявшие в процессе развития способности к адаптации и потому расширяющие свой ареал. Без появления такого врага реликтовый этнос может существовать неограниченно долго, постепенно слабея, но не вымирая. Это инволюция, т. е. эволюция с обратным вектором.

Но не исключена и гибель этносов развивающихся, если они наталкиваются на непреодолимое сопротивление более многочисленных соседей. Такие примеры неоднократно фиксировались историей. Однако механизм процесса остается неизменным. Итак, биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, но приобретает черты, не свойственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез. Согласно этому выводу, человек за последние 15 тысяч лет изменялся не столько по анатомическим и физиологическим признакам, а по поведенческим, благодаря чему он освоил всю Землю и создал технику, оставаясь самим собой. Г. Ф. Дебец писал: "Отдельные „примитивные" и „прогрессивные" признаки встречаются у всех рас, но ни одна из них не отличается „примитивным" или „прогрессивным" комплексом признаков, если заранее не считать их таковыми. Если принять в качестве критерия примитивности череп антропоидной обезьяны или хотя бы неандертальца, то протоевропейский тип энеолитической эпохи Русской равнины по сумме признаков вовсе не будет более примитивным, чем тип древних славян или современных украинцев"^[122, стр. 19-20].

Действительно, эволюция человечества пошла по линии расширения ареала и увеличения числа внутривидовых вариаций, т. е. этносов. Часть последних погибает, оставляя потомкам вещественные или литературные памятники, часть остается в виде реликтов, часть исчезла бесследно, но не было случая, чтобы подсознательные действия популяции с единым стереотипом поведения вели к целенаправленным изменениям собственного естества, какие бы условия такому коллективу ни создавались. Дж. Холдэн по этому поводу писал: "Естественный отбор действует на изменения, имеющие приспособительный характер, а эти изменения не идут в любом направлении. Большая их часть ведет к потере сложности строения или к редукции органов – к дегенерации"^[129, стр. 82], а в нашем примере – к стабильному или персистентному состоянию этноса.

О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнографии (Ландшафт и этнос: X)

*Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского
ун-та". - 1970. - N 12. вып. 2. - С. 88-93.*

В предшествующей статье^[130] мы обещали раскрыть способ этнического творчества, т.е. охарактеризовать те взрывы энергии, которые изменяют ландшафты, уничтожают старые и создают новые общности людей и, постепенно затухая, уподобляются, по выражению В.И.Вернадского^[131], геологическим переворотам малого масштаба.

Однако, прежде чем перейти к непосредственному описанию явления, необходимо окинуть взглядом если не историю, то хотя бы современное состояние вопроса, потому что дискуссия о соотношении природы и общества в последние годы приобрела острые формы^{[132] [133] [78] [134]}.

Обобщая разнообразные в деталях взгляды наших современников, можно выделить три точки зрения: 1) «единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям^{[135] [136]}; 2) некоторые историки и этнографы считают все проявления, связанные с человечеством социальными, делая исключение лишь для анатомии и отчасти, физиологии^{[135] [137] [138] [139] [140] [141]}; 3) в антропогенных процессах разделяются проявления общественной и природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи^[134]. Эта концепция представляется автору единственно правильной и плодотворной.

В самом деле, не только внутри больших коллективов – этносов, непосредственно влияющих на земные ландшафты^{[127] [118]} и, следовательно, существующих не в качестве абстракции, а вполне реально, но и внутри одной человеческой особи наблюдается постоянное сопряжение всех форм движения материи. Если даже считать, что все детали поведения человека диктуются его социальным окружением, то генетический код зародыша – явление биологическое, а повышенное выделение адреналина – химическое. Но ведь и то и другое весьма влияют на характер деятельности человека.

Но равным образом неправильно распространять закономерности природы на техносферу, т. е. на создания рук человека. В отличие от прочих животных гоминиды – синантроп, палеоантроп и неолит – научились изготавливать орудия, сначала деревянные и каменные, потом металлические и, наконец, из искусственных материалов – пластмассы. Созданные человеком орудия, одежда, дома, произведения искусства, согласно определению акад. С.В.Калесника^[132], выпадают из цикла конверсии биоценоза, потому что они не имеют самостоятельного развития, а могут только разрушаться. Постоянное возобновление и расширение техносферы Земли есть плод особой формы развития материи – общественной, никаким животным несвойственной. Поэтому встают два тесно связанные вопроса: **где проходит граница между общественным и природным развитием внутри этноса, и какую роль в этом сочетании играет энергетический момент**, равно важный для природы и общества?

Разобрать проблему во всех деталях в краткой статье нет возможности, да, пожалуй, и необходимости. Достаточно показать наличие в этнической целостности как таковой социальных институтов, развивающихся в общественной форме движения материи, и биологических признаков, определяющих устойчивость и изменчивость этноса как популяции. Забегая вперед, скажем, что обе эти группы явлений дополняют друг друга, но оставляют зазор, заполняемый той самой энергией, которую мы описали как ландшафтогенный и этногенный факторы^[130],^[124]. Эта энергия открыта и описана В. И. Вернадским^[131, стр. 284] как **биохимическая энергия живого вещества биосферы, способная производить работу, а способ ее воздействия на деятельность людей раскрыт нами как эффект пассионарности**^[142], и там же показана его роль в этнической истории человечества. Здесь мы переходим к уточнению высказанного тезиса.

Анализ **взаимодействия этноса** как самостоятельного явления с **ландшафтом**, показал, что оба **они связаны обратной зависимостью**, но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором. Неоднократно делались попытки усмотреть в антропосфере один из вариантов простых биологических закономерностей. Действительно, биология кое-что в этнических явлениях объясняет. Но что и все ли? Посмотрим! **Сопоставление этноса с организмом неправомерно. Функции организма стоят вне социальных законов, этнос же постоянно взаимодействует с ними. Организм обязательно производит потомство и**

также обязательно гибнет, тогда как есть этносы-персистенты, исчезающие лишь вследствие экстерминации (заразной болезни или прямого истребления соседями), и каждый этнос не повторим. Короче говоря, этнос это специфическая конструкция человеческого коллектива, не идентичная ни расе, ни обществу, в историческом процессе сопрягающаяся с социальными закономерностями в многообразных вариантах, зависящих от многих посторонних причин и образующая суперэтнические «культуры».

Польский философ (и не только романист) С.Лем в специальной работе пишет: «Культура определяется факторами физического, биологического, социального, техноэкономического характера. Если все эти детерминанты выровнены величинами, то равняется ли нулю пространство для «чисто культурной вариации» или все же остается какая-то полоса свободы? Антропологическая компаративистика показывает, что такое пространство существует и в нем проявляется уже чисто культурная изменяемость форм и смыслов»^[143, стр. 51]. Однако **чем же заполнена «полоса свободы»?** Очевидно, **действиями особей, обладающих правом и возможностью выбора решений.** Пусть так, но для самих действий, являющихся в физическом смысле работой, **нужна энергия, преломленная через психофизиологию особи, т. е. та самая пассионарность.** Итак, если уподобить социальный и биологический аспекты сторонам монеты (орлу и решке), то пассионарность и ее проявления будут самим металлом, на котором отпечатаны те и другие фигуры.

При прямом наблюдении нам доступно лишь описание этих изображений, как очевидно, не отражающее сущности прикрываемого ими наполнения (например, процентное отношение элементов сплава, из которого отлита монета). Познание же глубинных явлений может быть достигнуто только путем «эмпирического обобщения»^[76, стр. 19]. Поэтому спор о том, что важнее орел или решка (в нашем случае «единая» география или всеобъемлющая социология), беспредметен. Больше того, он не конструктивен, так как в обоих случаях имеет место неосознанное стремление к упрощению задачи, поставленной перед учеными, т. е. некоторая профанация, при которой само исследование теряет смысл, ибо результат его будет заведомо неполон и, значит, неверен, однако для достижения понимания анализ необходим. Поэтому мы пойдем не путем отбрасывания компонентов явления, не укладывающихся в прокрустово ложе предвзятой идеи, а попытаемся уяснить место и роль каждого из них, что, в конце концов, приведет к цели исследования – синтезу, после чего станет ясно, что противоречие между социальным, биологическим и географическим подходами мнимо.

Возьмем простейший вариант – одну человеческую особь. Анатомия, физиология и психология в человеке переплетены тесно, и так зависят друг от друга, что при нашем анализе нет нужды в расчленении этих сторон человеческого бытия. Ясно, что человек – существо социальное, ибо его личность формируется в непрестанном общении с другими людьми и предметами, созданными руками его предков (техника). Так, а сперматозоид? Эта «персона» чисто биологическая. Однако связь человеческой личности с собственным зародышем несомненна, и, следовательно, само тело человека, включая высшую нервную деятельность (психику), является лабораторией, где сочетаются общественная и природные (механическая, физическая, химическая и биологическая) формы движения материи.

Но, даже пройдя инкубационный период и полностью войдя в социальную среду, человеческая особь подчиняется некоторым естественным закономерностям. Периоды полового созревания и старения зависят не от ступени социального развития, а от наследственности признаков, выработанных в процессе внутривидовой эволюции. Например, у *народов тропического пояса* половое созревание наступает раньше, чем у *северян*; быстрота реакции у *негроидов* выше, чем у *европеоидов* и *монголоидов*; сопротивляемость некоторым болезням, например, кори, у *полинезийцев* ниже, чем у *европейцев*, и т. д. К социальному развитию эти особенности не имеют никакого отношения, но на поведении людей разных стран сказываются. Происхождение этих различий бесспорно связано с адаптацией предков тех или иных популяций в разных географических условиях и образованиях этносов, как минувших, так и ныне живущих. Именно накопление признаков, возникших в результате длительных процессов адаптации, создает этническое многообразие при прохождении человечеством одинаковых ступеней развития – общественно-экономических формаций.

Итак, признав за этнологией самостоятельное место в системе научных дисциплин, определяемое как предметом изучения, так и своеобразным аспектом, мы должны предложить первичную таксономию для единиц, являющихся эталонами. При этом нужно учесть динамику развития, так как перед нами не стабильные величины, а процессы. Кроме того, классификация должна быть универсальна, хотя может быть предельно проста. И, наконец, она должна вытекать из принятого нами постулата, т. е. отражать не случайные черты, а глубинную сущность явления. Негативный разбор аспектов, не удовлетворяющих перечисленным требованиям, был сделан нами ранее [\[37\]](#) [\[125\]](#), что до известной степени облегчает нашу задачу [\[прим. 21\]](#).

Каждый этнос имеет свою внутреннюю структуру, проявляющуюся в нюансах расстановки социальных групп ^[125, стр.16]. Приравнивать эти группы к классам нельзя, так как этносы существуют и в доклассовом обществе. Как показал пример Советского Союза, они не исчезают и при социализме, принимая формы социалистических наций.

Даже немногочисленные племена *Северной Америки* и *Австралии* делились на экзогамные тотемные группы, например кланы ворона и медведя у *тлинкитов*. **Недифференцированные этносы** встречаются, но **обычно они находятся в фазе этнического упадка, что всегда связано с упрощением внутренней структуры.** Но **хотя социальные формы соприсутствуют в этнических процессах, ими не исчерпывается вся сложность этногенеза.** Ведь тогда этнография была бы просто разделом социологии, а общества, принадлежащие к одной формации, допустим рабовладельческой, вели бы себя одинаково. Но *китайская античность* имеет различия не только с *эллинской*, но и *японской*, *индийской* или *египетской*. **Социальная схожесть не уничтожает этнической оригинальности.**

Попытки интерпретировать этнос как явление только и исключительно социальное делались и делаются, но при логическом, последовательном завершении приводят к заведомо абсурдному выводу, что этноса как явления вообще нет. В самом деле, без привлечения данных естественных наук этническая целостность совпадает либо с единым социальным уровнем развития, либо с духовной или материальной культурой ^[144]. Но приложимы ли эти мерки к этнической целостности? Мы уже показали, что этногенез, как глобальное явление, всего лишь частный случай общей эволюции ^[130], но эта «частность» крайне важна, ибо, ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных способностей, мы вправе спросить себя: **а что же их влечет друг к другу?** Очевидно, что **принцип сознательного расчета и стремления к выгоде отсутствует**, так как **первое поколение пассионариев сталкивается с огромными трудностями – необходимостью сломать устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на месте их установить новые, отвечающие их запросам.** Это дело **всегда рискованное, и зачинателям редко удается воспользоваться плодами победы.** Также не подходит принцип социальной близости, потому что **новый этнос уничтожает социальные институты старого.** Следовательно, человеку, **чтобы войти в новый этнос в момент становления, нужно деклассироваться по отношению к старому.** Именно так зарождались на *Семи холмах* волчье племя *квиритов*, ставших *римлянами*, конфессиональные общины *ранних христиан* и *мусульман*,

дружины викингов, оседавшие в Шотландии или Исландии, монголы в XIII в., да и все, кого мы знаем. Уместнее применить другой принцип – **комплиментарность, связанный с подсознательной взаимной симпатией особей.** На основе этого принципа заключаются браки по любви, но нельзя ограничивать **комплиментарность** сферой секса, которая является лишь вариантом проявления этого принципа. В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается пассионарным напряжением, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты.

Итак, рождению любого социального явления предшествует зародыш, объединение некоторого числа людей симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Во что бы то не вылилась их судьба, она *conditio sine qua non est*. Такая группа может стать разбойничьей бандой викингов, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т. п., но общее, что можно вынести за скобки, – это **подсознательное взаимовлечение**, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. Поэтому эти зародышевые объединения можно назвать **консорциями** (*consortia*). Не каждая из них выживает; большинство рассыпается при жизни основателей, но те, которым удастся уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрастают социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной пассионарности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках, мироощущении, вкусах и т. п. Эту фазу комплиментарного объединения можно назвать **конвиксией** (*convixia*). Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но **сопротивляемость среде у них стремится к нулю**, и тогда они рассасываются среди окружающих консорций.

Примером такой эволюции может служить история русского старообрядчества. Начав с бурного эстетического протеста против того, что им казалось «дурным вкусом», воспринимаемым как кощунство, старообрядцы связали себя жестокой судьбой. В этой консорции оказались бояре и крестьяне, купцы и казаки, мещане и попы-вольнодумцы, но все они были равнодушны к принципам, для них дорогим. Сто лет они были

консорцией, но после того, как Екатерина II отменила преследование старого обряда, на Рогожском кладбище **создалась конвиксия**, тихая и неагрессивная. А еще **сто лет спустя**, после реформ Александра II, противопоставление *»староверов»* *никонианам* потеряло смысл, хотя по инерции существовало. Ныне же **исчезло и оно, сменившись противопоставлением теистов и атеистов. Цепочка связей, которую мы называли судьбой, закончилась, и началась новая.**

Принцип **комплиментарности** не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в **позитивной** (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в **негативной форме**. Как мы видели, **ведущую роль этот принцип играет лишь при отсутствии общественных форм бытия коллектива, но подчиненную**, он сохраняет и при наличии устойчивых социальных установлений. Это обстоятельство побуждает нас обратиться к рассмотрению второй стороны проблемы – биологической.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что **этнос и раса – понятия не только не совпадающие, но и несоизмеримые**. И не только потому, что гетерогенность – обязательное свойство этноса, или потому, что число этносов во много раз превышает число рас, но главным образом потому, что предметом расовой антропологии являются вариации физического типа человека ^[121, стр. 6], а этнология рассматривает характеристики стереотипов поведения у коллективов, имеющих общую судьбу, понимая под последней причинно-следственные связи исторических событий. Наблюдая социально-исторические формы проявления феномена этноса, мы используем информацию гуманитарных наук для целей естествознания.

Будучи явлением природы, этнос лишь связан с биологией позвоночных, но как явление восходит к биосфере в понимании В. И. Вернадского, т. е. к флуктуациям «энергии живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии». Эта энергия, преломляясь через особенности нервной деятельности подсознания, меняет вектор метаболизма и создает психический эффект, названный нами **пассионарностью**. Вспышки пассионарности, о причинах которых говорить преждевременно, создают изменения в популяциях и ведут к образованию специфических коллективов, которые мы называем этносами. Затухание инерции первоначального толчка ведет к исчезновению этноса как целостности, причем обычно значительная часть членов бывшего этноса сохраняет жизнь, но уже в составах других этнических целостностей. Равным образом возможно и существование этноса, пережившего активное состояние развития или этногенеза, в виде персистента (пережиточной формы) или реликта. Сейчас в нашу задачу входит установление характера

корреляции этногенеза (как элементарного явления, имеющего энергетическую природу) с историческими и биологическими сферами, граничащими с этногенезом. Критерием исследования для нас являются данные исторической географии, позволившие описать характер динамической связи этноса с ландшафтом и тем самым установить, что этнос не умозрительная категория, а объективная реальность с присущими ему закономерностями^[124],^[142].

Описанные нами четыре фазы этногенеза^[142, стр. 43-46] дают представление о характере и направленности тех формообразовательных процессов, которые создали наблюдаемое многообразие этносферы Земли^[130]. Механизм феномена как такового заключается в постепенной утрате пассионарного напряжения этнической целостностью. Утрата признака происходит вследствие либо естественного отбора, либо метизации и связанного с ней изменения состава генофонда. Если пассионарность есть действительно признак, то обе эти причины должны быть действительны, что мы и постараемся установить. Если же наше мнение не найдет подтверждения, то, значит, прав А. Тойнби, полагающий, что талантливость и энергия возникают сами, как только в них появляется нужда. В специальной работе мы высказали несогласие с гипотезой А. Тойнби, опираясь на несоответствие его взглядов с фактами^[127]. Теперь нам остается показать, на чем основана наша концепция и насколько она согласуется с данными смежных наук.

Дж. Б. С. Холден утверждает: «Заблуждение, что естественный отбор всегда должен делать особи более приспособленными в борьбе за существование. Это правильно для редкого и разбросанного вида, вынужденного защищать себя от других видов и неорганической природы. Но как только население становится плотным, отдельные представители вида вступают в соперничество друг с другом. Результаты этой борьбы могут быть биологически благоприятными для отдельных особей, но крайне вредными для вида»^[145, стр. 71]. Больше того, изменения, имеющие приспособительный характер «ведут к потере сложности строения или к редукции органов»^[145, стр. 82], что ослабляет вид в борьбе за существование.

Насколько применимы эти положения к людям? Как к обществу – отнюдь, ибо общественная форма движения материи создает техногенную сферу, неспособную к природному саморазвитию, а, следовательно, и к дегенерации. Творческие силы членов общества кристаллизуются в культуре, архитектуре, произведениях искусства, даже в научных трактатах, но члены этноса продолжают взаимодействовать с природой, стремиться либо к расширению ареала, либо к поддержанию гомеостатического

равновесия^[130] и терять признаки, т. е. способности, свойственные их предкам, как полезные, так и вредные. Это диалектическое сопряжение общественной и природных форм движения может быть прослежено в этнической истории человечества, развивающейся параллельно истории социальной, как единство противоречия. Как мы уже показали, эволюция внутри вида *Homo sapiens* не прекратилась, хотя и приняла своеобразные формы, превратившись из филогенеза в этногенез^[130, стр. 84–93]. При этом осталась весьма важной роль естественного отбора как стабилизирующего фактора, удаляющего из популяции экстремальные особи и уменьшающего ее генетическое многообразие^{[146, стр. 41–44, 253–255]; [147, стр. 238]}. Устойчивость же определяется традицией, которая осуществляется путем механизма «сигнальной наследственности», особенно ярко проявляющейся у вида *Homo sapiens*, обладающего второй сигнальной системой – речью^[95]. Таким образом, мы имеем основание рассматривать антропосферу Земли, включая созданную людьми технику, домашних животных и культурные растения, как нечто целое (хотя и мозаичное, из-за этнического разнообразия), в двух аспектах: социальном и природном. Стремление же подменить один из этих аспектов другим – не более чем попытка профанации, обреченная на неудачу при интерпретации фактического материала. Сосредоточим наше внимание на природной стороне этногенеза. Нами было показано, что для возникновения нового этноса необходимо мощное усилие определенного числа людей, ломающих старые стереотипы поведения и устанавливающих новый, часто ценой собственной жизни. Способность к этой целенаправленной деятельности мы назвали пассионарностью и интерпретировали как флуктуацию «биохимической энергии живого вещества», описанную В. И. Вернадским^[142, № 2, стр. 43–50]. С точки зрения биолога, пассионарность – признак и притом наследственный, о чем свидетельствует течение любого процесса этногенеза. Они столь схожи, что есть возможность построить схему или модель.

Для нового этноса необходимо сформироваться, а если в этот период он становится мишенью для еще сильного окружения, то легко может погибнуть, не набрав сил для сопротивления среде. Но это последнее обстоятельство относится к случайностям исторической судьбы, а не к исследуемой нами закономерности. Рождение этноса нашими методами установить невозможно, потому что единственным материалом является поведение коллектива, а оно фиксируется историей лишь тогда, когда первое поколение созреет и проявит себя. Этническая молодость связана с наибольшей деятельностью, которая не всегда оставляет следы в материальной культуре, особенно когда активность идет по пути

завоевательных походов. Поэтому археологи могут зафиксировать только фазу этнического становления, когда этнос успел сложиться и приобрести характерные индивидуальные черты. Но для этнолога важен именно момент сложения, механизм взрыва пассионарности, который является обязательным для возникновения процесса этногенеза. По отношению к истории народа первый динамический период, как правило, является инкубационным. Для того чтобы коллектив с новым стереотипом поведения оказал заметное влияние на ход исторических событий, необходимо известное количество особей нового типа и немалое. Следовательно, первичная популяция должна иметь время и возможности для интенсивного размножения. Однако поскольку этногенетический признак всегда один и тот же, способность к сверхнапряжениям, жажда активности – то, что названо пассионарностью, особи нового склада совершают не только героические подвиги, но и злодеяния, и жизнь в стране, ими населенной, становится трудновыносимой. Лучший выход при избытке пассионарности – расширение ареала. В древности это были походы в соседние страны, а в наше время – освоение космоса. Излишний для поддержания системы активный элемент отливает, благодаря чему уровень напряжения понижается до оптимума и становится возможной созидательная деятельность. Так кристаллизуется культура того или иного этноса, а чаще их группы – суперэтнической целостности.

Описанный процесс характерен не только для пассионариев, но и для всей этнической группы, включая, самые пассивные особи. Их мысли, чувства, настроения и т. п. звучат в унисон с чувствами и мыслями их активных соплеменников. Вообще деление на активных и пассивных членов этноса условно, потому что переход между полюсами активности и пассивности плавен и еще потому, что без пассивных помощников пассионарии не в состоянии осуществить ни одного из своих замыслов. Этнос в этот период действует как целое.

Затем идет период утрат, который обусловлен не только внешними обстоятельствами, но и самим диалектическим развитием. Во-первых, понижение уровня напряжения происходит из-за постоянной гибели активных членов этноса; во-вторых, из-за упрощения этнической конструкции, вследствие чего создается кажущееся повышение активности, как правило, нетворческое. Эта вторичная активность является не следствием пассионарности (способности к сверхнапряжениям), а, наоборот, повышенной импульсивности, отсутствия моральных задержек, что правильнее назвать не признаком, а утратой признака. Особи этого склада не могли бы выжить и дать потомство, если бы в течение предшествовавшего периода не создавались особо благоприятные условия

для выживания любого члена этноса. Субпассионарии не могут ни создавать, ни поддерживать достижения культуры и потому становятся жертвами либо соседей, либо самих себя.

Не только враждебные, но и мирные взаимоотношения между этносами отражаются на их судьбе. Речь идет о межэтнических браках, т. о проблеме экзогамии. Не только изолированные племена, но и большинство современных этносов-наций – практически эндогамны, так как «более 90% их членов заключает гомогенные в этническом отношении браки»^[144, стр. 54-55]. Роли эндогамии разнообразны: стабилизация традиции, ибо эндогамная семья – главный источник культурной информации, генетический барьер, придающий этносу характер популяции, отграничение от соседних этносов, что в пределе создает этносы-изоляты, наконец, замедление убывания пассионарности, приводящее к преобладанию гармоничных особей над субпассионариями. Можно было бы считать эндогамию нормой существования этноса, но она только оптимальное условие его консервации, а процессы этногенеза связаны с пароксизмами экзогамии.

Арабы первых веков хиджры (VII – IX вв. к. э.) составляли гаремы, а если это стоило дорого, давали надоевшим женам легкий развод. Большая часть их жен и наложниц, либо покупалась на невольничьих рынках, либо приводилась из побежденных стран в числе добычи. То же явление имело место в османской Турции XIV – XIX вв. и в Монголии XIII в., куда вследствие побед Чингиса и его наследников было пригнано много пленниц и пленников. Экзогамия в эти эпохи преобладала над нормальной эндогамией, не только в отношении мужчин-победителей, но и женщин победившего этноса, ибо во время долгого отсутствия воевавших мужей дамы заводили фаворитов из числа пленников или ренегатов.

Но к чему ведет экзогамия? К нарушению этнических традиций, ибо мать учит ребенка одним навыкам (в том числе языку), а отец – другим. Создается смешанный генофонд, в некоторых случаях дающий жизнеспособное потомство, а во многих – неполноценное, могущее поддерживать уровень жизни лишь за счет богатств, накопленных предками, и, наконец, размываются межэтнические барьеры, вследствие чего этносы деформируются, а иногда ассимилируются друг с другом. Но самое главное, государства и другие общественные институты, создаваемые экзогамными этносами, недолговечны.

Примем за эталон продолжительности процесса этногенеза со всеми фазами римский этнос – 900 лет и византийский – 1300 лет, не считая персистентного прозябания фанариотов. И там и тут моногамная семья с учетом необходимости избегать неравных браков уравнивала инкорпорацию иноплеменников. При этом даже межэтничные браки, как

правило, заключились между членами одного суперэтноса, что является в какой-то мере эндогамией. Мусульманско-арабский этнос, при развитой экзогамии, обессилел за 300 лет, а окончательно потерял свое государство в 1256 г., т. е. за 500 с небольшим лет.

Османский этнос возник в середине XIV в., вступил в кризис в конце XVI в. и окончательно развалился в начале XX в. Нынешняя Турция возрождена турками из глубин Малой Азии, потомками сельджуков, завоеванных Магометом II в XV в., а не османов, локализованных в городе Стамбуле и европейской Турции (Фракии)^[148, стр. 266 и сл.].

Еще разительнее пример Монголии. До XII в. монголы были маленьким племенем, затерянным среди прочих кочевых племен. В середине XII в. монголы возглавили борьбу кочевников против победоносных чжурчжэней, покоривших в эти годы половину Китая. Численный перевес был у чжурчжэней, но победили монголы. Почему? Видимо, был какой-то довесок, по нашему мнению, – растущая пассионарность. С 1135 по 1229 г. монголы объединили всю Великую степь, от Желтого моря до Каспийского. Это была их фаза становления. Затем начались далекие походы. С 1230 по 1260 г. были покорены Северный и Западный Китай, Передняя Азия и Восточная Европа. Количество рабов, рабынь, ремесленников, мобилизованных воинов, духовных лиц, купцов и просто авантюристов, хлынувших в Монголию, почти удвоило ее население. Наступила неизбежная панмиксия. Ее последствием были, распадение Монгольского улуса на четыре части, поражения на границах, внутренние войны. Эпоха исторического существования закончилась к началу XIV в. За это время монголам удалось только завершить покорение Южного Китая, да и то потому лишь, что там было еще менее благополучно. Эпоха упадка затянулась до 1691 г., когда сейм монгольских нойонов признал нецелесообразным сохранение независимости и подчинил свой народ маньчжурскому Богдо-хану. Итак, весь динамический Цикл этногенеза уложился в 556 лет, причем три четверти этого срока падают на эпоху упадка.

За этот период панмиксии изменился даже антропологический тип халхасских монголов. Появилось много узколицых с высокими носами. Былая крайняя монголоидность сохранилась на периферии Монгольской империи у бурят^[69, стр. 295-312]. Еще больше изменился психический склад: появилась апатия, склонность к созерцательной жизни; короче говоря, произошло резкое снижение пассионарности, затянувшееся до XIX в.

Подъем начала XX в. следует рассматривать как начало нового цикла этногенеза, связанного с включением Монголии в орбиту советского суперэтноса.

Однако не следует думать, что гетерогенная популяция, возникающая вследствие исторических перипетий, всегда неполноценна. В некоторых случаях именно сильно смешанное в этническом отношении население того или иного региона вдруг сливается в новый этнос, с оригинальным стереотипом поведения. Таковы были по преданию первые римляне, первые христианские общины, из которых создался византийский этнос. Галлия, перед тем как превратиться во Францию, представляла собой поприще многих племен, как местных, так и пришлых. Раджпуты VII в., создавшие средневековую Индию, были смесью из аборигенов долины Инда и пришлых саков, кушан и эфталитов. Северокитайский этнос создался в VI в. путем слияния местного населения и пяти варварских народов, поселившихся в долине Хуанхэ. Короче говоря, новый этнос возникает из обязательного смешения нескольких этнических субстратов, но не всегда. Это значит, что взрыву пассионарности (или пассионарному толчку) сопутствует какой-то дополнительный фактор, без которого процесс не может начаться. Этот вопрос настолько важен, что ему надо посвятить отдельное описание.

Таким образом, отмеченная связь пассионарности этноса с эндогамией показывает, что пассионарность лежит не в сфере общественной, а свойственна этносу как популяции ^[прим. 22]. Значит, она признак и притом наследуемый, что вытекает из убывания пассионарности при больших потерях от войн или эпидемий. Поскольку причиной пассионарности особи является «энергия живого вещества биосферы», то ее, как и порождаемый ею феномен этноса, следует отнести к природной форме движения материи, находящейся в зазоре между общественной и биологической сферами. Факт существования пассионарности установлен путем изучения истории и исторической географии, но для объяснения ее особенностей следует передать эстафету исследования генетикам и антропологам, задачей которых должен стать диагноз признака. Что же касается его географической обусловленности, то этому вопросу будет посвящена следующая статья.

Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XI)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". – 1971. – N 12. вып. 2. – С. 86-95.

Постановка вопроса об этносе как элементе одной из оболочек Земли ^[118], ^[124], ^[130], ^[142] вызвала разнообразные отклики, из которых самым значительным следует признать концепцию проф. М.И. Артамонова, сформулировавшего свой тезис необычайно четко: «Этнос – социальная категория», «этнос не социальная организация, а аморфное состояние», «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина» ^[149]. Согласиться невозможно ни с чем.

Начнем с конца. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. М.И. Артамонов не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, или он может не есть или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, применяется к изменяющейся среде и изменяет среду, приспособлявая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в составе их создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля.

Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную прослойку – техносферу ^[134, стр. 59]. Произведения рук человека, социальные институты и идеологические системы выпадают из цикла природных изменений. Они могут лишь либо сохраняться, либо разрушаться ^[132, стр. 94]. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. Брошенный в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одиравшая собака делается диким зверем динго, а лошадь – мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее материала. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники ^[117], но в конечном счете берет свое ^[130].

Мы предложили решение: глобальное развитие относится к социальной форме движения материи и проявляется в техническом прогрессе, определяющем смену способов производства, демографическом взрыве, расширении ареала вплоть до Луны, хотя на ней адаптация человека невозможна, и, самое главное, в смене общественно-экономических формаций^[150]. Именно этому учит исторический материализм. А стремление к адаптации отражает биохимическую форму движения материи, сопричастность *Homo sapiens* к биосфере^[151]. Можно сказать, что не только этнический коллектив или «социальный организм»^[152], а и каждый отдельный человек – лаборатория, в которой работают все формы движения материи: механическая, химическая, биологическая и общественная, – но каждая играет свою роль. Способы корреляции всех форм движения предложены акад. С.В. Калесником^[53] и дают при изучении антропосферы Земли прекрасные результаты. Именно благодаря им отброшена «прописная истина», будто «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень». Это заблуждение, основанное на незнании принципов геобиоценологии и дорого стоившее человечеству. Но и оно возникло не случайно.

Теперь о понятии «состояние». Оно имеет место и в природе, и в обществе. В природе состояний четыре: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Переход молекулы косного вещества из одного состояния в другое происходит путем несколько большей затраты энергии – скрытая теплота плавления или парообразования, – т.е. небольшим рывком, причем процесс обратим. В живом веществе биосферы такой переход связан с гибелью организма и необратим. Это могло бы значить, что для организма есть только два состояния: жизнь и смерть, но поскольку смерть есть уничтожение организма как целостности, то называть этот момент перехода «состоянием» нелепо. Что же касается жизни организма, то это тоже не «состояние», а процесс: от рождения через акматическую фазу, при которой идет размножение, до смерти. Аналогом процесса жизни в косном веществе является кристаллизация минералов и последующая их метаморфизация в аморфные массы.

Исследуя «состояния» и «процессы», мы применяем всегда разную методику. Для «состояний» – классификацию по любому произвольно принятому принципу, удобному для обозрения явления в целом. Для «процессов», особенно связанных с эволюцией или формообразованием, необходима систематика, основанная на иерархическом принципе – соподчинении сходных, хотя и не идентичных, групп разного ранга. Такова систематика Линнея, усовершенствованная Ч. Дарвином. Иерархический характер системы органического мира обусловлен ходом и характером

эволюционных процессов, неотделимых от жизни и обязательных для нее. Но как только жизнь замирает, возникает «состояние», более или менее быстро разъедаемое воздействием среды, хотя бы последняя состояла из других мертвых «состояний», также подверженных необратимой деформации. Значит, для организма, в том числе человеческого, есть только один способ попасть в «состояние» – стать мумией, а для этноса – археологической культурой.

Иное дело техносфера и связанные с ней производственные отношения. Здесь «состояния» есть. Из трактора легко сделать утиль, а из утиля трактор. Надо только затратить некоторую (увы, немалую) энергию. Есть «состояния» и в социальной жизни. Ныне они именуются «гражданскими состояниями», а раньше их называли сословиями (*etat*). В переносном смысле можно назвать «состоянием» классовую принадлежность, но надо помнить, что она – продукт производственных отношений и производительных сил, т.е. тоже техносферы. Это состояние крайне неустойчиво. Воин, попавший в плен, становился рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала. Для иерархического принципа в судьбе такого человека нет ни места, ни надобности; здесь достаточно простой фиксации.

Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность?

Прежде всего, этносы появляются, проходят акматическую фазу, превращаются в реликты и исчезают. Этот процесс – этногенез – направлен по ходу времени и необратим. Для перехода из одной фазы в другую, скажем от становления к упадку, не требуется дополнительных затрат энергии, так как здесь достаточно инерции первоначального толчка^[118]. Уже это одно показывает, что этнос не «состояние» (тем более гражданское), а процесс. Аберрация, питающая концепцию «состояния», связана с отсутствием у наблюдателя исторической перспективы. Полное затухание процесса этногенеза, без посторонних нарушений, укладывается в 1200-1500 лет^[124], тогда как научный сотрудник посвящает плановой теме года два, много – три. Поэтому минувшее представляется ему калейдоскопом, без системы и закономерности, и он, зафиксировав несколько изменений в ограниченном регионе и одной эпохе, видит только скопище «состояний», не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени. Так, до появления геоморфологии люди не связывали наличие террас с эрозионной деятельностью текущих где-то внизу рек, а горы считали вечными, чуть ли не изначальными формами рельефа. Увы, все доказательства в науке действительны лишь при определенной степени

эрудированности оппонента. Даже гелиоцентрическая система Коперника-Кеплера убедила лишь тех, кто в XVII в. достаточно знал астрономию, а открытие Г. Менделя было повторено де Фризом^[153].

Вторым аргументом против концепции «состояния» является размытость границ между этносами в зонах этнических контактов. Если гражданское (т.е. социальное) состояние меняется лишней записью в личном деле, например: пожалование дворянства, разжалование в солдаты, продажа в рабство, освобождение из неволи и т.п., – то смешивание народов в долине Хуанхэ, или в Константинополе, или в Северной Америке – всегда процесс мучительный, долгий и весьма вариабельный в том смысле, что результаты метисации часто оказываются неожиданными и уж всегда неуправляемыми.

На постоянно возникающий вопрос: полезна или вредна метисация этносов? – придется дать уклончивый ответ: как когда, смотря для чего и кому как. Это значит, что проблема контакта сложна и упрощение ее обесмысливает. Но дать разумный ответ при соблюдении определенных условий можно. Первое условие – замена этнической классификации этнической систематикой. Классификация может быть проведена по любому произвольно взятому признаку: по языку, расе, религии, роду занятий (земледельцы, скотоводы, охотники), принадлежности к тому или иному государству (подданство). В любом случае это будет условное деление, не заложенное в природе вещей. Систематика же отражает именно последнюю, исследуя как предмет человечество с техникой и domestикатами (ручными животными и культурными растениями). Крупнейшей после человечества (как аморфной антропосферы – одной из оболочек Земли) единицей является суперэтнос, т.е. группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность^[142].

Основная таксономическая единица – этнос, в принципе большая замкнутая система с динамическим стереотипом поведения и оригинальной внутренней структурой, меняющейся в зависимости от прохождения фаз этногенеза. Субэтнос – элемент структуры этноса, взаимодействующий с остальными. При упрощении системы в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного, что знаменует персистентное (пережиточное) состояние этноса.

Еще меньше таксономические единицы: консорции (группа людей, объединенных одной исторической судьбой) и конвиксии (группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями), входящие либо в ядро этноса, либо в один из субэтносов^[125]. Консорции, под которыми понимаются нестойкие объединения разного рода: кружки, артели, секты, банды и т.п., – возникают и исчезают быстро, иногда существуя

несколько месяцев. Становясь конвиксиями, они живут несколько поколений, пока их либо не разьет экзогамия^[154], либо не перетасует сукцессия, т.е. резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие вырастают в этносы.

Принадлежность к тому или иному разделу таксономии определяется не идентичностью особей, чего в природе никогда не бывает, а степенью сходства в определенном аспекте на заданном уровне. Так, например, люди – млекопитающие, хотя и не зайцы, но зайцы к людям ближе, чем крокодилы. На уровне суперэтноса, для примера возьмем XIII в., мусульмане (араб, перс, туркмен, бербер) были между собой ближе, чем к членам западнохристианского суперэтноса – «франкам», как называли всех католиков Западной Европы. С другой стороны, француз, кастилец, шотландец, швед в XIII в. были ближе между собой относительно мусульман или православных. На уровне этноса французы были между собой ближе, чем по отношению к англичанам. Это не мешало бургундцам поддерживать Генриха V и брать в плен Жанну д'Арк, хотя они понимали, что идут против своих. Но ни в коем случае не следует сводить все многообразие видимой истории к осознанию исторического единства, которое лишь *иногда* является главным фактором, определяющим поведение человека. Зато наряду с прочими оно сопричастно *всегда*, и это дает основание отнести его не к вариациям исторического процесса, а к природе человека как вида.

Разумеется, этническая систематика отличается от социальной классификации. Лишь изредка они совпадают. Употребление той или другой зависит от аспекта исследования, т.е. угла зрения, с которого рассматриваются цепи исторических событий. Последний же отвечает задаче, поставленной перед исследователем, выбирающим также степень приближения, отвечающую его целям^[155]. Поскольку сейчас нас занимают проблемы не социологические, не технологические и не психологические, отражающиеся в изящном искусстве, а тема этногенеза, то мы и разработали систематику, пригодную для ее разрешения.

Возвращаясь к проблеме этнических контактов, необходимо прежде всего ставить вопрос об уровне, на котором контакт осуществляется. Сочетание двух и более консорций или конвиксий нестойко. Оно ведет или к распаду, или к образованию стойкой формы субэтноса. Там проблема смешения трактуется как «неравный брак» с особой «не нашего круга», причем ступень социальной лестницы часто не имеет значения. Так, еще в XIX в. казаки рассматривали брак с крестьянами или дворянами как «неравный», хотя последние были богаче их и знатнее казаков. Как на это похоже отношение курдов к персам и армянам. Нищий пастух-курд не

решается представить родным жену-персиянку, если не будет известно, что у нее пышная генеалогия. Также сохраняли себя албанцы в Османской империи, баски – в Испании, шотландцы-гайлендеры – в Великобритании, патаны – в Гиндукуше. Они образовывали с другими субэтнотами стойкие этнические целостности на основе симбиоза, укрепленного эндогамией. Чем сложнее и разветвленное была такая этническая целостность, тем она была крепче и резистентнее.

Иное дело сочетание двух и более этносов в едином социальном организме. Это ксении, принужденные жить вместе, мирящиеся с фактом сосуществования, но тяготящиеся друг другом. Такова Бельгия, куда валлоны и фламандцы оказались задвинуты, как жильцы в коммунальную квартиру. Такова Канада, где англичане, французы, франко-индейские метисы, а теперь еще славяне сосуществуют, но не сливаются и не делят функций, что свойственно симбиозам. Аналогичное положение в Скандинавии кончилось отпадением Норвегии от Швеции, что пошло на пользу той и другой.

Но еще болезненнее контакт двух и более суперэтносов. Тогда часто происходит не только этническая аннигиляция, но и демографический спад, попросту сказать, вымирание от невыносимых условий существования или физическое истребление слабой стороны. Такие ситуации возникали в США – отстрел индейцев с платой за скальп, в Бразилии во время каучуковой лихорадки, в Австралии при захвате ее англичанами и в долине Желтой реки, где цивилизация Древнего Китая сталкивалась с культурой кочевников Великой Евразийской степи. На этом моменте следует остановиться подробнее.

С III в. до н.э. до конца III в. н.э. земледельческий Китай и Великая степь, населенная скотоводами-хуннами, существовали рядом^[15]. Каждый этнос жил в своем ландшафте, но в совокупности с соседями входил в суперэтнические конструкции кочевой культуры и дальневосточной цивилизации. И та и другая были полиэтничны. В кочевой мир входили, кроме хуннов, сяньбийцы (древние монголы), цяны (кочевые тибетцы), малые юечжи, усунь, кыпчаки и другие племена. В Китае, кроме китайцев, жили аборигены: жуны, ди, мань, и, юе, принадлежавшие по языку к тибето-бирманской, тайской и малайской группам^[156]. Продолжительность существования этих суперэтносов, связанных общей культурой, давала повод современникам рассматривать себя как «состояния», но на самом деле это были медленно текшие процессы. Объединение китайского суперэтноса в государство и обострение классовых противоречий, ставших антагонистическими в III в. до н.э., унесло свыше 60% жителей, а распадение этой империи в III веке н.э. – свыше 80%.^[прим. 23]

В конце III в. обезлюженная и обнищавшая страна была объединена династией Цзинь. В III в. население Китая исчислялось в 7,5 млн. человек вместо бывших 50 млн. Потом, к IV в., возросло до 16 млн.

В степи господствовал родовой строй, и разложение его шло столь медленно, что не причиняло большого ущерба кочевникам. Зато их угнетало усыхание степи, начавшееся в I в. и к III в. дошедшее до максимума. Сокращение пастбищных угодий заставило хуннов и сяньбийцев жаться к рекам Хуанхэ и Ляохэ и входить в контакт с китайцами. Поскольку земли лежали в запустении, правительство Цзинь допустило поселение на границе 400 тыс. кочевников и около 500 тыс. тибетцев разных племен. Китайские политики III в. считали, что этническая принадлежность – социальное состояние и численно ничтожное вкрапление нетрудно ассимилировать: князей обучить культуре, а племена превратить в податное сословие.

Расчет был дерзкий и плохой. Родовичи терпели произвол чиновников и эксплуатацию землевладельцев, но не превращались в китайцев: князья выучили иероглифику и классическую поэзию, но при удобном случае, наступившем в 304 г., вернулись к соплеменникам и возглавили восстание, ставившее целью «оружием возратить утраченные права»^[18]. Ложная теория, примененная к действительности, вызвала катастрофу.

В 316 г. 40 тыс. хуннов захватили весь Северный Китай, в том числе две столицы, двух императоров и все накопленные богатства. Китайцы были загнаны на берега Янцзы, в то время окраину Китая, и были вынуждены в тропических джунглях смешиваться с племенами мань, что весьма преобразило их облик и психический склад. Там пошел особый процесс этногенеза, создавший впоследствии южнокитайский этнос. А оставшиеся на родине китайцы смешались с хуннами... и тем погубили их. Уже дети победителей – хуннов и китайцев – забыли о нравах степного кочевья. Воспитанные в дворцовых павильонах, они сохранили энергию и мужество, но утратили ощущение своего, чувство локтя и императив верности. Распри подорвали их силы, а ведь до этого их отцы умели жить в согласии. Внуки превратились в избалованных куртизанов, забавлявшихся людоедством и предательством близких. Уже не было речи о наступательных войнах, даже при обороне хунны стали терпеть поражения. Наконец, в 350 г. приемный сын императора, китаец, убил своих братьев, наследников престола, и, взяв власть в свои руки, приказал перебить всех хуннов в государстве. Это было исполнено с таким рвением, что погибло много бородатых и горбоносых китайцев. Геноцид не спас узурпатора. Сяньбийцы-муюны разбили китайское войско и казнили его самого. Китайцам не помогло численное превосходство; они тоже потеряли традиции былой военной доблести вместе с национальной культурой.

Муюнов постигла судьба хуннов. Они окитаились и были побеждены степными табгачами. Те сначала консолидировали вокруг себя кочевников (смещение на уровне этнической метисации), но потом, на свою беду, завоевали Хэнань, где жило монолитное китайское население. К концу V в. они смешались с китайцами так, что их хан, приняв титул императора, запретил родной язык, табгачскую одежду и прическу, а также родовые имена. Деэтнизированная масса подданных стала жертвой авантюристов-кондотьеров, низвергших династию и обескровивших несчастную страну, которую вдобавок опустошил голод, унесший около 80% людей^[157, стр. 1428]. Так повлияло на народы смешение двух суперэтносов, но оставшиеся в живых в IV в. *внезапно* объединились в новый этнос, называвшийся тогда табгач (сяньбийское название), употреблявший китайский язык (отличавшийся от древнего) и принявший иноземную идеологию – буддизм. Это была великая эпоха Тан, положившая начало средневековому китайскому этносу, потерявшему самостоятельность только в XVII в., когда Китай завоевали маньчжуры. Но это новый цикл этногенеза, относящийся к древнему, как Византия к Риму^[158].

Попробуем интерпретировать описанное явление. Если этносы – процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая ритм обоих компонентов. Складывающиеся на уровне суперэтносов объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны (см. таблицу). Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных. Таков общий механизм нарушения заданной закономерности, но он имеет исключения. Именно при разболтанности первоначальных ритмов *иногда* возникает новый ритм, т.е. новый этногенетический инерционный процесс. С чем это связано – мы пока говорить не будем, потому что это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его между делом. Да и к нашему спору он прямого отношения не имеет.

Таблица. Этническая иерархия.

	Порядок	Гибрид	Направление развития	Предел формообразования
I	Консорция	Нестойкие сочетания	К социальному институту	Конвиксия
II	Конвиксия	Деформированные сочетания	К территориальной общине	Субэтнос
III	Субэтнос	Симбиозы	К этническому самоутверждению	Этнос
IV	Этнос	Ксении	Создание социального организма	Консервация структуры
V	Суперэтнос	Химера	Аннигиляция	Реликт
VI	Человечество	Гипотетическое смещение с палео-антропом в мезолите на горе Кармел	Этногенез	?
VII	Гоминиды	?	Эволюция	Исчезновение

Но ясно, что для сохранения этнических традиций необходима эндогамия, потому что эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения ^[154], а экзогамная семья передает ему два, взаимно погашающих друг друга.

Итак, экзогамия, отнюдь не относящаяся к «социальным состояниям» и лежащая в иной плоскости, оказывается реальным деструктивным фактором при контакте на суперэтническом уровне. И даже в тех редких случаях, когда в зоне контакта появляется новый этнос, он поглощает, т.е. уничтожает, оба прежних.

В заключение отметим, что в указанном примере, а также в подавляющем большинстве случаев расовый принцип не играет никакой роли. Речь идет не о соматических различиях, а поведенческих, ибо степняки, тибетские горцы и китайцы принадлежали к единой монголоидной расе I порядка, а при уточнении до II порядка видно, что северные китайцы по расовым признакам ближе к сяньбийцам и тибетцам, нежели к южным китайцам. Однако внешнее сходство черепных показателей, цвета глаз и волос, эпикантуса и пр. для этногенетических процессов значения не имело.

Из приведенного примера очевидна и подвергаемая сомнению М.И. Артамоновым связь этноса с ландшафтом. Хунны, заняв долину Хуанхэ, пасли там скот, китайцы заводили пашни и строили каналы, а их помеси, не имея навыков ни к скотоводству, ни к земледелию, хищнически обирали соседей и подданных, что повело к образованию залежных земель и восстановлению естественного биоценоза, хотя и обедненного за счет вырубки лесов и истребления копытных во время царских охот.

Приведем еще пример для того, чтобы показать, что перед нами не случайный вариант какого-то этнического «броуновского движения», а закономерность, которая может быть моделирована. В XIII в. в Малую Азию прикочевала небольшая орда Эртогрула (по нашей таксономии – консорция), осела около Бруссы и привлекла к себе добровольцев – газиев для борьбы с «неверными» византийцами (т.е. превратилась в субэтнос этноса

иконийских сельджуков). В начале XIV в. при Османе и Урхане турки захватили много византийских земель, быстро размножились, чему способствовала полигамия, и превратились в этнос – османов, – вскоре создавший социальный институт – огромную империю Оттоманскую Порту. Что это этнос – бесспорно, но единого языка он не имел. Воин-тимариот в строю слушал команду по-турецки, дома беседовал с матерью по-грузински или по-гречески, на базаре торговался по-армянски, стихи читал персидские, а молился по-арабски. Но это не мешало ему быть турком, ибо он вел себя, как турок. «Состояние» это или процесс? Если бы это было «состояние», то оно бы и оставалось таковым до нашего времени, так как Турция была самой сильной державой Европы, использовала все технические изобретения, владела богатейшими землями и тем не менее постепенно стала терять силу. В XX в. османский этнос исчез, потому что современные турки – потомки не османов, а сельджуков, развитие которых было задержано после того, как они были завоеваны Магомедом II в XV в. Попробуем объяснить это явление этнической истории.

Турки в XVI в. придерживались тех же взглядов, что и ныне М.И. Артамонов, считая, что достаточно произнести формулу исповедания ислама и подчиниться султану, чтобы стать истинным турком. Иными словами, они рассматривали этническую принадлежность как «состояние», которое можно было менять произвольно. Поэтому турки охотно принимали на службу любых авантюристов, если те были специалистами в каком-либо ремесле или в военном искусстве. Последствия этого дали себя знать через 100 лет.

Упадок Высокой Порты в XVII в. привлек внимание турецких писателей-современников. По их мнению, причиной упадка были «аджем-огланы», т.е. дети ренегатов [\[прим. 24\]](#), причем искренность неофитов не подвергалась сомнению. Некоторые ренегаты были энергичными и полезными людьми, например француз Кеприлю и австриец Хайрэддин Барбаросса, но большинство их были подонки, искавшие теплого местечка и добывавшие синекуры через гаремы визирей, наполненные польками, хорватками, итальянками, гречанками, армянками и т.п. Эти проходимцы, не имея *pi foï, pi loï*, разжижали османский этнос, и настоящие османы были уже в XVIII в. сведены на положение этноса, угнетенного в своей собственной стране. Прилив инородцев калечил стереотип поведения, что сказалось на продажности визирей, подкупности судей, падении боеспособности войска и развале экономики. К началу XIX в. Турция стала «больным человеком».

По поводу столь странного превращения сильного народа в слабый В.Д. Смирнов в своей диссертации пишет [\[148, стр. 266-267\]](#): «Неужели же кто-нибудь

хоть в шутку станет утверждать, что гг. Чайковский, Лангевич и т.п. личности из славян, греков, мадьяр, итальянцев и др. приняли ислам по убеждению? Без сомнения, никто. А между тем на долю подобных-то перевертней и выпал жребий воспользоваться плодами доблестных подвигов османского племени. Не имея никакой религии, они чужды были всяких нравственных убеждений; не чувствуя никаких симпатий к народу, над которым они властвовали, они жили одною животного жизнью; гаремные интриги заменяли им настоящую, интересующую всякого истинного гражданина политику. Семейные связи не вызывались у них изуродованным состоянием организма или восполнялись гнусным пороком... Понятие о благе не шло у них дальше благополучия собственного кармана. Чувство долга ограничивалось приисканием законных предлогов, которыми бы можно было прикрыть свои беззакония, не рискуя сделаться жертвою происков других подобных им общественных деятелей. Словом сказать, будучи османами только по имени, они не были ими в действительности». Вот блестящая характеристика инородных «бродяг-солдат», обостривших и без того нараставший кризис классовых противоречий в Османской империи. Для последних превращение этнической целостности в химерную играло роль катализатора, ибо каждому понятно, что искренние лояльные чиновники ценнее, нежели лицемерные и беспринципные. И наоборот, развитие классовых противоречий для этногенеза османского этноса играло роль вектора; вместе же они оказались фактором антропогенной ломки ландшафтов, так как замученные поборами крестьяне бросали свои участки, запускали ирригацию и превращали страну, некогда богатую и обильную, в пустошь. Аналогичные явления имели место и в Риме, и в Древнем Иране, и во многих других странах, но при наличии эндогамии как этнического барьера процессы шли медленнее и менее мучительно^[159], а ведь для этноса не все равно, просуществует ли он триста лет или тысячу.

Итак, не только теоретические соображения, но и необходимость интерпретации фактических данных заставляет отвергнуть концепцию этноса как «состояния». Но если этнос – долго идущий процесс, то он является частью биосферы Земли, а поскольку с процессами и фазами этногенеза связано изменение ландшафтов путем использования техники, то этнологию следует причислить к географическим наукам как по предмету (этносфера – оболочка Земли), так и по методу, хотя первичный материал она черпает из истории в узком смысле слова, т.е. изучения событий в их связи и последовательности.

Думается, что причина столь неточного восприятия новой мысли лежит в том, что М.И. Артамонов незаметно для себя подменяет этнос

археологической культурой^[160], которая действительно «состояние», отражающее былые социальные целостности. Но если работа на стыке наук приносит большие результаты, то подмена этнологии археологией путем механического перенесения методики одной науки на другую на пользу делу не идет.

Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос: XII)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". – 1971. – N 12. вып. 4. – С. 97-106.

Кажется странным, что этнографы, историки и даже просто наблюдатели явления этноса, ни минуты не сомневаясь в его реальности, не смогли дать удовлетворительное определение понятию «этнос» как таковому. Всегда отмечались те или другие отличительные черты: язык, происхождение, культура, государственность, юридически оформленное социальное состояние, но оказывается, что все эти черты и черточки только указывали на факт этнических разграничений, но не были непременными атрибутами феномена этноса. Не будем упрекать наших предшественников. В их руках еще не было методики, необходимой для решения проблем такого рода. Так же мучительно и бесцельно метались биологи между механизмом и витализмом, причем первый объяснял наблюдаемые явления заведомо неточно, а второй вообще ничего не объяснял.

Что мы знаем об этносах, существовавших в историческое, т.е. доступное изучению, время? То, что они возникают, проходят фазы развития и исчезают. Этот повторяющийся процесс именуется этногенезом. Мы знаем также, что степени близости этносов между собою колеблются весьма значительно. На этой основе строится иерархическая систематика этносов. Скопления этносов, сходных по структуре, стереотипу поведения и генезису, мы называем суперэтносом, подразделения внутри этноса – субэтносами. Оказывается, что этнос, как атом, делим до бесконечности, ибо даже один человек не является лимитом деления. Ведь в разные возрасты человек ведет себя по-разному, следовательно, поведение его вариабельно. И, наконец, мы знаем, что этнос всегда взаимодействует с ландшафтом и техносферой. Эти связи не случайны и зависят от характера адаптации и уровня развития производительных сил. Итак, этнос не случайное собрание людей, а явление развития географической оболочки планеты Земля, совершающее на ней перестройки, сопоставимые с геологическими переворотами малого масштаба, о чем писал еще В.И. Вернадский^[91, стр. 273].

Анализ фактического материала, проведенный нами в предшествующих статьях серии «Ландшафт и этнос», привел к выводу, что стремление к

преобразованию окружения как природного, путем создания антропогенных ландшафтов, так и этнического, путем войн и миграций, происходит по сложным причинам, отнюдь не лежащим на поверхности наблюдаемых явлений. Сам факт разнообразия этнических типов и распространения человека по всей суше Земли показывает наличие особой линии эволюции *Homo sapiens*, где филогенез преобразуется в этногенез^[130]. Считать эту линию развития плодом общественной формы движения материи нет оснований, хотя социальные моменты все время коррелируются с природными закономерностями^[150].

На уровне, доступном этнографическому изучению, мы наблюдаем субэтноты, обычно составляющие части этносов, а в отрыве от них образующие изоляты. На уровне компетенции исторической науки мы видим этносы, растущие и гибнущие, иногда делящиеся, иногда сливающиеся воедино. Но в любом случае можно констатировать лишь перестановку уже имеющихся элементов, создающую причудливые, своеобразные коллизии, а не творческий процесс возникновения того, чего до тех пор не было. Зато на уровне суперэтносов наблюдается именно появление не существовавших ранее форм, структур, стереотипов поведения, восходящих не к исторической судьбе, моделируемой для этносов, а как новое явление, самым фактом своего существования меняющее привычную историческую картину^[172].

На этом уровне этногенез обладает всеми качествами природного феномена, ибо не исторический процесс порождает его, а он сам зачинает новую цепь закономерности этнической истории, которая через много веков затухает в гомеостатическом равновесии. Эти «толчки» или «взрывы» редки, и наиболее древние известны нам только по Срединным или конечным фазам процессов этногенеза^[142]. Поэтому мы ограничились описанием тех, которые можно проследить с достаточной точностью, и воздержались от попыток истолковать явление до тех пор, пока его описание не стало достаточно полным.

Но теперь мы вправе поставить вопрос: а что именно цементирует разных людей, часто непохожих друг на друга, в целостность, называемую этнической? При иной системе отсчета, социальной, эту роль выполняют производственные отношения, обладающие способностью к спонтанному развитию. Но к этническим закономерностям это неприменимо, так как они прерывисты; для этносов существует другая система отсчета, и историческая наука, исследующая события в их связи и последовательности, прекрасно описывающая возникновение и исчезновение социальных институтов, не в состоянии ответить на вопрос: почему афинянину был ближе его враг спартанец, чем мирно торгующий с ним финикиец? Она

отметит лишь, что афиняне и спартанцы были эллины, т.е. единый, политически раздробленный этнос, а что такое этнос и чем связаны его члены? – история на это не отвечает^[124].

Но если так и если мы знаем, что этнос – явление природы, то нам следует обратиться к естественным наукам за помощью, хотя бы в отношении методики исследования. И действительно, там мы найдем основу решения проблемы этноса. Это не что иное, как ход мысли и система обобщений, в которых нуждается этнология.

В 1937 г. биолог Л. фон Берталанфи на философском семинаре Чикагского университета выдвинул «теорию открытых систем и состояний подвижного равновесия, которая по существу является расширением обычной физической химии, кинетики и термодинамики»^[173, стр. 28]. Однако тогда он не был понят «и спрятал наброски в ящик стола». Лишь после войны построения моделей и обобщения стали насущной необходимостью, и тогда сложилась общая теория систем, частным случаем которой является кибернетика.

Согласно концепции Л. фон Берталанфи, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»^[174, стр. 12]. Практический смысл применения такой абстракции в том, что первичным элементом информации является не отдельно взятый факт, а определенная совокупность фактов, обретающая особые свойства в силу наличия характерных связей, возникающих между фактами. Этот подход нашел применение во многих областях естествознания, в том числе и в биологии. Равным образом он может быть ключом к проблеме целостности этноса, ибо этнология не гуманитарная, а естественная наука.

Понятие «система» в советской науке удачно описано и раскрыто А.А. Малиновским. По его определению, «основное в системе – наличие определенных связей, меняющихся по форме и обуславливающих включение в систему то одних, то других элементов, при условии сохранения преемственности между элементами и типами связи. Система строится из единиц, группировки коих имеют самостоятельное значение: звенья, блоки, подсистемы. Каждая единица является системой низшего порядка (что обеспечивает возможность применения иерархического принципа, позволяющего вести исследование на заданном уровне). Любая система характеризуется по трем направлениям: по особенностям состава элементов, по их числу и по структуре, т.е. по типу связей, объединяющих элементы. Под элементом понимается характеристика единицы, неспособная существовать без связи с данной единицей»^[175, стр. 147-150]. Этот тезис позволяет по-новому подойти к предмету.

Используя определения и подход А.А. Малиновского как своего рода алгебраическую формулу, мы можем подставить в нее нужные значения и получить если не сразу конечное решение, то непосредственное основание для такового. В самом деле, мы имеем право рассматривать этнос как особую систему из социальных и природных единиц с присущими им элементами. Но если так, то этнос – не простое скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды, этнического окружения и степени пассионарности, а также ее тенденции к увеличению или уменьшению. Последнее особенно важно, ибо «общим для всех случаев множеств является свойство элементов обладать всеми видами активности, приводящими к образованию статических или динамических структур»^[176, стр. 445]. Применение этого подхода к процессам этногенеза позволяет решить проблему «историзма», так как все наблюдаемые факты укладываются в динамическую систему исторического развития, и нам только остается моделировать ту часть всемирной истории, которая непосредственно связана с нашей темой – этногенезом. Для развития общества модель будет другой.

Действительно, неоднократные попытки истолковать этнос как исключительно социальное, равно как и исключительно биологическое явление терпели неудачу потому, что вместо анализа (расчленения) предлагалось упрощение, которое неизбежно заводило исследователя в тупик. Даже в простой речи можно сказать «феодалное общество», но нельзя говорить «валлонское или гасконское общество». И наоборот, выражение «феодалный или капиталистический этнос» – бессмыслица, потому что общественные формы сменяются независимо от продолжительности существования этноса. Различие систем отсчета в социальном и этногенетическом планах находит выражение в общей теории систем. А.А. Малиновский выделяет два типа систем: корпускулярную и жесткофиксированную, – взаимодействующих разными способами^[175, стр. 159-164]. Так, «в обществе развиваются типы связей, координирующие его функции (жесткая система). В виде (а в нашем случае в этносе) развитие идет за счет повышения совершенства особей, без ограничения в сроках развития и в пространстве (корпускулярная система). Следовательно, аналогии биологических и социальных уровней не обоснованы»^[175, стр. 182].

Таким образом, мы можем определить реальное наличие этнической целостности как динамическое существование системы корпускулярного типа. Это замкнутая система, где первоначальный заряд энергии (пассионарности) постепенно расходуется, а энтропия непрерывно увеличивается. Поэтому живое вещество или система должна постоянно

удалять накапливающуюся энтропию, обмениваясь с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству^[177, стр. 112]. В нашем случае роль управляющих систем играет традиция, которая равно взаимодействует с общественной и природной формами движения материи. Передача опыта потомству наблюдается у большинства теплокровных животных. Однако наличие орудий, речи и письменности выделяет человека из числа прочих млекопитающих, а этнос – форма коллективного бытия, присущая лишь человеку.

Применение теории систем позволяет приступить к пересмотру принципа концептуальных моделей глобальной истории. То, что эта задача до сих пор неоднократно ставилась и не получила удовлетворительного решения (Д.Б. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби)^[173, стр. 65-67], не должно отвращать исследователя от продолжения попыток эмпирического обобщения, сколь бы трудны они ни были. В отличие от наших предшественников, выяснявших, как идет процесс, мы имеем возможность ответить на вопрос: что именно подвергается изменению, хотя мы будем иметь принципиально одностороннюю модель, представляющую только определенные аспекты явлений. Но ведь создание концепционных моделей лежит в основе любой исторической интерпретации, что и отличает историю (буквально – «поиск истины») от хроники или простого перечисления событий^[173, стр. 68].

Нашим объектом исследований является не шпенглеровская «душа культуры» и не тойнбиское «умопостигаемое поле исследования»^[90, стр. 5], а этническая система на том или ином уровне^[155, стр. 92-95]. Иными словами, непосредственно наблюдаемые этносы – лишь фазы этно-генетических процессов, причиной которых, согласно модели, является взрыв пассионарности, т.е. флуктуация энергии живого вещества биосферы. Явления, следующие за первоначальным толчком или взрывом, как то: расширение ареала, формообразование, затем упрощение структуры и переход к гомеостазу, – при всем разнообразии условий сходно интерпретируются в пределах законного допущения.

Предлагаемый подход позволяет предложить решение «больного» вопроса о взаимоотношении «человека» с географической средой. Признав этнос сложной, многоступенчатой системой, мы имеем право включить в нее кроме людей орудия, которыми они добывают пищу, предметы искусства и научные воззрения, домашних животных и культурные растения. Это будет своеобразный развивающийся антропоценоз, запрограммированный так или иначе условиями, в которых произошел

начальный пассионарный взрыв, включая в их число формацию социального спонтанного развития. Следовательно, этнос – не сумма особей, в него входящих, а система связей, объединяющих особи. Эти связи простираются не только в пространстве, но и во времени, но не бесконечно далеко, а ограниченном пассионарным взрывом, вследствие которого создалась данная этническая целостность. Равным образом этнос лимитирован в своем развитии, даже в оптимальных условиях территориальной изоляции, фазой гомеостаза или равновесия со средой как природной, так и этнической, т.е. соседними этносами. Поскольку гомеостатические этносы теряют резистентность, то первое же нарушение равновесия ведет к их распаду, а следовательно, и к гибели системы.

Из изложенного следует, что пассионарность нельзя рассматривать как социально-экономическое явление, ибо это противоречило бы закону сохранения энергии. Значит, она – биологический признак, возникающий, как все признаки, вследствие мутаций и устраняемый естественным отбором. Поэтому следует рассматривать пассионарность как экзогенный фактор по отношению к этногенезу и эндогенный по отношению к биосфере.

История политическая, экономическая и культурная, откуда мы черпаем сведения об этногенезе, фиксирует только явления социальной действительности и поэтому нуждается в дополнении данными природоведения. Последние не лежат на поверхности, а постигаются путем анализа большого числа фактов и эмпирического обобщения. Решительный и важный шаг в этом направлении сделал чл.-корр. АН СССР Ю.В. Бромлей, отметивший крайне важное свойство этноса – эндогамию (см. ниже).

Если считать этнос только социальным явлением, то заключение браков с иноплеменниками не может отразиться на его структуре. Если же они все-таки имеют значение, то несомненно, что наряду с социальными институтами, языком, культурой имеется определенная биологическая связь, которую нельзя ни отождествлять, ни сопоставлять с расовой. Единство людей, составляющих этнос, определяется внутренней структурой и стереотипом поведения. Если структура, формирующаяся в историческом процессе становления этноса, складывается на основе общественной формы движения материи, то стереотип поведения вырабатывается в процессе адаптации к природным условиям и передается путем «сигнальной наследственности», свойственной не только людям, но и животным, что заставляет отнести поведенческие явления к природным формам движения материи. Таким образом, этнос совмещает в себе «социальный организм» и популяцию.

Возникновение новой этнической целостности всегда связано с ломкой старых стереотипов и, следовательно, требует огромной затраты энергии. Значит, природа этноса энергетична, а биохимическая энергия, абсорбируемая его представителями и выдаваемая в виде деятельности (созидательной или разрушительной), создает в психике ее носителя эффект, который мы назвали пассионарностью. Именно через высокий накал пассионарности происходит взаимодействие между общественной и природными формами движения материи, подобно тому как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и присутствии катализаторов. Импульсами пассионарности (биохимической энергии живого вещества, преломленной психонервной организацией человека) создаются и сохраняются этносы, исчезающие, как только слабеет пассионарное напряжение. И теперь можно раскрыть значение термина «этнос», которое предварительно мы только что описали. Этнос – это пассионарное поле одного ритма, ибо у другого этноса свой ритм. Именно эти ритмы мы и улавливаем ощущением «своего» и «чужого», но индивидуальное сознание не находит объяснения чувству и предпочитает игнорировать его. Только коллективное сознание науки и накопленный ею опыт позволяют нам понять, что за разнообразными внешними проявлениями этносов кроется глубинная сущность. То, что открыли физики в отношении электричества и света, химики – взаимодействие кислот и щелочей, пора уяснить этнологам, хотя бы во имя монизма науки.

Ритм не является прирожденным. Он – свойство не особи, а этнического коллектива. Новорожденный имеет унаследованный от предков генотип и фенотип, но этнического ритма у него нет. Постепенно младенец входит в жизнь, и его биологическое поле начинает колебаться в унисон с полями окружающих. Это своего рода резонанс. Поэтому ясно, что для этнической принадлежности основное значение имеет воспитание на самых ранних этапах биографии особи, а не расовая принадлежность. Генотип может определить многое: темперамент, быстроту реакции, способность к абстрагированию, воображение и т.п., но не ощущение «своего» и «чужого» – отличительную черту этноса. Эта черта передается младенцу путем «сигнальной наследственности», т.е. традиции, и потому в этнических коллективах возможна инкорпорация, немыслимая в расе. Именно способностью людей резонировать на чужое этническое поле объясняются случаи приживания человека, попавшего в чужую этническую среду. Но такие случаи редки и не всегда безболезненны. Например, известный ориенталист и офицер русской армии казах Чокан Валиханов чувствовал себя, по собственному признанию, своим и в русском офицерском собрании, и в казахском ауле, но эта раздвоенность переносилась им очень тяжело.

Исходя из сказанного, этническое поле находится не в телах особей, а между ними, и, следовательно, исследуя народы этнологически, мы изучаем не внешность явлений, а их сущность в пространстве и во времени. Все детали быта, обрядов, культа и т.п., описываемые этнографами, для этнологов только опознавательные знаки причины, их породившей.

Принципы «поля» и «системы» не только не противоречат, но дополняют друг друга. Первоначальный пассионарный взрыв создает популяцию особей, весьма энергичных и тянущихся друг к другу. «Поле» создает причину для их объединения и дальнейшей солидарности, чаще всего не осознанной. Но даже эта первичная консорция, вступая в соприкосновение со средой, организуется в систему корпускулярного типа, чем противопоставляет себя окружению. Следующий шаг – оформление себя как социальной группы, т.е. создание жесткой системы с разделением функций ее членов, – это вступление в исторический процесс развития, запрограммированного локальными особенностями географического и этнического окружения, что при единстве модели этногенеза создает неповторимые коллизии в каждом отдельном варианте его.

Сформулированный нами тезис, по которому этнос как система имеет смысл природного явления, лишь коррелирующегося с общественными закономерностями, расходится с утверждением В.И. Козлова, что «этническая общность – социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся у них или достигнутой ими... общности языка, общих черт культуры и быта, особенностей психического склада, а если эти группы резко отличались в расовом отношении, то и значительной метисации их»^[178, стр. 56]. Иными словами, принцип системы заменен принципом сходности или похожести, по необходимости внешней, так как внутренние связи при этом подходе уловить невозможно.

По нашему мнению, цитированное определение имеет несколько недостатков, делающих его непригодным для этнической диагностики и заводящих в теоретический тупик. Но поскольку оно «считается общепринятым»^[178, стр. 21] и наша попытка учесть соотношение этноса и ландшафта названа «биологизацией и этнической детерминизацией»^[178, стр. 21, прим. 2], то придется внести ясность.

Прежде всего, В.И. Козлов высказывает взаимоисключающие утверждения. Указание на роль территории и особенности природной среды, обуславливающей материальную культуру малых этносов^[161, стр. 44] как «условие возникновения и существования этнической общности»^[178, стр. 29], показывает, что он сам связывает этносы с географической средой. Да и

трудно спорить против очевидности! Его заявление о необходимости метисации рас – такой биологизм, с которым нельзя согласиться. Например, индусы были объединены системой каст и не обращали внимание на то, кто данный брамин: ариец или дравид. И наоборот, большинство аннамитов перед образованием Вьетнама имели французскую примесь, но это не объединило их с французами

Необходимость общности языка – домысел. Есть сколько угодно двуязычных и трехязычных этносов. Например, существование «платдойч» не разрушает единства немецкого народа. В Италии народ говорит на четырех языках, но итальянский этнос един. В Японии есть «женский язык», так же как у племени саджу в Бирме. И наоборот, наличие общего языка не ведет к этническому слиянию. Все дагестанцы говорят по-русски вполне свободно, но кумыки не становятся лакцами. Пресловутая общность культуры и быта чуть выше отрицается самим В.И. Козловым^[178, стр. 40-41], причем его аргументация против самого себя буквально совпадает с нашей, опубликованной на четыре года раньше^[37 стр. 114], но отсылочной сноски почему-то нет. Из всего сказанного вытекает, что набор признаков, претендующий на достижение объективного мерила, произволен. Думается, что и любой другой набор не решит проблемы, так как дело не в особях вида *Homo sapiens*, а в связях их между собой.

Еще менее целесообразен другой принцип – определение этнической принадлежности по форме № 1 паспортного стола^[179]. Уже не говоря о том, что такая методика неприменима в странах, где вопрос о национальной принадлежности в анкетах отсутствует, как, разумеется, и для прошлых веков, здесь не учитывается достоверность первичного источника – личного заявления опрашиваемого. Приведу один только пример. Антрополог Ю.Г. Рычков обнаружил на побережье Охотского моря потомков землепроходцев-казаков с фамилиями: Атласов, Дежнев и т.п. Они записались эвенками, чтобы не платить подоходного налога. Поскольку эвенкийский язык они знали с детства и занимались охотой, то без специального этнографического исследования определить их этническую принадлежность было невозможно. А потому, стоит ли отказываться от тех результатов, которые может дать наука?

Отмеченные несообразности – не просто ошибки, а последовательное применение демографической методики там, где она неприменима принципиально. Демограф подсчитывает сходные категории людей: по полу, по возрастным группам, по роду занятий и т.д. Для него единица отсчета – человек, а для этнолога, применяющего системный подход, единица – характеристика связи, а объект – система связей. Разница точно такая, как между мерами длины – метрами и температуры – градусами. Основное для

демографа – отыскание одинаковых людей для зачисления их в тот или иной разряд, подлежащий подсчету. Основное для этнолога – установление динамических связей между разными людьми. Простейшая система – семья состоит из мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система – этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления закономерного, поддающегося моделированию изменения связей. В этом смысле этногенез – исторический процесс, но так же исторична любая эволюция.

Следует отметить, что наш «биологизм» – это учет бесспорных явлений: стереотипа поведения и адаптации в ландшафтных условиях. В.И. Козлов вводит в число факторов этногенеза расовую метисацию, наивно полагая, что гибриды могут стать без дополнительных факторов новым устойчивым типом. Но, согласно законам Г. Менделя, в третьем и дальнейших поколениях произойдет расщепление генотипов и возникнет широкий спектр изменений, отнюдь не соответствующий единой расе [\[95, стр. 125\]](#).

Исходя из системного подхода, следует считать наличие двух расовых компонентов в составе одного этноса нормальным и даже обязательным явлением, так как разнообразие элементов при постоянстве связей только укрепляет систему этнической целостности. К этногенезу расовая гибридизация отношения не имеет. Зато этническое смешение путем экзогамии, привнося новый стереотип поведения, дает ощутимые последствия [\[172\]](#), а эндогамия стабилизирует этнос [\[154, стр. 84-91\]](#).

Итак, принять концепцию В.И. Козлова можно лишь путем отказа от бесспорных достижений не только этнографии, но и всех пограничных с ней наук.

При так называемом «этно-демографическом» аспекте не только систематика недостижима, но и классификация по выбранному признаку обесмысливается. Так, последовательное применение принципа лингвистического деления народов по группам дало повод С. Бруку отнести евреев к индоевропейцам, так как большинство их ныне говорит на индоевропейских языках [\[180, стр. 270 и 276, прим 4\]](#). Однако на этом же основании сюда следовало причислить американских негров, говорящих по-английски, французски, испански, португальски, и ирокезов штата Нью-Йорк, знающих английский язык с детства. Ученый обязан быть последовательным, даже если постулат приводит к абсурду, но тогда он имеет право сменить постулат. Именно это предпринято нами.

Мнения В.И. Козлова, которые он сам назвал «установленными и общепринятыми», не выдержали проверки фактами. Большой недостаток его концепции в том, что, говоря об «историзме» (странное словечко, что бы

оно могло значить?), он искажает исторические факты, сам того не замечая. Например, он пишет: «Этническое самосознание в раннеклассовых обществах (имеется в виду XVI-XVII вв.) было, как правило, неотчетливым... Возникавшие идеи общности людей, говорящих на одном языке, обычно тонули в религиозных распрях... Французы-католики истребляли французов-протестантов, вынуждая тех искать помощи у протестантов Англии; в то же время немцы-католики, теснимые немцами-протестантами, заключали союзы с католиками Франции...»^[178, стр. 62-63]. Все неверно! В XVI в. гугеноты держали в своих руках две трети французского королевства и опирались на немецкие, а не на английские войска. Большая часть французов были «политиками», противниками Гизов и Лиги. Они-то и посадили на престол вождя гугенотов Генриха IV Бурбона. Английские и немецкие католики ориентировались на Испанию, с которой Франция вела войну. Поддержку гугенотам Лярошели организовали враги кальвинистов герцог Букингем и король Карл I.

Весь указанный период католическая Франция поддерживала в Тридцатилетней войне протестантскую унию, а не католическую Австрию. Мотив такой политической платформы был четко сформулирован Генрихом IV: «Я ничего не имею против того, чтобы там, где говорят по-испански, правил испанский король, а там, где по-немецки, – австрийский император. Но там, где говорят по-французски, править должен я».

Назвать это этническое самосознание «неотчетливым» можно только при недостаточном знании общедоступных учебников истории. На самом деле в XVI-XVII вв. Европа переживала период этнической интеграции. Много мелких этносов вошли в состав нескольких крупных, иногда растворившись в них целиком, а иногда сохранив память о своем прошлом. Примерами первого варианта служат провансальцы, ставшие французами, а второго – шотландцы и уэльсцы в Англии и бретонцы во Франции; по отношению к новым этническим целостностям они стали субэтнотами, т.е. звеньями подсистем.

И наконец, неужели В.И. Козлов всерьез считает, что безграмотные гасконские бароны, полудикие севеннские горцы, удалые корсары Лярошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера в самом деле разбирались в тонкостях трактовки Предопределения или Пресуществления? Если же они отдавали свою жизнь за мессу или Библию, то, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия. Но католики и гугеноты действительно разнились по

стереотипу поведения, а это, как мы условились вначале, основной принцип этнической обособленности, для которой было достаточно оснований^[161].

Ну а если бы гугеноты отстояли для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы? Вероятно, их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие изменений исторической судьбы, потому что у них был бы особый быт, культура, психический склад и, может быть, язык, ибо вряд ли они стали бы объясняться на парижском, а скорее выбрали бы один из местных диалектов. Это был бы процесс, аналогичный отделению американцев от англичан, и с позиции В.И. Козлова не ясно, что причина такого этногенеза – банальная дивергенция.

Мы уделили столь много внимания разбору концепции, состоящей из непримиримых противоречий и базирующейся на неверно изложенных, а подчас вымышленных фактах, только для того, чтобы оправдать свое стремление к поискам плодотворных решений этнологических проблем. Если бы все решалось просто, то не было бы нужды в анализе отдельных коллизий между «человеком» и ландшафтами Земли, не стоял бы вопрос о появлении новых этносов, которые, как мы видели^[142], ^[124], возникают большими скоплениями, составляя суперэтноты, и не возник бы вопрос о критерии этнической принадлежности и о разных последствиях при этнической (отнюдь не расовой) гибридизации. Решения этих вопросов на почве фактов пришлось искать не только в истории народов, но и в закономерностях биосферы, поскольку в нее входят и будут входить все люди. А биосфера, в свою очередь, связана с физико-химическими процессами нашей планеты, и энергия живого вещества, преломленная через человеческий организм как эффект пассионарности, формирует те неуправляемые человеком процессы, которые называются этногенезом.

Этнология и историческая география (Ландшафт и этнос: XIII)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". – 1972. – N 18. вып. 3. – С. 70-80.

Во всех исторических процессах от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) общественная и природные формы движения соприсутствуют и взаимодействуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, понимая под последним процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в персистентное состояние гомеостаза. Но значит ли это, что феномен этноса – продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе элементарную модель.

Три наших опыта построения модели в разных ракурсах дали тождественные результаты. Социально-политический анализ этногенеза позволил выделить фазы исторического становления, исторического существования и исторического упадка с последующим пережиточным или реликтовым прозябанием^[142]. Аналогичное деление получилось при исследовании воздействия этноса на вмещающий ландшафт^[118] и при этнографическом изучении способов отсчета времени^[128]. Это дает нам право считать описанную модель верной в первом приближении, достаточном для практического применения при дальнейшем исследовании вопроса. Выраженная графически, наша модель имела бы не облик синусоиды или циклоиды, а неправильной кривой, у которой в начальных фазах идет резкий подъем до краткого перегиба, а потом длинный спад, все более плавный, либо до естественного затухания процесса, либо до насильственного его обрыва. Суть модели в следующем.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения – популяция, т.е. группа сходных особей, приспособившая определенный ландшафтный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к нему. Для поддержания достигнутого этноландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе. В плане истории это называется традицией. Ее можно рассматривать и в социальном, и в

биологическом аспектах, ибо М.Е. Лобашев открыл это же явление у животных и назвал его «сигнальной наследственностью»^[95]. Выбора между социальными и естественными дисциплинами делать не стоит, так как те и другие исследуют явления в разных направлениях и взаимно дополняют друг друга

Но момент рождения, как всякий момент, краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая и этнографическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества, т.е. тот или иной способ производства). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. В этом ее отличие от общественных отношений, определяемых способом производства. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длиннее. Даже при снижении пассионарности ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание.

Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т.е. пассионарность^[142]. При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы (этнической или суперэтнической), так и на границах ее, в регионе этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, что всегда – кратчайший путь к гибели. Итак, пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальном масштабе.

Но перед нами встает другая трудность: еще не найдена мера, которой бы можно было мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем только говорить о тенденции к подъему или спаду, большей или меньшей степени, но во сколько раз, мы не знаем. Однако для поставленной нами цели это препятствие преодолимо, ибо мы

рассматриваем процессы, а не статические величины. Поэтому мы можем описать явления этногенеза с достаточной степенью точности, что послужит в дальнейшем базой новых уточнений. В любой науке описание феномена предшествует его измерению и интерпретации; ведь и электричество было сначала открыто как эмпирическое обобщение разнообразных явлений, внешне несхожих между собой. В отношении пассионарности мы находимся на уровне Франклина, а Кулон и Ампер уже позже нашли способы отсчетов и меры.

Однако если характеристика модели этногенеза всеми исследователями описывается единообразно, если даже нам удалось уловить энергетическую ее природу, то остается неясной причина самих исходных взрывов или пассионарных толчков. Отмеченные нами особенности – сочетание двух и более ландшафтов и двух и более этнических субстратов – легко объяснимы исходя из энергетической природы этногенеза – необходимости наличия разности потенциалов внутри возникающей системы для их дальнейшей нивеляции. Удобнее всего это просматривается на уровне суперэтнуса, так как на меньшие величины воздействуют экзогенные факторы с большим эффектом, а это обстоятельство снижает точность построения модели.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил – экспоненту, ни на повторяющуюся циклоиду биологического развития. Видимо, наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие «толчков», которыми могут быть только мутации, вернее, микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип [\[168, стр. 140-156\]](#).

Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только отдельные, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникла новая порода, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастает в этнос. Пассионарность членов консорции – обязательное условие этого перерастания. В этом механизме состоит биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла.

Считать пассионарность социальным явлением нельзя, ибо это означало бы отрицание закона сохранения энергии. Однако популяции, охваченные пассионарным подъемом, создают социальные институты, благодаря чему становятся этносами, т.е. коллективами, противопоставляющими себя всем прочим. Так, в одном регионе могут сосуществовать два этноса, но две популяции немедленно сольются в одну.

И вот что странно: образование суперэтносов, связанное с пассионарными толчками, всегда захватывает территорию земной поверхности, вытянутую в меридиональном или широтном направлении, а иногда ось пассионарного подъема идет под углом к меридиану. Но какие бы разделяющие элементы ландшафтов ни находились на этой территории (горы, пустыни, морские заливы и т.д.), территория остается монолитной. Ландшафты и этнические субстраты определяют только то, что на охваченной взрывом пассионарности территории могут возникнуть два, три, четыре разных суперэтноса в одну и ту же эпоху. Заведомо исключен перенос признака пассионарности путем гибридизации, так как последняя непременно отразилась бы на антропологическом типе метисов. Наземные барьеры исключают также культурный обмен и заимствование путем подражания. То и другое легко было бы проследить на произведениях искусства и материальной культуры. Очевидно, мы встречаем особое явление, требующее специального описания. Напомним, что новый суперэтнос или этнос возникает из обязательного смешения нескольких этнических субстратов, но не *всегда*. Это значит, что взрыву пассионарности (или пассионарному толчку) сопутствует какой-то дополнительный *фактор*, без которого процесс не может начаться. Этот фактор надо искать в явлениях природы, потому что «энергию живого вещества биосферы», как и порождаемый ею феномен этноса, следует отнести к той природной форме движения материи, которая находится в зазоре между общественной и биологической сферами. Проверим наш тезис точно выверенным материалом этнической истории, подобно тому как историческая геология черпает необходимые сведения из палеонтологии, являющейся, собственно говоря, разделом зоологии. Мосты между науками всегда приносят неплохие результаты.

Чтобы избежать распространенных ошибок историографии: аберрации дальности, когда давние события не могут быть строго датированы, и аберрации близости, когда анализируются незаконченные процессы, – мы ограничим себя периодом, достаточно изученным и вполне завершенным. Конечно, это не начало этнической истории человечества, но, уяснив характер модели на знакомом материале, мы затем сможем переносить ее в древность и в новое время как установленную глобальную закономерность. В этом смысл и значение любой науки.

Начнем с наиболее ясного – Средиземноморья в IV веке до н.э. Эллинский суперэтнос, включивший в себя Македонию, распространился на восток до Индии, на запад до Испании (Сагунт) и Галлии (Массилия), подавив соперничавшие с ним пунийский этнос (Карфаген) и Этрурию. Хотя оба последние сохранили самостоятельность, но гегемонию на море

утратили. Однако отлив пассионарного элемента на окраины, наряду с пережитыми в недавнее время войнами (Пелопоннесской, Фиванской и др.), сделал Элладу менее резистентной, это видно из того, что инициативу Афин и Спарты стали перехватывать полудикие горцы Эпира, Этолии и скромные крестьяне Ахайи. Не то чтобы они набрали особую мощь, но при изоляции бывших центров пассионарности их сила оказалась достаточной для того, чтобы вступить в борьбу за гегемонию с надеждой на успех. Тот же процесс, происходивший в Италии, вознес разбойничью республику на семи холмах, превратившихся в Вечный Город. И тут уместно привести одно важное наблюдение. Главные соперники римлян – самниты, не уступавшие им в храбрости, имели обычай поставлять своих юношей в наемные солдаты то в Карфаген, то в эллинские города: Тарент, Сиракузы и др. Естественно, что большая часть уходивших в поисках приключений и богатства гибла, а те, кто возвращались, были измотанными. Римляне, наоборот, держали свою молодежь дома, хотя она доставляла им немало хлопот. Таким образом сохраняли пассионарный фонд и воспользовались им в войнах с Пирром и Ганнибалом, что дало Риму власть над Средиземноморьем. Тем не менее этот фонд таял, что повело к реформе Мария – образованию профессиональной постоянной армии, в которой железная дисциплина давала возможность использовать субпассионариев в качестве рядовых. Структурная система римского этноса распалась на две консорции – сенат и армию. При Цезаре армия победила, и снова она победила после его гибели, под командованием Октавиана и Антония. Последующие три века армия втягивала в себя все пассионарное население Римской империи, и гражданские войны шли между военными группировками. Галльские легионы Вителлия сражались с преторианцами Огона и с сирийскими войсками Веспасиана, причем все были укомплектованы представителями разных этносов, входивших в один суперэтнос. Даже так называемая «сенатская партия» Гордианов опиралась на легионы, стоявшие в Нумидии, но не на римлян (по происхождению) и не на нумидийцев. В III в система перестала действовать – легионы стали терпеть небывалые поражения. В 251 г. лучшие войска Рима с талантливым полководцем императором Децием во главе были наголову разбиты готами, а сам Деций убит. В 260 г. император Валериан потерпел поражение от персидского шаха Шапура I и был взят в плен. Восставшая Пальмира захватила все азиатские провинции Рима.

Что произошло? Легионы стали слабее или соседи империи сильнее? Пожалуй, то и другое сразу. Это-то для нас и важно.

Конечно, та часть римского этноса (в это время совпадавшего с античным греко-римским суперэтносом), которая входила в легионы, теряла

пассионарное напряжение быстрее, чем это должно было бы быть, из-за потерь на полях битв. При каждом перевороте, которых в III в. было много, солдаты вымещали свои служебные обиды на командном составе, т.е. истребляли тех офицеров, которые поддерживали дисциплину. Это значит, что происходила экстерминация наиболее ответственных, инициативных, исполнительных и верных долгу воинов, места которых занимали беспринципные и продажные люди. В отношении морального и культурного уровня «солдатских» императоров III в. эта деградация замечена и описана, но для нашей темы важнее отметить, что она коснулась всех слоев армии, в то время втягивавшей в себя весь пассионарный элемент римского этноса (после эдикта Каракаллы – римских граждан), ибо только в армии честолюбивый юноша мог сделать карьеру, хотя и с риском для жизни.

Аврелиан и его наследники нашли выход из создавшейся ситуации путем привлечения на службу иностранцев – германцев, мавров, языгов, арабов и т.п. В результате к началу V века вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это значит, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность. Структура, язык и культура империи еще по инерции держались, в то время как подлинные римляне насчитывались отдельными семьями даже в Италии, которую заселили выходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов – колонны.

И все-таки, несмотря на трагичное положение, римская армия удерживала границу по Рейну, вал по Твиду и неплохо справлялась с нумидийцами и маврами. Тяжелее было на востоке. Готские корабли проникали в Эгейское море, Персия, располагая в 50 раз меньшими ресурсами, успешно вела войну в Месопотамии, а разгром даков и иудеев во II в. н.э. потребовал напряжения всех сил Римской империи. По сути дела, империю спасли только иллиро-фракийские части и их вожди, становившиеся императорами, от Аврелиана до Диоклетиана. К их числу принадлежал знаменитый полководец Аэций, которого называют «последним римлянином». Но дело обстоит не столь просто.

Начиная со II в. н.э. в восточных провинциях Римской империи и на некоторых территориях, расположенных от них к северу, наблюдается подъем активности населения, начало этногенеза новых народов – готов, антов, вандалов. В пределах империи этот подъем пассионарности приобрел оригинальную доминанту – создание конфессиональных общин на смешанной этнической основе, как христианских, так и гностических и языческих (неоплатоники). Принято говорить, что христианство – религия рабов. Это верно, но при этом упускалось из виду, что рабы в подавляющем числе пополнялись военнопленными. Браки между разноплеменными

рабами разрешались их хозяевами, а браки с иноверцами воспрещались руководителями христианских общин, которые мы смеем назвать консорциями^[125]. Таким образом, в христианских консорциях сгруппировались гибриды, обладающие, как известно, повышенной лабильностью. Обычно такие формы неустойчивы и распадаются за два-три поколения, но здесь имел место какой-то дополнительный фактор, сообщивший христианским общинам огромное пассионарное напряжение. Благодаря несравненной жертвенности, несмотря на жестокие гонения, к 313 г. христианская община, уже получившая организацию (церковь), подменила императорскую власть.

Надо думать, что видимому и зафиксированному подъему пассионарной активности (пассионарному толчку или взрыву) предшествовал некоторый инкубационный период. Зачинателями сопротивления Риму оказались не христиане и готы, а иудеи в Палестине и даки. Но тех и других физически уничтожила военная машина Римской империи. Уцелели только те даки, которые согласились романизироваться, и те иудеи, которые жили за пределами Палестины, но последние и не испытали на себе подъема пассионарности! Надо сказать, что история как наука – прибор нечуткий. Она устанавливает большие события типа войн, восстаний, создание учреждений, кодификацию законов и т.п., но мелкие нарушения стереотипа поведения, часто незаметные современникам явления или рассматриваемые как случайные отклонения от нормы, история не фиксирует. Поэтому мы введем хронологический допуск ± 150 лет, что на результат не повлияет, но даст право рассматривать эпоху 150-450 гг. без излишней дифференциации, а как целостную эпоху. Этим путем мы сразу выйдем в географию.

Наложив на карту регионы, в которых отмечен подъем пассионарности, мы получим монолитную территорию, вытянутую с севера на юг, границы которой размыты. Ось исследуемого региона проходит от о. Готланд (Скандза), через устье Вислы, западную часть Малой Азии до Палестины, а южнее не прослеживается. Области, примыкающие к этой оси с запада – междуречье Вислы и Одры, Паннония, Фракия и с востока – правобережье Днепра, где жили анты, Армения, Персия (западная), также проявляли активность пассионарного типа: усиление вандалов и антов, захват Рима фрако-иллирийскими легионерами, восстание Сасанида Арташира, победившего парфян в 226 г. К этой пассионарной популяции принадлежал и Аэций, которого правильнее называть не «последним римлянином», а «первым византийцем».

Народы, находившиеся за пределами очерченного региона, продолжали оставаться в процессе «пассионарной энтропии». Не только галло-римляне

и бритты, но и франки, фризы, иберы, несмотря на храбрость, физическую силу, выносливость и т.п., не имели того дополнительного качества, которое позволило бы им защитить от врагов имущество, семьи и жизнь. Так же точно вели себя на восточной окраине региона богатые и культурные аланы, позволившие завоевать себя диким и малочисленным гуннам^[15].

Описанное явление было очевидно современникам событий. В 330 г. император Константин перенес столицу в маленький город Византию и превратил ее в роскошный Константинополь. Туда стекались пассионарии отовсюду. Много готов осело во Фракии под предлогом службы в войсках. Анты прорвали Дунайскую линию укреплений и заселили Балканский полуостров, включая Пелопоннес. Сирийцы распространились от долины р. По до излучины р. Хуанхэ. К VI в. создался разнородный и разноречивый, но монолитный этнос, который мы условно именуем византийским. Греческий язык – наследие древности – был только государственным и общепонятным, а дома все говорили на родных языках. Очень быстро этот «византийский» этнос стал суперэтносом, так как его обаянию покорились армяне и грузины, ирландцы и славяне, кериты и онгулы.

Но дальнейшее нас не интересует, потому что это достояние истории. Для нас же важно отметить, что пассионарный толчок, породивший пассионарный подъем II-IV вв., произошел на пространственно монолитной территории, включавшей в себя районы совершенно несходные в социальном, экономическом, этнографическом, антропологическом и популяционно-генетическом аспектах. Случайно ли это? Проверим на других примерах.

В начале VII в. подъем пассионарности зафиксирован в Аравии. Он также имел конфессиональную доминанту и этногенетическую природу, ибо Мухаммед объявил, что мусульманин не может быть рабом, и принял в свою общину тех рабов, которые произнесли формулу ислама. Пропаганде новой веры предшествовал инкубационный период накопления пассионарности. В VI веке в Аравии появилась плеяда поэтов, и надо ли доказывать, что без порыва сочинять хорошие стихи невозможно.

На этот раз ареал пассионарного толчка был вытянут в широтном направлении. В 632 г. тибетский царь Сонцэн-габмо, борясь со своей знатью, пригласил в Тибет буддийских монахов. Это показывает высокую степень накала пассионарности, которому также предшествовал инкубационный период в VI в.^[181] В Тибете борьба тоже имела конфессиональную окраску, но не настолько густую, чтобы затушевывать социальную доминанту – соперничество царя, опиравшегося на народ, и знати, поддержанной местным жречеством. Однако напряжение этой

борьбы было таково, что в конце IX века Тибет распался на составные части, а все участники борьбы погибли.

В Китае ареалом пассионарного толчка оказалась задетой только северо-западная окраина – Шэньси и Ганьсу. Отсюда вышли в степь тюркюты и уйгуры, здесь родились основатели династий Суй и Тан, а также их соратники^[22]. В этих провинциях наблюдались все необходимые условия для этногенеза: сочетание степного и горнолесного ландшафтов, гибридизация китайцев с тибетцами и степняками. Но дополнительный фактор – возбудитель пассионарности – обнаружился только в VI в. и дал начало средневековому Китаю, который самостоятельно существовал до XVII в., т.е. до маньчжурского завоевания. К степным народам судьба была более жестока. Этногенез тюркютов был оборван в VIII в. победой уйгуров, а уйгурский – деформирован в IX веке победой кыргызов, вытеснивших уйгуров из степи в оазисы, где остатки побежденных смешались с аборигенами, подарив им свое имя^[2].

Южнее тридцатой параллели, на которой стоит Лхаса, расположена Раджпутана, находившаяся на середине прямого пути от Лхасы до Мекки. История Индии в домусульманский период освещена источниками плохо, так как индусы предпочитали заниматься философией, а не событиями земной жизни. Поэтому о появлении народа со странным именем «раджпуты» (царевичи) мы узнаем только из событий VIII в., видимо отстоящего далеко от начала процесса этногенеза. Раджпуты – это бесчисленное множество мелких племен, часть которых, пришедшая из Средней Азии, поклоняется солнцу, а другая часть, местная, почитает змея. В VII в. произошла так называемая «раджпутская революция», опрокинувшая престол династии Гупта. Буддийских монахов, сторонников Гупта, раджпуты истребили и, поделив Индию на множество независимых княжеств, установили в ней систему каст, просуществовавшую до XX века. Опять совпадают время и место пассионарного толчка, и снова остается загадочным наличие социально-экономических, культурно-этнографических и популяционно-генетических барьеров. Что пассионарность наследуемый признак – сомнений нет, но она не могла в данном случае распространяться путем панмиксии, ибо антропологические черты столь разнят арабов и тибетцев, индусов и северных китайцев, что при наличии смешанных браков у гибридов проявились бы черты обоих родителей. Однако у арабов нет следа монголоидности, а монголоидность тибетцев вне сомнений.

Значит, пассионарность не только передается от родителей, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами. Следовательно, это географический феномен на

историческом и биологическом фоне. Проверим наш вывод на новых примерах.

Тогда же, в VIII в., когда Византия переживала жестокий внутренний перелом, выразившийся в иконоборчестве, а в Азии расцветали и расширялись суперэтноты, возникшие в VI в., – арабо-мусульманский, табгачский (средневековый Китай), тюркско-тибетский (их можно объединить по признакам генезиса и территории), – Западная Европа переживала глубокий упадок. Она стала объектом экспансии. Арабы дошли до Луары, авары простерли набеги до Рейна, финны и лопари оттеснили скандинавов на юг полуострова. Хозяйственная система, унаследованная от Рима, пришла в полный упадок, так что на территории Франции восстановился девственный лес. Последнее указывает на исключительное снижение пассионарности, так как самый консервативный класс – крестьяне снизили интенсивность обработки земли до минимума, позволявшего только что не умереть с голоду. Короли даже в то время получили прозвище «ленивых», а их дружинники соперничали в дикой разнузданности и забвении традиций верности и долга.

Некоторой попыткой навести порядок была политика первых Каролингов, сплотивших вокруг себя наименее деморализованные элементы страны. Результатом их усилий была империя Карла Великого, развалившаяся уже при его внуках. В этой империи все было импортным. Идеологию взяли у Византии, образование получили из Ирландии, военную технику (рыцарскую конницу) заимствовали у аваров, медицину – у арабов и евреев.

Неотвратимый упадок пассионарности влек за собой распад культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошли «феодалная революция» и движение викингов. С этими явлениями совпадает первая волна реконкисты в Испании. Астурийцы, дотоле державшиеся в своих горах, оттеснили арабов за Тахо. Правда, они вскоре были отбиты, но сама попытка показывает, что у них возродилась воля к борьбе и победе.

Теперь несколько слов о викингах, о которых есть столько превратных суждений, что надо внести ясность. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была общинно-первобытная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою родную землю от натиска лопарей, пока не вытеснили их на крайний север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило оскорбительный оттенок, отчасти соответствующий современному «бродяга» или «разбойник». Когда

юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали особой храбростью, но скрывали боязнь битвы, наедаясь опьяняющими мухоморами. В опьянении они были неукротимы, но ведь другие бросались в атаку трезвыми. Иными словами, викинги были людьми несколько отличного от прочих склада. Они обладали пассионарностью. Естественно, что малопассионарные норвежцы предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Да их в свою дружину викинги и не приняли бы. Зато скандинавские пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться. Однако поздние Каролинги и их свита не проявили никаких способностей к организации обороны, что вызвало законное недовольство их подданных. Тогда отдельные инициативные военачальники возглавили тех, кто хотел и мог обороняться, например Эд, граф Парижа. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе.

О том, что такое феодализм, написано достаточно. Нам следует лишь отметить, что люди, получавшие бенефиции и лены, ставшие в IX в. наследственными, подбирались ранними Каролингами по деловому принципу. До того как феодализм стал формацией и до того как он был оформлен юридически, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому требовались толковые помощники, а те работали только за плату: «Nullum officio sine beneficio», т.е. «нет службы без вознаграждения».

В те времена на опасные задания во время постоянных малых войн имело смысл посылать только энергичных, инициативных и смелых людей, согласных за хорошую плату рисковать жизнью. Значит, первые поколения феодалов составлялись из пассионариев. До IX в. число их было незначительно, т.е. шел инкубационный период. В X-XI вв. их было гораздо больше, чем требовалось, и постоянные войны, затеваемые ими, разоряли европейские страны не меньше, чем нашествия соседей. Избыток пассионарности стал губителен. Тогда, в уже сформировавшемся феодальном обществе, возникло стремление избавиться от лишних пассионариев путем отправки их за море. Эта первая колониальная экспансия была организована римским папой Урбаном II в 1095 г. на соборе в Клермоне как крестовый поход. Первые четыре крестовых похода снизили пассионарное напряжение романо-германского суперэтнуса, что позволило подавить сепаратистские силы на юге Франции. В XVI в. имел место аналогичный отлив пассионариев в Вест- и Ост-Индию, а в XVII в. – в Северную Америку, что принесло Западной Европе некоторое успокоение.

Но дальше идет компетенция истории, на базе которой этнолог может построить такую же модель романо-германского суперэтнуса, какую мы уже построили для ряда предшествовавших. Для этнологии рождение общественных институтов – индикатор глубинных процессов корреляции истории общества и истории природы. И здесь нам надлежит обратить внимание на еще одно явление, тесно связанное с ростом пассионарности, – на изменение этнической доминанты. В IX в. в Европе появились этносы нового типа, которые у современников получили название «нации» (от лат. *natio* – рожденный).

Это слово IX в. не совпадает с принятым в советской науке значением термина «нация» как социальная функция, т.е. «высшая форма этнической общности людей, сложившаяся на базе как буржуазных, так и социалистических общественных отношений»^[182, стр. 24] и, следовательно, относящаяся к капиталистической и социалистической формациям^[183],^[138]. Разумеется, средневековое понимание термина «нация» было иным.

Поэтому, читая название государства Карла Великого: «Священная Римская империя германской нации», мы должны помнить, что этот термин эквивалентен нашему термину «этнос»^[прим. 25], а отнюдь, не «нация» или «народность». Но и этот термин для IX в. стал архаизмом, потому что он обозначал уже исчезнувшую суперэтническую целостность. Именно тогда сложились ныне существующие этносы: немцы и французы, а также несколько других – провансальцы, аквитанцы, бретонцы, влившиеся во французский этнос. Это были первые этносы, образовавшиеся одновременно с развалом государства франков. Они разорвали его железный обруч, так как процесс этногенеза шел одновременно и параллельно с ростом феодализма. Но это совпадение характерно только для Западной Европы. В других регионах аналогичные процессы этногенеза накладывались на другие социальные структуры, и формы, ими образуемые, были всегда оригинальными, что мы и отметили выше.

При распадении империи Карла Великого его внуки в 843 г., встретившись в Вердене, именовались: Карл, король французов, и Людовик, король немцев. До этого все их подданные были «римляне германской нации», т.е. германцы по рождению, юридически оформленные как римляне. Последнее было не ново. Ведь были галло-римляне, испано-римляне, иллиро-римляне и т.д., но то, что общность нового типа, совмещающая единство происхождения и языка, оказалась предпочтенной юридической форме, показывает, что появилась новая этническая доминанта, т.е. принцип, на котором люди нового склада стали объединяться в коллективы. Поэтому можно и должно рассматривать дробление западноевропейского суперэтнуса не на общины, не на племена, не на

полисы, а на «Nationes» как локальный вариант этногенетического процесса^[184].

И опять-таки отметим хронологическое совпадение подъема пассионарности в Скандинавии, западной Германии, северной Франции и северо-западной Испании, т.е. на оси, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Никакого переноса генов пассионарности из Скандинавии в Астурию и наоборот не было, равно как и культурных заимствований. Смещение имело место во Франции, которая выдвинулась на первое место в Западной Европе. Англия и Италия находились за пределами ареала пассионарного подъема и стали его жертвами. Англию захватили франко-норманны, Италию – саксы, франконцы и швабы. Но импортированный заряд пассионарности воздействовал на этногенез этих стран также, как и возникший естественным путем, только с небольшим хронологическим отставанием.

К XIII в. вся Западная Европа была охвачена мощным процессом образования этносов, равно как и подъемом культуры и государственности. Эти процессы шли параллельно, в постоянном взаимодействии. Число средневековых этносов сначала увеличивалось. Так, на территории Франции выделились бретонские кельты, гасконцы, аквитанцы, провансальцы, но нормандцы связали свою судьбу с собственно французами, можно думать, потому, что наиболее пассионарная часть населения Нормандии вместе с Вильгельмом Завоевателем переехала в Англию. Юг сопротивлялся французам отчаянно. Сначала сопротивление возглавили манихей-альбигойцы, потом английские короли Плантагенеты, уроженцы Пуатье, потом там укоренились гугеноты и, наконец, жирондисты, противники Робеспьера. Только победа капитализма во Франции укрепила влияние Парижа на юге страны, потому что юноши шли на заработки в столицу, а девушки нанимались в горничные. Возвращаясь домой, они приносили усвоенный стереотип поведения и передавали его своим детям; остальное довершили школа в XIX в. и радио (XX в.).

Таким образом, видимое начало западноевропейского романо-германского суперэтноса можно датировать серединой IX в., а инкубационный период – VIII в., когда первые проблески пассионарности еще не разрушили старых традиций, унаследованных от Византии и германских предков.

Дальнейшая этническая история Европы прослеживается путем изучения истории, что лежит за пределами поставленной в этой статье проблемы.

И наконец, можно отметить пассионарный подъем в XII в. в Монголии и Маньчжурии. Продуктами его были чжурчжэни, завоевавшие в середине

XII в. Северный Китай, и монголы, политически объединенные в XIII в. Чингисханом. Этому видимому подъему предшествовал инкубационный период, занявший вторую половину XI в. ^[173].

В XIV в. точно такой же толчок имел место в Восточной Европе, где одновременно возникли этносы: литовско-русский, великорусский и татарский тюркоязычный (до этого «татарами» называли монголоязычное войско золотоордынских ханов). Южнее Черного моря на той же меридиональной полосе создались турки-османы ^[125], сунниты, и азербайджанские турки, объединенные под знаменем шиизма; но ведь мы отмечали, что новый этнос может принимать любую окраску, в том числе и конфессиональную. Однако тут полоса пассионарного взрыва не продвинулась дальше на юг и не достигла тропиков.

Объем статьи не позволяет нам остановиться на этом интересном примере, а также других, ибо число разобранных нами случаев пассионарных «толчков» не исчерпано. Но ничего принципиально отличного от приведенных примеров мы не найдем. Поэтому можно сделать выводы:

1. Время от времени на разных участках поверхности Земли возникают пассионарные популяции, которые образуют консорции, в дальнейшем либо превращающиеся в этносы, либо погибающие.

2. Один пассионарный «толчок» может породить несколько суперэтнических образований.

3. Регионы суперэтносов могут быть разделены наземными барьерами, исключаящими популяционно-генетический обмен и культурно-исторические влияния, но ареал пассионарного подъема монолитен.

4. Пассионарность – признак (в биологическом смысле), составляющий наполнение исторических процессов, направление которых определяется общественной формой движения материи, с которыми происходит корреляция, составляющая содержание исторической географии и этнической истории.

Что же касается объяснения столь странных особенностей появления пассионарности, то для него может быть предложена только гипотеза, тогда как изложенное здесь представляет «эмпирическое обобщение, по степени достоверности приравняемое к наблюдаемому факту» ^[86, стр. 19].

Внутренняя закономерность этногенеза (Ландшафт и этнос: XIV)

Статья опубликована в "Вестнике Ленинградского ун-та". – 1973. – N 16. вып. 1. – С. 94-103.

Концепция, изложенная в статьях этой серии (ссылки на них см. в тексте под римскими цифрами) и развитая в журнале «Природа»^[142]^[161], получила от оппонентов наименование «географо-психологической»^[162]. Несмотря на ироничность определения, я склонен с ним согласиться. Смысл концепции, правильно понятый рецензентом журнала «Вопросы философии» (1971, № 1, стр. 158), находится во «вскрытии связи жесткой логики событий человеческого общества с историей биосферы нашей планеты» и в «дополнении социологического аспекта этнологическим».

Под психологией ныне понимают физиологию высшей нервной деятельности, которая проявляется в поведении людей. Следовательно, этнопсихология должна заниматься надындивидуальным поведением человеческих сообществ, именуемых этносами. При этом она не теряет своей принадлежности к природным формам движения материи, не только биологической, но и физической, механической и химической. Эти формы действуют на отдельных людей, влияют на этносы, но в человеческом обществе никогда не могут приобретать решающего значения в становлении спонтанного прогрессивного развития. Подобно тому, как в географии мы не отождествляем природу и общество, так и в этнологии бессмысленно сводить все многообразие феномена этногенеза только к социальным или только к биологическим закономерностям, опуская при этом биохимические и биофизические процессы биосферы, имеющие не меньшее значение (XII). Хотя наличие в поведении человека биологических импульсов не подлежит сомнению^[163], наша задача состояла лишь в определении их роли в этногенезе^[125]. Эта проблема осложняется необходимостью исследовать разные этногенезы диахронически, дабы уловить в них моменты, сходные не по внешности, а по роли и месту в процессах, т.е. требуется сопоставлять одинаковые фазы этногенезов. Подобные исследования производились нами в планах историко-географическом^[118] и сравнительно-этнографическом^[128], но наши читатели требуют от нас социально-исторического критерия^[164]^[151]. Поэтому мы сосредоточим внимание и на

этой стороне проблемы, предварительно уточнив терминологию и выводы наших исследований, предшествующих данному.

Согласно концепции, изложенной в цитированных выше статьях, этнос – явление природы, обнаруживаемое нами через ощущение (отнюдь не сознание или самосознание), облакающееся в формы социальных институтов и определяемое, в каждом отдельном случае, через те или иные индикаторы: язык, традиции, религии, материальную культуру и т.п. Этническое развитие, в отличие от социального, дискретно. Этногенез – инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии (описанной В.И. Вернадским) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет либо к этническому равновесию с ландшафтным и человеческим окружением, т.е. превращению в реликт, либо к распаду этнической целостности, причем особи, ее составлявшие, входят в состав других этносов.

Есть утверждение, что этнос – явление только социальное, и действительно, он наблюдаем лишь в тех или иных социальных формах. Но этносы были всегда, после того как на Земле появился неантроп. И способ их существования, как показывает история человечества, один и тот же: зарождение, расширение, сокращение степени активности и либо распад, либо переход к гомеостазу. Это типичный инерционный процесс системы, обменивающейся со средой информацией и энтропией. А общественные институты различны; это означает, что социальная форма движения материи и этногенез – два разных, хотя и коррелирующихся процесса (X, XII).

Мы уже отметили, что наличие этногенеза как процесса несовместно. Затухшие этногенезы оставляют после себя реликтовые этносы, которые при достаточной изоляции существуют сколь угодно долго, так как их системы столь мало пассионарны, что находятся в стабильном состоянии (IX).

К этому необходимо добавить, что и в развивающихся этносах большая часть особей имеет столь же слабую пассионарность, что и в реликтовых. Разница лишь в том, что в динамических системах присутствуют и действуют пассионарии, вкладывающие свою избыточную энергию в развитие своей системы. Если принять статическое состояние за нулевой уровень, то динамические будут просто его локальными возмущениями. Вместе они образуют четырехчленную конструкцию: этнический покой^{[[прим. 26\]](#)], инерция некоего толчка, потеря инерции, возвращение в состояние этнического покоя. Это движение выражается в закономерной и единообразной смене доминирующих психо-нервных конструкций (складов) при постоянном наличии нулевого, свойственного статическому состоянию. Это и есть схема этногенеза в его видимой, поведенческой форме^{[[118\]](#) [[128\]](#)].}}

Но если мы попытаемся интерпретировать отмеченное нами явление, то будем вынуждены обратиться к описанной выше пассионарности, которая является проявлением единственной формы энергии, влияющей на характер поведения человеческих сообществ. В самом деле, первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединиться и действовать согласно: так возникает первичная консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. Порождаемая пассионарным напряжением активность, при благоприятном стечении обстоятельств, ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение, что способствует увеличению числа ее членов за счет интенсивного размножения. Так создается этнос как система, где соподчиненность особей является условием существования. Но та же самая пассионарность толкает людей на взаимоистребление ради преобладания в системе, и тогда пассионарное напряжение уменьшается, пока не дойдет до нуля. После этого инерция движения, коренящаяся в социальных институтах и традициях, поддерживает существование системы, но она обречена и переходит в гомеостаз (XII).

И самое интересное, что не только во время войн снижается пассионарное напряжение. Это было бы легко объяснимо гибелью особей, слишком активно жертвующих своей жизнью ради торжества своего коллектива. Но пассионарность столь же неуклонно падает во время глубокого мира, причем даже быстрее, чем в жестокие времена. И самое страшное для этноса – переход от спокойного существования к обороне от натиска другого этноса; тогда неизбежен, если не наступит гибель, надлом, никогда не проходящий безболезненно. Объяснить это явление социальными причинами или факторами невозможно, но если рассматривать повышенную пассионарность как наследуемый признак – все ясно.

Во время феодальных войн женщины ценили героев, шедших в бой, благодаря чему те, прежде чем погибнуть, успевали оставить потомство, пусть не всегда путем законных браков. Дети вырастали и продолжали совершать поступки, подсказанные их конституцией, даже не зная своих отцов. И наоборот, в тихие эпохи идеалом становился умеренный и аккуратный семьянин, а пассионарии не находили места в жизни. Именно такую ситуацию иллюстрирует «Обрыв» И.А. Гончарова, где девушка

предпочитает и революционеру, и артисту богатого и бездарного помещика. Пассионарии, ненужные, а подчас мешающие обществу, умирали без потомства. Их исчезновение из популяции проходило незамеченным, пока внешние удары не потрясали этнос, а когда это происходило – оказывалось, что утрата невосполнима. И тогда наступала фаза обскурации, т.е. агония.

Итак, мы теперь имеем право утверждать, что этнические процессы не являются разновидностью социальных, хотя и постоянно взаимодействуют с ними, что составляет многообразие исторической географии, где, как бы в фокусе, сопрягаются и те и другие.

Теперь мы можем вернуться к основной проблеме – соотношению этноса с ландшафтом, и ответить на вопрос, поставленный одним из наших читателей^[165]: почему для возникновения нового этноса обязательно сочетание двух и более ландшафтов (VI), двух и более этносов, двух и более «социальных организмов»^[прим. 27]. Что это: ряд случайностей или закономерность?

Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что оба они связаны обратной зависимостью (I, II), но ни этнос не является постоянно действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза. Соотношение же этнических и социальных закономерностей исключает даже обратную связь, потому что этносфера Земли для социального развития является только фоном, а не фактором. Неоднократно делались попытки усмотреть в антропосфере один из вариантов простых биологических закономерностей.

Действительно, биология кое-что в этнических явлениях объясняет. Но что и все ли? Посмотрим.

В последнее время возникли две взаимоисключающие концепции по поводу биологических закономерностей в истории общества. Одна, разделяемая многими учеными Запада, считает формообразование в антропосфере результатом естественного отбора и игнорирует разницу между человеком и животным. Вторая, встречающаяся у некоторых советских этнографов, игнорирует биологическую сторону человека и его деятельности. В 1970-1971 гг. в советской науке появилась третья точка зрения автора, предполагающая двойственность поведения человека^[142],^[161],^[125] и учитывающая своеобразие его эволюции, где «филогенез преобразуется в этногенез» (IX). Аналогичные взгляды высказал антрополог В.П. Алексеев^[166], привлекая в качестве аргумента выводы И.С. Кона о существовании «национальных характеров»^[167].

Однако и В.П. Алексеев, и И.С. Кон, правильно констатируя факты, не пытаются уловить механизм их взаимоотношений и установить природу наблюдаемых ими различий между этносами, либо сводят их к ландшафтным воздействиям^[166, стр. 51]. Поэтому продолжим ход нашего рассуждения, являющегося следствием из ряда цитированных работ.

Исходя из нашего тезиса о природе этноса как системы, порождаемой взрывом пассионарности, мы имеем право определить этнос как явление энергетическое, поскольку все наблюдаемые нами этносы – лишь фазы этногенезов. Так как начинающийся энергетический процесс всегда преодолевает инерцию процессов предшествовавших, то естественно, что чем меньше инерция, тем легче ее нарушить неожиданным толчком.

Монотонные ландшафты с однородным этническим заполнением и объединяющей людей традицией, воплощенной в формы политических институтов, – это массивы, которые на относительно слабые толчки реагируют очень мало. Зато при сочетании ландшафтов неизбежно и сочетание разных способов хозяйства. Одни люди ловят рыбу на море, другие пасут скот в горах, третьи делают глиняные горшки в городах, четвертые возделывают виноградники в долинах. Даже если все они имеют одних предков, необходимость адаптироваться к различным условиям среды через несколько поколений сделает их малопохожими друг на друга. И эта несхожесть будет увеличиваться до тех пор, пока системные связи между ними не ослабнут, вследствие того, что одновременно идет поступательное движение общества на основе развития производительных сил и становления новых производственных отношений, что со своей стороны неизбежно влечет перестройку устаревающей общественной системы. Если же, вследствие превратностей исторической судьбы, у данного этноса возникло два-три государства или племенных союза, то устойчивость системы будет еще меньше. Итак, социальные и этнические линии развития переплетены в системе.

Такие системы весьма продуктивны в смысле экономики благодаря разделению труда и специализации; у них неплохая сопротивляемость этническому окружению, т.е. соседям, пытающимся их завоевать, потому что привычка к взаимообмену продуктами распространяется и на взаимопомощь, но внутренний, пассионарный толчок, как правило, опрокидывает их с потрясающей легкостью.

Мой оппонент В.И. Козлов отчасти прав, когда, возражая против моего тезиса, пишет, что пассионарность «вообще не играла никакой роли. Людям с повышенной эмоциональной активностью, заставлявшей их выступать против традиций и правил, определяющих жизнь соплеменников, не было места в обществе; их либо изгоняли из племени, либо просто убивали»^{[162,}

[стр. 721](#). Да, в монолитных этносах у пассионариев было мало шансов уцелеть, но в мозаичных они прекрасно играли на внутренних противоречиях и находили союзников по принципу: враги наших врагов – наши друзья. Именно таким образом Мухаммед добился торжества своей общины. Он использовал вражду жителей Ятриба (Медины) к роду курейшитов, арабов – к евреям, северных бедуинов – к южным. Будущий византийский этнос вырос из христианской общины Павла в многоэтнической Малой Азии, тогда как монолитная Иудея уничтожила у себя группу евреев-христиан. И в средневековом Китае ядром нового этноса оказались не экономически развитые Юг и Восток, а разнообразный географически и смешанный этнически Северо-Запад, где на трупах степняков – табгачей и татабов, щадивших своих китайских подданных, сложилась в VI в. династия Суй. Примеры можно умножать, но надо сделать вывод: разнообразие ландшафтов и этносов – это условие, облегчающее пуск этногенеза, но не его причина, потому что сочетания ландшафтов постоянны, а возникновение новых этносов – явление редкое. Для того чтобы оно произошло, необходимо появление поколения с большим процентом пассионариев, а так как пассионарность – биологический признак, то значит, что время от времени происходят мутации, настолько слабые, что они не затрагивают анатомии человека, а касаются только его поведения, т.е. нервной и, возможно, гормональной деятельности (XIII).

Разбор физиологической и генетической природы признака пассионарности выходит за рамки поставленных нами задач и лежит вне нашей компетенции. Для целей этнологии достаточно установить, что пассионарные популяции время от времени появляются на различных территориях Земли, разделенных барьерами, исключаяющими культурное и генетическое воздействие. Они быстро оформляются в этносы, группирующиеся в суперэтнические системы, являющиеся, таким образом, столь же реальными таксономическими единицами, как и этносы, хотя последние ощущаются нами непосредственно, тогда как суперэтносы умопостигаются (XIII).

До тех пор пока этнографы строили классификации по видимым индикаторам: языку, соматическим признакам (расам), способу ведения хозяйства, религиям, уровням и характеристикам техники, пропасть между суперэтнотами и этносами казалась незаполнимой. Но как только мы переносим внимание на системные связи, то она исчезает. Место описательной этнографии занимает этническая история, фиксирующая как устойчивые взаимоотношения между разнообразными элементами суперэтнической системы, так и ее взаимодействия с соседними системами. И тогда оказывается, что то, что считалось абстракцией, существует весо-

и действительно. Значит, такие термины, как «эллинистическая культура», «мусульманский мир», «европейская цивилизация» (включающая в себя американскую, современно-австралийскую и южноафриканскую) или «кочевая евразийская культура», – не просто слова, а этнические целостности на один порядок выше тех, которые доступны этнографам-наблюдателям. Для установления соизмеримости фаз и внутрифазовых подразделений мы должны условиться о характере сравнения этносов и суперэтнических общностей (культур) между собой. Совершенно бессмысленно сравнивать их синхронно, в любой отрезок времени (хотя бы за год) по всей ойкумене. Это связано с тем, что этносы возникают разновременно и, следовательно, начало одного этноса может совпасть с расцветом или упадком другого. Зато в принятом нами аспекте есть возможность для сравнения этносов как хронологических цепочек закономерного развития, т.е. начало сравнивать с началом, середину – с серединой, конец – с концом. Попытки таких сопоставлений имели место в истории науки, но их беда была в том, что до сих пор описывали явление, не давая ему никакого объяснения, так как не учитывали описанного нами понятия этноса как элементарной единицы и суперэтноса как регионального образования. В связи с этим мы попытаемся дать схему этнического развития от зарождения до реликтовой фазы, пользуясь однозначным мерилom: императивом коллектива по отношению к отдельной особи. Фаза становления, во время которой совершается интенсивный подъем жизнедеятельности и расширение ареала, как естественное следствие этого, требует от вновь образовавшегося коллектива предельной слаженности и предельной мобилизации сил всех его членов. Отсюда и возникает императив: «Будь тем, кем ты должен быть». Собственно говоря, этот приказ относится к характеру поведения отдельных членов коллектива. Король или хан должен вести себя как властелин, воин как воин, раб как раб. Во время этой фазы при негодности короля его низвергают, при непослушании раба его убивают, при недисциплинированности или трусости воина его изгоняют и т.д. Принцип жестокий, но всегда дающий большие результаты, выражающиеся в установлении власти над соседями и накоплении богатств. Этот принцип отнюдь не провозглашается в форме закона, а является молчаливо признанной нормой поведения каждого члена этого коллектива.

Накопленный избыток богатств и решение неотложных внешнеполитических задач высвобождает известное количество людей от значительной части их обязанностей, и тогда начинается усиление индивидуализма, молчаливо формулируемого коллективом в этот период как императив: «Будь самим собой», т.е. будь не только трибуном, исполняющим свои обязанности, но и Гаем Гракхом, не только рыцарем, но

и Пьером Байяром, не только членом боярской думы, но и Василием Шуйским, т.е. индивидуальные особенности проявляются даже больше, чем участие в общественных делах. Прежде эти люди все силы клали на служение делу, определяемому культурной доминантой. Очень характерно эта разница прослеживается в искусстве: в средние века автор произведения не ставил своего имени на картине, и не были известны зодчие, создавшие архитектурные шедевры, а в эпоху Возрождения прославились многие знаменитые и яркие личности.

Однако развитие индивидуализма ведет к столкновению между активными индивидуумами, по большей части кровавому. Внутри этноса, а часто в суперэтнической общности (культуре) возникает ожесточенное соперничество, поглощающее силы, которые до сих пор шли на решение задач внешних, например, в Европе: отражение венгров и норманнов, крестовые походы, Реконкиста. В результате количество ярких индивидуальностей уменьшается и выдвигается очередной этносоциальный императив, иногда персоной реальной, иногда идеальной: «Будь таким, как я», т.е. стремись уподобиться идеалу. Римские цезари были реальными персонами, проводившими этот принцип в жизнь. В мусульманской и византийской культурах в качестве идеальных персон выставлялись святые праведники, у монголов – Чингисхан, даже после его смерти, у англичан сложился идеальный облик джентльмена, служащий образцом поведения. Стремление подтягиваться под тот или иной трафарет является обязательным условием спокойной жизни индивида в коллективе. Отклонение, небрежение, поиски самостоятельных путей молчаливо рассматриваются как крамола. Слишком свежо еще воспоминание о кровавых расправах предыдущей эпохи.

В фазе упадка даже этот императив представляется обременительным и заменяется новым, идущим от наименее энергичной, но многочисленной части этнического коллектива: «Будь таким, как мы», это значит – не старайся возвыситься над общим уровнем, откажись от идеалов вообще, слейся, хотя бы внешне, с массой. Но это ослабление структуры, ведущее в пределе к полной аморфности, делает этнос неустойчивым и лишает его обороноспособности как в военном, так и во всех других смыслах этого слова. Внутренние связи в коллективе ослабевают, становятся тягостными, и возникает последний императив реликтовой фазы: «Будь сам собой доволен», т.е. старайся не мешать другим. Этнос как целое рассыпается и исчезает.

А теперь можно попытаться дать модальную схему связей между описанными фазами этногенеза и типами взаимоотношений коллектива с индивидом или индивидом с коллективом, поставить знак равенства между

которыми нельзя. Фаза исторического становления, как доминантой, характеризуется императивом: «Будь тем, кем ты должен быть», однако, весьма вероятно, что в зависимости от интенсивности этой фазы и длительности ее протекания в ней в той или иной мере могут уже сказываться (в разное время и в разных местах экспансии) и императивы индивидуалистический («Будь самим собой») и идеалистический («Будь таким, как я»). Фаза исторического существования характеризуется обычно в вышеприведенной последовательности всеми тремя императивами, при этом, по-видимому (на что указывает рассмотрение некоторых крупных еще не завершенных этносов), фаза исторического существования может характеризоваться способностью вторичного проявления доминанты одного из описанных трех типов взаимоотношений. В общей форме это можно выразить как сохранение этносом способности, в случае нужды (определяемой комплексом условий его внутренней и внешней среды), возрождать в качестве доминанты тот или иной тип взаимоотношений между коллективом и индивидом. Третья фаза – фаза исторического упадка, – несомненно характеризующаяся вышеописанным типом взаимоотношений: «Будь, как все, т.е. как мы», в основном может быть охарактеризована потерей только что описанной способности к «регенерации» нужного в данный момент одного из трех описанных типов взаимоотношений; это и определяет упадок этноса, его неспособность достаточно быстро и активно реагировать на чужеродные воздействия в широком смысле этого слова (будь то чужеземные завоевания, поглощение соседними более мощными этносами или «растворение» в чужой культуре). Четвертая фаза – фаза исторических реликтов – характеризуется благоприятными для них конstellляциями внешних условий; остатки населения и территорий пришедшего в упадок этноса могут в качестве «забытых» или «отдаленных» групп (сохраняющих еще основной признак этноса: «мы и не мы») сохраняться неопределенно долгое время, с отработанным в прошлом стереотипом поведения.

Но если так, то многие изоляты, находящиеся на ранних ступенях цивилизации, при крайне низком уровне техники являются конечными, а не начальными фазами этногенезов. Таковы, например, пигмеи тропических лесов Африки, аборигены Австралии, палеоазиатские племена Сибири, огнеземельцы. Степень адаптации к природным условиям настолько велика, что она позволяет им поддерживать существование в составе биоценоза, не прибегая к усовершенствованию орудий труда и оружия. Однако эта система взаимоотношений с природой и этническим окружением налагает ограничения на прирост населения. Это особенно было заметно в Новой Гвинее, где папуасский юноша получал право иметь ребенка не раньше, чем

он принесет голову человека из соседнего племени, узнав его имя, потому что число имен строго лимитировано. Таким путем папуасы поддерживали свое равновесие с природными ресурсами населяемого ими района. Это нулевой уровень пассионарности. В прочих отношениях они не уступают динамическим народам.

Итак, пассионарность – не просто дурные наклонности, а важный биологический признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преобразая их в новые этносы и суперэтнические системы. Теперь мы знаем, где искать его причину. Отпадают экология и сознательная деятельность отдельных людей, остается широкая область человеческого подсознания, но не индивидуального, а коллективного. Это так называемая этнопсихология, но не в статическом состоянии, а в динамике с инерционным моментом, причем продолжительность действия инерции исчисляется веками (XI).

Сопоставим добытые нами данные: географические, биологические и исторические. Пассионарный взрыв связан с протяженным регионом (XIII), всегда ландшафтно разнообразным и населенным разными этносами; пассионарность – биологический признак, возникающий, видимо, в очень короткий промежуток времени и через два-три поколения меняющий расстановку этносов, часто создавая новый суперэтнос. Такое явление называется мутацией. Применимо ли оно к человеку? Сверимся с антропологией.

Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин, отмечая малую пластичность расовых признаков сравнительно с нерасовыми, тем не менее указывают на наличие даже расовых соматических изменений, возникших помимо метисации, за исторический период [\[121, стр. 465-468\]](#). Изменения признаков идут либо вследствие адаптации к новым условиям, либо вследствие мутаций. В последнем случае полезный признак подхватывается, а вредный – вытесняется естественным отбором [\[168, стр. 121\]](#). Пассионарность – признак нерасовый и вредный, если не сказать – губительный, и для самого носителя и для его близких. Следовательно, вероятность его появления больше, а его закрепления – меньше, нежели у признаков полезных или нейтральных. Однако особенности пассионарности как признака таковы, что носитель его, прежде чем погибнуть, успевает рассеять свой генофонд по популяции путем случайных связей. Это делает признак блуждающим [\[прим. 28\]](#), что, в свою очередь, задерживает его экстерминацию. Наличие же системных связей как жестких (социальных), так и корпускулярных (этнических) повышает значение признака для системы в целом, будь то «социальный организм» [\[152\]](#) или суперэтнос. Ведь степень воздействия этноса на природную среду и этническое окружение зависит не только от уровня

техники, но и от пассионарной напряженности этноса, как целостности, проходящей ту или иную фазу этногенеза^[128]. Но мало этого. Г.Ф. Дебец^[122] и Н.Н. и И.А. Чебоксаровы^[168] указывают, что мутации охватывают не всю ойкумену, а определенные географические регионы. «Наши предки имели коричневатую кожу, черные волосы, карие глаза, а блондины со светлыми глазами появились путем мутаций, сосредоточившихся главным образом в Северной Европе у берегов Балтийского и Северного морей»^[168, стр. 121]. Ну чем отличается эта мутация от пассионарных толчков, кроме того, что они возникают несколько чаще (XIII), так как нервная система более чутко реагирует на мутагенные импульсы, нежели сома.

Концепция мутаций объясняет все особенности этнических процессов, в том числе их неповторимость при общей схеме развития. Ведь каждый процесс начинается в своеобразных географических условиях, при наличии тех или иных традиций у исходных форм и в неповторимой исторически обусловленной расстановке сил, окружающих очаг начинающегося процесса этногенеза. Социальные моменты играют не меньшую роль, чем биологические, но, как мы уже видели, эти роли просто дополняют друг друга. Изучать этногенез в отрыве от политической и экономической истории – бесплодно, но также нелепо не учитывать географическую среду и процессы эволюционной биологии^[145, стр. 82]. Направленность этногенетических процессов не телеологична, а просто детерминирована средой, но именно поэтому все этносы прошлого, настоящего и будущего были и будут непохожи друг на друга. Отсюда легко объясняется понижение способности к приспособлению. Инерция первоначального толчка – мутации – и оформление новой популяции в определенных географических условиях создают движение в том или ином направлении. Отсюда – функциональная связь этноса с ландшафтом, подтвержденная многочисленными наблюдениями (IV, V). Исключением являются этносы-паразиты, живущие в отрыве от ландшафта, их породившего, за счет этносов-аборигенов, иногда образуя химерные этносы (см. XI). К этому разряду этносов относится явление колониализма, принципиально отличное от колонизации. Но это исключение, объяснимое в каждом случае историческими событиями, подтверждает правило – установленную закономерность.

В заключение необходимо уточнить, в какой степени соответствует предложенная нами концепция этногенеза теории диалектического и исторического материализма. Она соответствует ей полностью. Развитие общественных форм – спонтанно; смена общественно-экономических формаций – явление глобальное, несмотря на неравномерность развития в разных регионах; движение общественной формы материи – поступательно

и прогрессивно, направление его – спираль. Следовательно, это философская теория об общих законах развития, и, значит, она на целый порядок выше, нежели антропосфера, взятая как целое, и на два порядка выше, чем этносфера – мозаика этносов во времени и пространстве. Иными словами, этнология – это частный случай применения диалектического материализма с учетом специфики темы и аспекта^[155].

Первичный материал для наших соображений мы получаем из исторической географии, т.е. из огромного количества исторических и географических сведений. Без анализа этот материал нем. Пока мы сами не разумеваем события глобальные и локальные, географическую среду и техносферу, живые процессы этногенеза и их кристаллизованные остатки в археологических раскопках^[169],^[170], до тех пор перед нами будет только бессмысленный калейдоскоп, ничего не дающий ни уму, ни сердцу. Но, проделав необходимый анализ, мы увидим интерференцию закономерностей природных и общественных, сочетание их, а не подмену одних другими. И тогда отпадет большой вопрос о географическом детерминизме и его антиподе – географическом нигилизме^[171].

Как известно, все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок, тем неуклоннее воздействие закономерности на объект, и чем ниже порядок, тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы. В первом случае лимит – галактика, во втором – атом, ибо супергалактические и субатомные явления исследуются иными способами и иначе воспринимаются нашим сознанием. А между ними лежит градация порядков явлений. И каждый порядок требует к себе внимания и подхода.

Этнология находится где-то около середины. Тип движения в этносах – колебание, развитие – инерционно и дискретно, устойчивость обеспечивается системными связями, а неповторимость и творчество – эффектом биохимической энергии живого вещества, преломленного психикой, т.е. пассионарностью.

Такова, по нашему мнению, дефиниция понятия «этнос». Это элементарное понятие, несводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям. Этот вывод, точнее, итог исследования является эмпирическим обобщением историко-географических данных. Он не исчерпывает проблему полностью, но другие вопросы лежат в областях других наук, и наши суждения по ним не выходят из ранга гипотез.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

А.А.Алексин, обследовав в 1963 г. Баилову бухту около Баку, установил абсолютную отметку фундамента караван-сарая минус 32 м и любезно предоставил свои наблюдения для публикации.

От древнегреческого названия реки Меандр. Здесь: в смысле извивалась. – Ред.

Понижение было эпизодическим. В 1720-1723 гг. уровень Каспия поднялся до абс. отм. минус 24,6 м, а к 1807 г. – до минус 23,2 м. С тех пор он понижается, но не исключено, что это понижение сменится очередным подъемом.

Б.А.Рыбаков (Рыбаков Б.А. Русь и Хазария // Сб. статей акад. Б.Д.Грекова. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952.) предполагал, что «Городище», описанное в «Книге Большому Чертежу», может быть остатками Итиля. Наше обследование исключает эту гипотезу. Хазарского культурного слоя на городище нет.

Тимур во время похода Тохтамыша взял приступом и уничтожил все татарские крепости на Нижней Волге. Других войн такого характера на этой территории в истории не отмечено.

Гунны победили алан, «истомив их бесконечной войной» (Иордан). Окончательная победа была ими достигнута в 370 г. В 463 г. из-за Волги на Северный Кавказ вторглись сарагуры, победившие гуннов, и родственные им барсилы, обосновавшиеся в Прикаспии. Остатки гуннов, смешавшиеся с местными сарматами, – это хазары (Артамонов М. И. История хазар. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962). Около 567 г. хазары подчинились тюркютам и вместе с ними совершили походы в Закавказье, а также участвовали в их распрях. После падения Западно-Тюркютского каганата хазары основали свой, сохранив престол за династией Ашина.

В.Ф. Минорский, ссылаясь на Худуд-ал-Алам, помещает Семендер в северо-восточном углу Кавказа, южнее Махачкалы (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963, с.144), но мы принимаем гораздо более убедительную локализацию М.И. Артамонова (Артамонов М. И. История хазар. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, с.399).

В 1538 г., отвечая на жалобы ногайского мурзы, из Москвы писали: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни – казаки. А и наших украин казаки с ними смешавшись ходят и те люди как вам тати, так и нам тати». А в 1549 г. ногайский князь Юсуф писал Ивану Грозному, что казаки севрюки, которые на Дону стоят, ограбили татарских купцов. И в дальнейшем борьба со степняками была специальностью казаков, принявших на себя ту роль, которую до них выполняли хазары.

Наши соображения получили подтверждение во время полевых работ в 1965 г. Проф. МГУ А.Г. Гаель обнаружил на берегу р. Медведицы в погребенном гумусном слое керамику "срубной" культуры бронзового века, датирующую слой XV в. до н.э.

Литература о юечжах огромна. Последняя сводная работа: R. Grousset. *L' Empire des steppes*, Paris, 1960 (см. стр. 64 этой работы, где приведена литература).

Голоцен (от греческого holos-весь и kainos-новый) (последлениковая эпоха), современная геологическая эпоха, составляющая последний, незакончившийся отрезок четвертичного периода геологической истории и соответствующие ей отложения. Начало голоцена совпадает с окончанием последнего материкового оледенения северной Европы. (Прим. Скоморохов В.)

Тюркюты совершали походы без обозов и, следовательно, не брали с собой фуража.

Ср. (В. А. Анучин. Теоретические проблемы географии. М., 1960, стр. 213), где «границы феодальных государств» объявлены «историко-географическими рубежами», хотя на самом деле было наоборот.

Для физико-географических районов, в которых происходят процессы этногенеза и наблюдается интенсивное историческое развитие, предложен специальный, весьма удачный термин – месторазвитие (П. Н. Савицкий. Географические особенности России, ч. I. Растительность и почвы. Прага, Евразийское книгоиздательство, 1927, стр. 30)

Иранская свастика изображала солнце и в отличие от индийской была повернута против часовой стрелки, а «Девятиэтажная гора» – это гробница Кира, за исключением верхнего этажа, выделенного особо.

Надпись «Я, царь Кир Ахемонид» была сделана на трех языках (Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр.102).

В персидском языке для сада цветочного и сада плодового существует два отдельных слова.

Поскольку данная статья является продолжением восьми предыдущих, то исходные положения не требуют специальной аргументации, которая повторила бы предшествующие работы.

Мы опускаем рассмотрение антидарвиновских концепций: *vis inertiae* – А. Додерлейна, Ортогенез – Т. Эймера, номогенез – Л. С. Берга, аристокенез – Х. Осборна (цит. по А. П. Быстров. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л., Медгиз, 1957, стр. 23 – 33), так как механическое перенесение природных закономерностей общего характера на частный, относительно всей фауны, случай повлечет ошибки, хотя бы просто из-за несоразмерности масштабов; детали, не имеющие значения при изучении эволюции в целом, при изучении одного вида на ограниченном отрезке времени оказываются либо весьма важными, либо не имеющими никакого касательства к предмету, в нашем случае – человечеству за последние 5000 лет.

Хронология А. П. Быстрова требует уточнения. По новым данным C^{14} кроманьонский человек в Европе имеет давность около 20 000 лет, а *Homo sapiens* в Северной Америке – около 37 000 лет (Ю. А. Молчанов. К вопросу о начальных этапах заселения Нового Света. Доклады по этнографии ВГО, вып. 4. Л., Изд. ВГО, 1966, стр. 34).

Необходимость развернуть тезис, дабы предупредить недоразумения, возникающие от непонимания постановки и решения проблемы, при ограниченном объеме статьи вынуждает автора заменить историко-географические примеры отсылочными сносками. Жаль, но другого пути нет.

Употребляя биологический термин «популяция», мы не приравниваем его к этносу, но отмечаем, что в этнической диагностике сопричастствует и этот аспект. Плодотворность комбинированного подхода доказана исторической антропологией (Ю. Г. Рычков. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира). Изд. МГУ, 1969).

Подробности этих событий см. в нашей книге "Хунны в Китае", где впервые сделано их обобщение, достигнутое путем применения этнологического подхода.

Название «ренегат» в те времена не имело оскорбительного оттенка, и переход на службу к врагу был явлением обыденным. Но если переход в рамках одного суперэтноса даже не считался изменой, то уход к мусульманам лишал ренегата былой этнической принадлежности. «Теперь я турок, не казак» («Запорожец за Дунаем»).

Этносы - «исторические общности людей (племя, народность, нация), которые образуют своеобразные явления, не относящиеся ни к базису, ни к надстройке» (Философский словарь. М., 1963, стр. 320).

Под «этническим покоем» понимается стабильное состояние этноса, где каждое поколение повторяет жизненный цикл предшествовавшего, что обычно связано с изоляцией (IX; Гумилев Л.И. Этнос как явление. - «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3, стр. 90-107; Гумилев Л.И. Этнос и категория времени. - «Доклады Географического общества СССР», 1970, вып. 15).

Этот термин введен в науку Ю.И. Семеновым (Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. - «Вопросы истории», 1966, № 8) и привился (Козлов В.М. Что же такое этнос? - «Природа», 1971, № 2) несмотря на то, что это метафора. Под «организмами» им понимаются устойчивые государственно-культурные образования, переживающие формации, в которых они сложились, а не уподобление общества организму, как у Ф. Ратцеля и Г. Спенсера.

Именно наличие фиксируемых связей и неопознанного отцовства снимает мнение, что пассионарность присуща тому или иному классу. Если случайное сочетание обстоятельств может породить такое соответствие, то оно уже в следующем поколении будет нарушено появлением так называемых «незаконных» детей. Это показывает еще раз, что социальные и этнические явления несоизмеримы.

Литература

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962.

Гумилев Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. XXII. 1962.

Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Сов. археология. N 10.1953.

Леонтьев О.К. и Федоров П.В. К истории Каспийского моря в позднее- и после-хвалынское время // Изв. АН СССР (серия геогр.) 1953. N 4.

Рихтер В.Г. Новые данные о древних береговых линиях на дне Каспийского моря // Изв. АН СССР (серия геогр.) 1954. N 5.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время. Очерки по физической географии. М.-Л.: Изд. АН СССР. 1949.

Аполлов Б.А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря // Вопросы географии. М., 1951.

Аполлов Б.А. Колебания уровня Каспийского моря // Труды Института океанологии. Т. XV. 1956.

Шнитников А.В. Ритм Каспия в постъюрме //ДАН СССР. Т. 94. 1954. N 4.

Артамонов М.И. Древний Дербент // Сов. археология. 1946. N 8.

Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX-X вв. о Кавказе // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1911.

Абросов В.Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения
гумидной и аридной зон // Изв. ВГО. 1962. N 4.

Алексин А.А., Гумилев Л.Н. Каспий, климат и кочевники Евразии // Труды Общества истории, археологии, этнографии. Т. 1. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1963.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. ВГО. Т. XV. Вып. 5. 1963.

Гумилев Л.Н. Хунну. М.: Востокиздат, 1960.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд. АН СССР, 1932.

Рыбаков Б.А. Русь и Хазария // Сб. статей акад. Б.Д.Грекова. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.

Наранн К. Geschichte der Kunst. Berlin, Akademie Verlag, 1957.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука.М., 1957.

Гумилев Л.Н. Хазарские погребения на бугре Степана Разина. — «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. XXVI, 1964.

Крупнов Е.И. Городище «Трехстенный городок». — «Советская этнография», 1935, № 2.

Крупнов Е.И. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55. М., Изд. АН СССР, 1954.

Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии. Историк-марксист, № 5 (93), 1941.

Яцунский В. К. Историческая география. М., Изд. АН СССР, 1955.

Калесник С. В. Современное состояние учения о ландшафтах. Изд. ЛГУ, 1959.

Калесник С. В. Человек и географическая среда. Л., Изд. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, 1949.

Берг Л. С. Климат и жизнь. М., Географгиз, 1947.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на западных и восточных. Изв. Географ. общества, т.15, вып.2, 1933.

Каминский А. А. Некоторые особенности климата северо-западной Монголии, Географ. сб., т. 2ПТР, 195” 1915.

Алимов Б. П. Народная республика Монголия., М., Географгиз, 1951.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства кочевников. Материалы по этнографии, т. I, Изд. АН СССР, 1961.

Лавренко Е.М. Основные черты ботанической географии пустынь Евразии и Северной Африки. Комаровские чтения. ХУ, М. – Л., Изд. АН СССР, 1962.

Гумилев Л.Н., Алексин А.А. Хазарская Атлантида. // "Азия и Африка сегодня", No 2, 1962.

Гумилев Л.Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос: II). // "Вестник ЛГУ", 1964, N24, вып.4.

Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос: III). // "Вестник ЛГУ", т. 18, 1965, вып.3.

Gumilev L.N. New Data of the History of Khazaria, *Acta Archaeol. Academ. Sci. Hungar*, t. XIX, f.1/2, 1967.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. // Записки Геогр. общества СССР. Нов. сер., 1957, т. XVI.

Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос: 1). // "Вестник ЛГУ, сер. геологии и географ.", 1964, No 6, вып. 1.

Очерки по истории СССР. Т. 1. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.

Либеров П.Д. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.

Грязнев М.П. Первый пазырыкский курган. М.-Л., 1950.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.

Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861.

Страбон. География. Л., 1964.

Laufer B. The Language of the Yue-chi or Indo-Scythians. Chicago, 1917.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. – Л., 1962.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1954.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961.

Колесник С.В. Основы общего землеведения. М., 1955.

Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос: III) // «Вестник ЛГУ», т. 18, 1965, вып.3.

Бучинский И.Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.

Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в.: Научные результаты Аральской экспедиции. // Известия Туркестан, отд. Русского геогр. об-ва, т. IV, вып. 2, Ташкент, 1902.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов./Пер. с лат. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Гумилев Л.Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана. // «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1959, вып. XVI.

Рихтер В.Г., Самсонов С.К. К последним страницам геологической истории Каспия. // «Известия АН СССР. Сер. геогр.», 1961, No 6.

Рихтер В.Г. Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря. // Бюлл. МОИП. Отделение геологии, т. 36, 1961, No 1.

Овдиенко И.Х. Внутренняя Монголия. М., 1954.

Берг Л.С. Беседа со студентами Московского ун-та. // В кн.: Вопросы географии, No 24. М., 1951.

Берг Л.С. Аральское море. СПб., 1909.

Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков. // «Советская этнография», 1960, No 1.

Курдюмов К.В. О колебаниях оз.Алакуль в историческом и географическом прошлом. // Вопросы географии, т.24. М., 1951.

Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. // Записки Академии Наук. СПб., 1875, т. 26, No 1.

Бартольд В.В. Хафиз Абру и его сочинения. // В кн.: Сборник статей учеников проф. Розена. СПб., 1897.

Марков К.К. Высыхает ли Средняя и Центральная Азия? // Вопросы географии, т.24. М., 1951.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.

Стариков В.С. Монголы в Юннани. // Материалы по этнографии. Л., 1961.

Аполлов Б.А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря. // В кн.: Вопросы географии, No 24. М., 1951.

Анучин В. А. Теоретические проблемы географии. М., 1960.

Анучин В. А. История с географией. «Литературная газета», 18 февраля 1965 г.

Калесник С. В. Некоторые итоги новой дискуссии о «единой» географии. Изв. ВГО, № 3, 1965.

Саушкин Ю. Г. Сегодня и завтра географии. «Литературная газета», 1965, 17 июня.

Вернадский В. И. Биосфера. Избр. соч., т. V. М. – Л., 1960.

Саушкин Ю. Г. По поводу одной полемики. Вестник МГУ, серия V (география), №6, 1965

Калесник С. В. Еще несколько слов о географической среде. Изв. ВГО, № 3, 1966.

Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры. «Народы Азии и Африки», № 4. 1966.

Анучин В. А. Проблема синтеза в географической науке. «Вопросы философии», № 2, 1964.

Савицкий П. Н. Географические особенности России, ч. I. Растительность и почвы. Прага, Евразийское книгоиздательство, 1927.

Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии, М., ИЛ, 1954.

Фоссет П. Г. Неоконченное путешествие. М., изд. «Мысль», 1964.

Окладников А. П. История Якутской АССР, т. I. М. – Л., Изд. АН СССР, 1955.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М. – Л., Главсевморпуть, 1947.

Арманд Д. Давайте не будем. «Литературная газета», 1965, 25 марта.

Ефремов Ю. К. Ландшафтная сфера нашей планеты. Природа, № 8, 1966.

Ефремов Ю. К. Опыт классификации географических наук. Жизнь Земли. Сб. 2. М., Географгиз, 1955.

Гумилев Л. Н. По поводу «единой» географии. Вестник ЛГО, № 6, 1967.

Toynbee A. J. A Study of history. Abridgement of volumes I – VI by D. C. Somervell. L. – N: Y. – Toronto, Oxford Univ. Press, 1946.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., изд. «Наука», 1965.

Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., Изд. Ин-та народов севера, 1934.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III (Главковское время). М. – Л., Изд. АН СССР, 1955.

Чайлд Гордон. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., ИЛ, 1956.

Лобашев М. Е. Сигнальная наследственность. Исследования по генетике. I. Изд. ЛГУ, 1961.

Tibetan – Zang Zung Dictionary. Delhi, Tibetan Bon Foundation (без даты на тибетском языке).

Гумилев Л.Г. Страна Шамбала в легенде и истории. – «Азия и Африка сегодня» 1968, N5.

'Dus pa rin po che'i rgyud gzer mig. Delhi, Tibetan. Bon Foundation, 1965
(на тибетском языке).

Ibid, p. 1127-1138, 1167.

Геродот. История в девяти книгах. М., 1888, т. IV.

Арриан. Походы Александра. М.-Л., 1962.

Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903.

Моммзен Т. История Рима. Т. IV. М., 1949.

Матвеев К.Н., Мар-Юханна И.М. Ассирийский вопрос во время первой мировой войны. М., 1968.

Тревер К.В., Якубовский А.Ю. История народов Узбекистана. Ташкент, 1950.

Свет Я.М. После Марко Поло. М., 1968.

Книга Марко Поло. М., 1956.

Grandider A. Histoire de la Geograpy de Madagaskar. Paris, 1892.

Church R.J. Harrison, Clarke John J., Clarke P.I.H., Henderson H.J.R. Africa and the Islands. London. 1965.

Мурзаев Э.М. Путешествия без приключений и фантастики. М., 1962.

Ефименко П.С. Чудь Заволоцкая. Архангельск, 1869.

Snellgrove D.L. The nine ways of Bon. London. Oxford Univ. Press. 1967.

Waddel L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambpidge 1959.

Белявский В.А. По поводу извечного антагонизма между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы. – В сб.: Славяно-русская этнография. Л., 1973.

Гумилев Л.Г. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос IV). «Вестник ЛГУ», 1966.

Будыко М. И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена. Изв. АН СССР, сер. геогр., № 2, 1967.

Дорст Ж. До того как умрет природа. М., "Прогресс", 1968.

Гумилев Л. Н. Этнос как явление. Докл. отделений и комиссий Геогр. об-ва Союза ССР, вып. 3. Л., Изд. ВГО, 1967.

Быстров А. П. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л., Медгиз, 1957.

Молчанов Ю. А. К вопросу о начальных этапах заселения Нового Света. Доклады по этнографии ВГО, вып. 4. Л., Изд. ВГО, 1966.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. Изд. МГУ, 1955.

Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. Сов. этнография, № 2, 1961.

Давиташвили Л. Ш. Причины вымирания организмов, М., "Наука", 1969.

Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. Изв. ВГО, № 3, 1968.

Гумилев Л. Н. О термине "этнос". Доклады отделений и комиссий ВГО, вып. 3. Изд. ВГО, 1967.

Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос). V. Вестник ЛГУ, № 18, 1966.

Гумилев Л. Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования (ландшафт и этнос). VII. Вестник ЛГУ, № 24, 1967.

Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени. Доклады отделений и комиссий ВГО, вып. 15. Л., Изд. ВГО, 1970.

Холдэн Дж. Б. С. Факторы эволюции. М. – Л., Медгиз, 1935.

Гумилев Л. Н. Этногенез в аспекте географии. Вестник ЛГУ, 1970, № 12.

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере. Успехи современной биологии, т. 18, вып. 12. 1944.

Калесник С. В. Проблема географической среды. Вестник ЛГУ, 1958, № 12.

Калесник С. В. Некоторые итоги новой дискуссии о «единой географии». Изв. ВГО, № 3, 1965.

Семевский Б. Н. Методологические основы географии. Вестник ЛГУ, 1968, № 24.

Природа и общество. Сборник статей. М., «Наука», 1968.

Семевский Б. Н. Рецензия на сборник «Природа и общество». Изв. ВГО, т. 101 1969.

Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11.

Агаев А. Г. Народность как социальная общность. «Вопросы философии», 1965, № 11.

Козлов В. И. О понятии этнической общности. «Советская этнография», 1967, № 2.

Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография», 1967, № 4.

Андреанов Б. В. Проблемы формирования народностей и нации в странах Африки. «Вопросы истории», 1967, № 9.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 1, 2.

Лем С. Модель культуры. «Вопросы философии», 1969, № 8.

Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса. «Природа», 1970, № 2.

Холден Дж. Б. С. Факторы эволюции. М. – Л., Медгиз, 1935.

Берг Л.С. Номогенез. Пг., 1922.

Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. М. – Л., «Наука», 1969.

Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Артамонов М.М. Опять «герои и толпа». – «Природа», 1971, №2.

Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. (Ландшафт и этнос: X). – «Вестник ЛГУ», 1970, № 24, вып. 4.

Семевский Б.Н. Взаимодействие системы «человек-природа». – «Природа», 1970, № 8.

Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. – «Вопросы истории», 1966, № 8.

Малиновский А.А. Пути теоретической биологии. М., 1969.

Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия. – «Советская этнография», 1969, № 6.

Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях. – «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

Иванова Е.В. Роль лингвистических данных при решении проблемы этногенеза (к проблеме этногенеза тайских народов). – «Доклады отделений и комиссий ВГО». Вып. 3. Л., 1967.

Wieger L. Textes historiques. Hien-Hien, 1905-1907.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Наука», 1967.

Обсуждение статьи Ю.В. Бромля «Этнос и эндогамия». – «Советская этнография», 1970, № 3.

Артамонов М.И., Плетнева С. А. Еще раз о степной культуре Евразии. – «Народы Азии и Африки», 1970, № 3.

Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс. – «Природа», 1971, № 2.

Козлов В.М. Что же такое этнос? – «Природа», 1971, №2.

Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. – «Природа», 1971, № 2.

Дроздов О.А. Этнос и природная среда. – «Природа», 1970, № 8.

Куренной В.Н. Пассионарность и ландшафт. – «Природа», 1970, № 8.

Алексеев В.П. Человек: биология и социологические проблемы. – «Природа», 1971, № 8.

Кон И.С. К проблеме национального характера. – В кн.: История и психология. М., 1971.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.

Гумилев Л.Н., Гаепь А.Г. Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижения народов за исторический период. – «Изв. АН СССР, сер. географ.», 1966, № 1.

Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии. – «Известия ВГО», 1971, т. 103, вып. 3.

Калесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.

Гумилев Л.Н. Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XI).
– «ВестникЛГУ», 1971, № 12, вып.2.

Берталанфи П. Общая теория систем – критический обзор. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.

Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.

Малиновский А.А. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии. – В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

Рашевский П. Организмические множества. Очерк общей теории биологических и социальных организмов. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.

Свиридов М.Н. На переднем крае космической науки. – «Природа», 1966, № 8.

Козлов В.М. Динамика численности народов. М., 1969.

Терентьева П.Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. – «Советская этнография», 1969, № 3.

Краткая географическая энциклопедия. Т.п. М., 1966.

Гумилев Л.Н. Величие и падение древнего Тибета. – В кн.: Страны и народы Востока. VIII, М., 1969.

Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность людей. – «Вопросы истории», 1966, № 4.

Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей. – «Вопросы философии», 1964, № 11.

Арский И.В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. – «Уч. записки ЛГУ, сер. истории.» Вып. 12, Л., 1941.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Kun las btus pa scrid pa'i mdzog gzhung. Kalimpong, Tibetan. Bon Foundation (без даты на тибетском языке).